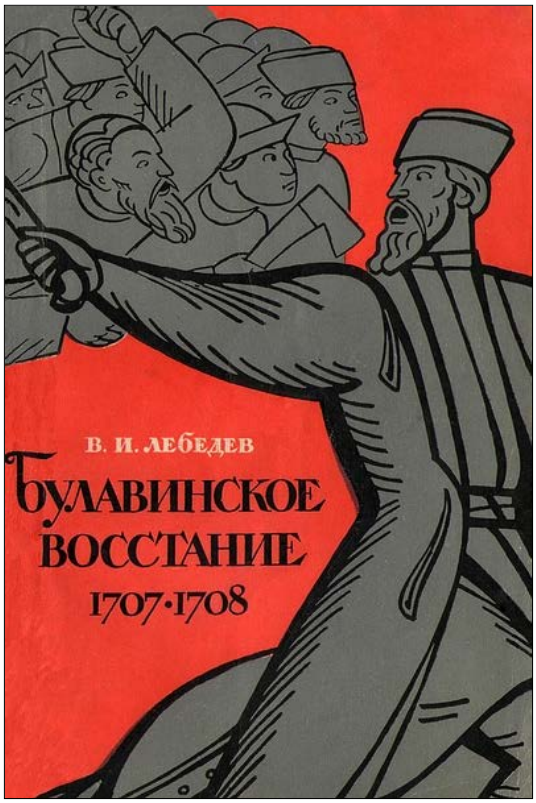
VISIT…



В.И. Лебедев
«БУЛАВИНСКОЕ ВОССТАНИЕ» (1707—1708)

Серия: Историческая библиотека школьника
Издательство: Просвещение, 1969 г.
156 стр. с илл.
Тираж: 80 000 экз.
Подготовил: Дмитрий Грач (1.0)

В книге на строго научной основе излагается история крестьянского восстания под руководством К. Булавина в 1707—1708 гг. Автор знакомит читателя с интересными фактами из истории этого восстания, заостряет внимание на предпосылках и причинах его поражения, анализирует действия руководителей крестьянско-казацких масс. Содержание книги несколько выходит за рамки 1707—1708 гг., что помогает воссоздать более объёмную картину жизни России начала XVIII в.

Рецензент — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, кандидат исторических наук В. Буганов.

Г. Новицкий. Владимир Иванович Лебедев 2

Автор о книге 4

Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ
1. Ухудшение положения народных масс 5
2. Нарастание классовой борьбы 9
3. Восстания в Астрахани и Башкирии 13
4. Положение донского казачества на рубеже XVII—XVIII веков 14

Глава II. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ
1. Начало восстания 21
2. Сборы повстанческих сил 24
3. Обострение классовой борьбы к весне 1708 года. Первые сражения с царскими войсками 26
4. Посылка на Дон карательной армии под командованием Василия Долгорукого 29
5. Поход булавинцев на Черкасск 30
6. Действия восставших и политика Булавина после завоевания им верховной власти на Дону 34

Глава III. ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ
1. Действия восставших после гибели К. Булавина 39
2. Попытки атаманов Некрасова, Павлова и Голого объединить силы восставших 42
3. Завершающий этап восстания 47
4. Кровавая расправа. Отзвуки восстания в стране 54

Заключение 59

Владимир Иванович Лебедев

Видное место в советской исторической науке принадлежит Владимиру Ивановичу Лебедеву (1894—1966). Ученый-марксист, член КПСС с 1927 г., В. И. Лебедев всю свою многолетнюю научно-исследовательскую и педагогическую деятельность посвятил изучению классовой борьбы в России XVII—XVIII вв.

Прожив тяжелое детство и юность (с 14 лет он остался сиротой), в совершенстве овладев исторической наукой, В. И. Лебедев был гуманным и чутким педагогом, умевшим в образцовой форме донести до своих слушателей яркое представление об изучаемой эпохе.

Научно-исследовательскую деятельность В. И. Лебедев начал еще в 20-х годах. Его внимание приковало к себе одно из наименее изученных тогда народных волнений эпохи феодализма — восстание казацко-крестьянских масс под руководством Кондратия Булавина в 1707—1708 гг. Год за годом работал ученый в архиве над большими фондами материалов по истории России первой четверти XVIII в. В процессе исследования Владимир Иванович приходит к выводу о необходимости детального изучения всех народных волнений, которые вспыхивали одно за другим в годы проведения реформ Петра I.

В. И. Лебедев не ограничивается опубликованием в печати в 30-х годах очерка о восстании под руководством К. Булавина и этюда об Астраханском восстании, а все более серьезней изучает всю совокупность неопубликованных материалов.

Погрузившись в исследование многочисленных архивных материалов по истории народных восстаний конца XVII —начала XVIII в., В. И. Лебедев приходит к выводу, что народное выступление в 1707—1708 гг. представляет собой такую же крестьянскую войну, как и восстания под руководством Болотникова, Разина и Пугачева.

В. И. Лебедеву принадлежит большая заслуга в создании учебников и учебных пособий по истории для средней и высшей школы. В. И. Лебедев в содружестве с М. Н. Тихомировым и В. Е. Сыроечковским составил первый том хрестоматии по истории СССР, который впоследствии был дважды переиздан. В 1939 г. вышел в свет первый том «Истории СССР» (до конца XVIII в.), в редакции которого принимал участие В. И. Лебедев. Им же была составлена ценная хрестоматия для студентов исторических факультетов под названием «Реформы Петра I».

Хорошо зная учебный процесс, понимая значение наглядных пособий в средней школе, В. И. Лебедев возглавил как ответственный редактор все издания «Альбома наглядных пособий по истории СССР».

Значителен вклад В. И. Лебедева в дело популяризации советской исторической науки: его перу принадлежат две научно-популярные книги о крестьянских войнах под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Им было издано два пособия для учителей. Одно из этих пособий охватывало период с древнейших времен до XVIII в. (оно было написано в соавторстве с Н. Е. Артемовым), а другое (в соавторстве с И. В. Кузнецовым) — XVIII — XIX вв. истории СССР. Историк-марксист, хорошо понимавший необходимость изучения истории СССР как истории народов нашей страны, В. И. Лебедев отдал много сил исследованию истории Мордовии и Башкирии.

Будучи одно время директором Высшей дипломатической школы и заведующим кафедрой Института международных отношений, В. И. Лебедев принимал большое участие как член редколлегии в создании первого тома «Дипломатического словаря».

Советское правительство высоко оценило заслуги В. И. Лебедева как советского ученого и пропагандиста исторической науки, наградив его орденом Ленина.

Владимир Иванович Лебедев был ученым и педагогом, всегда стремившимся изучать и излагать то или иное событие на основе строгого отбора хорошо изученного материала. Предлагаемый научно-популярный очерк по истории восстания под руководством Кондратия Булавина написан автором в результате

многолетней работы над большой монографией о народных волнениях первой четверти XVIII в., оставшейся, к сожалению, не совсем подготовленной к печати из-за ухудшившегося здоровья в последние годы жизни В. И. Лебедева.

Настоящая книга является посмертным изданием работы Владимира Ивановича Лебедева.

Заведующий кафедрой истории СССР
периода феодализма МГУ
профессор *Г. Новицкий*

Автор о книге

Антифеодальное восстание 1707—1708 гг. на южных окраинах России занимает достойное место в ее революционном прошлом.

Имя Кондратия Булавина, возглавившего восстание в период его наибольшего размаха, произносится нами с такой же гордостью и уважением, как имена Болотникова, Разина и Пугачева.

Выступление в 1707 г. крестьянских и казацких масс на Дону, Придонье, Поволжье и Слободской Украине именовалось дворянскими и буржуазными историками (Броневский, Ригельман, Соловьев и др.) «бунтом», а Булавин, отважный атаман восставших,— «изменником». В народном творчестве образ Кондратия Булавина был овеян славой. Он воспевался как борец против угнетателей народа.

Советские историки доказали, что выступление народных масс под предводительством Булавина явилось массовым антифеодальным движением.

Это яркое событие героического прошлого нашей Родины привлекает внимание не только историков. Ему посвящены романы и повести. Высокую оценку восстанию 1707—1708 гг. дал М. Горький. Он поставил его наряду с известными крестьянскими войнами средневековой Европы и с «главнейшими битвами крестьянства против бояр, дворян, помещиков».

Действительно, в истории антифеодальных крестьянских войн редко можно найти примеры тем событиям, какие имели место в 1707—1708 гг., когда восставшие разбивали крупные силы регулярных правительственных частей. Восстание 1707—1708 гг. на южных окраинах России не чисто местное событие. Почва для восстания была подготовлена во многих местах страны. Отдельные очаги восстания незадолго до его начала неопровержимо свидетельствовали об этом. Но восстание в силу исторических условий того времени охватило главным образом лишь южные окраины страны.

В книге большое внимание уделяется завершающему периоду восстания после гибели К. Булавина. С отходом временных попутчиков в рядах восставших остались самые стойкие защитники своих классовых интересов, смертельные враги «бояр» и «прибыльщиков». Дух решимости, а не отчаяние проявлялся в стойком сопротивлении превосходившим силам царских войск, в «живучести» повстанческих отрядов, в массовом героизме. Восставшие предпринимали попытки объединения сил в пределах всего Дона, строили планы разгрома карательных царских войск.

В основу периодизации восстания положен принцип соотношения классовых сил. Здесь наблюдалось изменение не только в усилении армии карателей и повстанцев. В самом лагере восставших происходили важные сдвиги. Мы имеем в виду, в первую очередь, отход временных попутчиков из числа домовитых казаков.

Изменение в соотношении классовых сил позволяет четко разграничить восстание на два периода. Первый — время наибольших успехов восстания и при участии временных попутчиков. Для второго периода характерен явный перевес сил в пользу карателей, переход попутчиков в лагерь противника.

Материал распределяется по трем главам. В первой — раскрываются социально-экономические предпосылки восстания и показывается нарастание классовой борьбы к моменту выступления Булавина. На многочисленных фактах автор стремился представить весь процесс подготовки восстания, начиная от выступления народных масс под руководством Степана Разина. Астраханское восстание 1705—1706 гг. и Башкирское восстание 1704—1711 гг. в книге лишь упоминаются и даются в качестве предвестников начатого Булавиным восстания.

Основное содержание народного восстания излагается в двух последующих главах.

В заключении поставлены общие вопросы: о месте восстания 1707—1708 гг. среди других антифеодальных войн и его историческом значении, здесь же исследуются вопросы о движущих силах восстания и о попутчиках его, о планах, военном и дипломатическом искусстве восставших, причинах поражения восстания. Выводы по перечисленным вопросам подкрепляются фактами, сведения о которых в большинстве своем извлечены из архивов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

1. Ухудшение положения народных масс

Мощное народное движение, потрясшее в начале XVIII столетия южные окраины страны, было результатом длительных и сложных процессов развития Российского государства. Для выяснения общественно-экономических предпосылок народного восстания 1707—1708 гг. важно знать причины и последствия крестьянской войны 1670—1671 гг. Поражение народных масс в этой войне привело к дальнейшему закрепощению крестьянства и распространению крепостнической эксплуатации на новые районы страны. Победа крепостников ускоряла развитие феодализма по пути внеэкономического принуждения основного производителя материальных благ — крепостного крестьянина.

В погоне за прибылями феодалы увеличивали поставку продовольственных продуктов на рынок, а это вызывало усиление барщинных повинностей, повышение натурального и особенно денежного оброка крестьян. Усиление угнетения крестьян при Петре I Ф. Энгельс рассматривал в прямой зависимости от роста вывоза продукции сельского хозяйства на рынок[1].

Характерный для конца XVII и начала XVIII столетий рост дворянского землевладения (среднего и мелкого) означал для крестьян усиление эксплуатации. Соборное Уложение 1649 г. расширило личные права помещиков на крестьян, происходит постепенное стирание граней между поместьем и вотчиной.

С укреплением центральной власти русская феодальная монархия превращается в абсолютную, опирающуюся на систему органов государственного управления — приказы и послушную регулярную армию, готовую подавить всякое выступление народных масс. Силой, поддерживающей царскую власть, являлась и церковь, которая становится верной служанкой государства. Абсолютная монархия удерживала эксплуатируемые массы в повиновении, а также проводила активную внешнюю политику в интересах господствующего класса дворянства. Так, в конце XVII в. велись частые войны: русско-турецкая (1676—1681 гг.), Крымские походы (1687—1689 гг.), походы Петра I под Азов (1695 и 1696 гг.), а в 1700 г. началась длительная Северная война (1700—1721 гг.). К. Маркс, определяя внешнюю политику русского царизма, отмечал две цели, которые преследовались при ведении этих войн: 1) борьба за побережье Черноморского и Балтийского морей; 2) стремление получить новые земли.

Общие предпосылки обострения классовой борьбы накануне восстания 1707—1708 гг. во многом сходны с теми, которые предшествовали крестьянской войне 1670—1671 гг. Эти два могучих выступления народных масс близки друг другу не только по времени, но также по району восстания, социальному составу и целям восставших.

Сама тема о предпосылках восстания 1707—1708 гг. обширна и многогранна и вместе с тем еще слабо отражена в учебной литературе. Более того, вопрос о положении крестьян и посадских людей, а также об участии их в классовой борьбе остается слабо изученным. Лишь в советское время появились работы о классовой борьбе в различных районах России. Поэтому автор считает целесообразным рассказать юному читателю о непосредственных предпосылках восстания.

После разгрома крестьянской войны под предводительством Степана Разина феодальное правительство щедро раздает дворянству земли в южных и восточных районах страны, где непрерывно происходили вспышки классовой борьбы.

Главный палач, казнивший повстанцев, Юрий Долгорукий и другие участники кровавой расправы над ними получили большие земельные владения. В 1672—1673 гг. земли были пожалованы Троице-Сергиеву, Рождественскому, Чудову и другим монастырям.

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 645.

В 1676 г. были даны земли из «диких полей» помещикам и вотчинникам близ Алексина, Белева, Брянска, Ельца, Карачева, Орла, Шацка и других «украйных» городов. Всего за 1676—1682 гг. из дворцовых сел было роздано 2800 дворов. В 1689 г. снова были розданы земли боярам, воеводам и «всяких чинов служилым людям»— участникам Крымского похода 1687—1689 гг.

Так, например, при Петре I большие земельные владения получили Нарышкины. За 1684—1699 гг. им было дано из дворцовых земель 6,5 тыс. дворов. Тысячи крестьянских дворов получили приближенные Петра I — Меншиков, Шереметев, Шафиров, Апраксин и др.

К моменту восстания 1707—1708 гг. владения Б. П. Шереметева разрослись до 19 вотчин, где находилось 6282 двора и свыше 40 000 населения.

К началу XVIII в. благодаря щедрым пожалованиям Петра I в руках крупных и средних феодалов оказались огромные земельные владения близ Рязани, Шацка, Тулы, Ряжска, Зарайска, Венева, Одоева. Если судить по списку землевладельцев-крепостников, составленному для строительства в складчину первых кораблей, то получается, что до 10 тысяч крестьянских дворов имели Лопухины, Нарышкины, Черкасские; 15 землевладельцев владели, 1000—2000 дворами; 50 дворян — от 500 до 1000 дворов; 400 семейств имели от 100 до 500 дворов.

Начиная с XVI в. феодалы-крепостники путем прямого насилия распространили свою власть на народы Поволжья, Урала, Украины.

Помимо официальной раздачи земель, практиковались самовольные захваты свободных целинных земель «дикого поля». В результате таких захватов к моменту восстания 1707—1708 гг. районы помещичьего и вотчинного землевладения стали примыкать к донским землям.

Феодалы увеличивали барскую запашку и за счет крестьянских наделов. Борьба феодалов за землю усиливалась по мере того, как излишки продуктов, производимых в феодальных поместьях, отправлялись на рынок. Стремясь получить больше продуктов, а затем сбыть их на рынке, помещики усиливали барщину. Это видно из переписных книг 1710—1725 гг. За отклонение от несения барщины, за неуплату денежных и натуральных повинностей крестьян жестоко наказывали.

Примеры горестного положения крестьянства в конце XVII—начале XVIII в. наглядно иллюстрируют ленинскую характеристику крепостного права в России, когда господствовала «дисциплина палки», когда крепостническая эксплуатация крестьянства осуществлялась «в самых грубых азиатских формах», когда помещики осуществляли «безмерные насилия над крестьянами, бесконечное надругательство над личностью крестьян и крестьянок...»[2].

Современник Петра I, Посошков, известный экономист того времени, писал: «...помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безъчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать, и тако пахатную и сенокосную пору всу и потеряют у них, иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение забрав, и еще требуют с них изълишняго побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посытее быть, то на него и подати прибавит»[3].

В адресованном царю подметном письме (1700 г.) крестьяне жаловались, что помещики «яко львы зубы, челюстьми своими пожирают и яко же змии ехидные, рассвирепел, напрасно пожирают...»[4] всё, что было создано трудом крестьян.

Многие помещики, используя свою над крестьянами власть, буквально до предела возможного обирали крепостных крестьян, «...многие дворяне, — писал об этом Посошков,— говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя, царство пустошат, понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют, и от таковые нужды домы свои оставляют и бегут...»[5]. Позднее при Петре (1723 г.) была предпринята попытка определить владельческие платежи дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян. Они были установлены в 40 коп. с души мужского пола или 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 60 коп. со двора. Цифра эта близка к сумме владельческих платежей, взимаемых в некоторых светских и

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 446—447; т. 13, стр. 129.
[3] И. Посошков, Книга о скудости и богатстве, М., 1937, стр. 253.
[4] Н. Б. Голикова Политические процессы при Петре 1, М., 1957, стр. 166.
[5] И. Посошков, Книга о скудости и богатстве, М., 1937, стр. 253—254.

церковных вотчинах. Например, денежный оброк в вотчинах Шереметева только от промыслов и пашни составлял в 1708 г. от 1 руб. 75 коп. до 2 руб. 80 коп. со двора[6].

На каждый двор 11 погостов Иверского монастыря Старорусского уезда в 1706—1708 гг. падал денежный оброк в размере 1 руб. 80 коп. со двора.

Кроме того, с крестьян Иверского монастыря взимались различные натуральные поборы, а крепостные исполняли различные работы.

Размеры этих денежных сумм станут более ощутимыми, если принять во внимание существовавшие тогда цены. Например, для того чтобы крестьяне Калужского имения И. Квашнина-Самарина могли выплатить за 2 года оброк по 1 руб. 69 коп. со двора, им надо было продать почти 7 пудов свиного мяса, или 11 баранов, или 85 кур (данные 1706 г.).

К началу XVIII в. еще более отчетливо выявилось разграничение владений, где преобладал или оброк, или барщина. Барщина, как правило, была более тяжелой формой повинности, чем оброк. Поэтому распространение барщинной системы (особенно в южных и восточных районах страны) означало ухудшение положения для многих тысяч крестьян, создавая тем самым почву для растущего возмущения народа.

Участившиеся в конце XVII в. войны, потребовавшие новых расходов на армию и флот, сооружение каналов, постройка заводов и, наконец, разбухание старого государственного аппарата — все это вело к росту налогов и разного рода государственных повинностей. В конце XVII в. самым крупным налогом для тяглого населения были стрелецкие деньги, размеры которых постоянно возрастали.

В 1679—1681 гг. складывается система прямого обложения, которая в основных своих чертах существовала до первой четверти XVIII в.

Положение населения с введением нового способа обложения отнюдь не улучшилось, тем более, что подати и налоги стали собираться чаще.

Своеобразной формой государственной повинности для мелких служилых людей, посланных на южные границы, была «государева десятинная пашня», по существу барщина на государство. Трудовое население выплачивало и косвенные налоги (таможенные пошлины, кабацкие доходы и др.).

С началом Северной войны, для ведения которой потребовались огромные затраты, старые прямые налоги были дополнены новыми. Теперь нужно было вносить драгунские деньги, корабельные, рекрутские; крестьянские и посадские дворы облагались «запросными сборами» (сбор на жалованье мастеровым и работным людям, отправляемым в Петербург, Азов, Воронеж и в другие города, сбор на седла и пр.).

Налогами были обложены постоялые дворы и мельницы, водопои и перевозы, свадьбы и русское платье, кожи и хомуты. В составленных А. С. Пушкиным подготовительных текстах по истории Петра I в качестве иллюстрации к тяжелому положению трудовых масс были подытожены выплачиваемые тогда многочисленные и обременительные налоги: «Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, со всего продаваемого в городах на ярмарках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извозчиков, с найму работников, с постоялых дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.»[7].

Особенно много натуральных повинностей лежало на трудовом люде — жителях районов, примыкавших, к театру военных действий или к местам крупных строительств (судоверфей, каналов и т. д.). Об их обременительности можно судить по челобитной крестьян села Козловки, а также сел и деревень Брянского уезда (вотчины Вознесенского девичьего монастыря); «И в прошлом же государь 1706 году... были... мы на засечной линей все поголовна и работали марта с 1 числа до Петрова дни, а с Петрова дни были на городовой ломки и работали два месяца. А з.городовой ломки работали... и секли лес и сплатили плоты и те плоты отогнали в Киев».

Знакомство с делами Монастырского приказа за предшествовавшие восстанию годы помогает воссоздать общую картину обременительных государственных повинностей. Подводная повинность

[6] См.: К. Щепетов, Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), М., 1947.
[7] А. С. Пушкин, Соч., т. IX, изд. АН СССР, М—Л., 1949, стр. 12.

особенно вызывала большое недовольство крестьян. Она в ряде случаев надолго отрывала работников от сельскохозяйственных работ. Так, крестьяне приходских церквей в 1704—1705 гг. многократно возили в Псков для нужд артиллерии лесные материалы, уголь, материалы для городского строительства, ими доставлялись для ратных людей полковые припасы, сено, подводы (для перевозки новых солдат — рекрут) и др.

Не было ни одного уголка страны на рубеже XVII— XVIII вв., где бы не наблюдалось накануне восстания резкого ухудшения положения народных масс (даже в сибирских Иркутском и Нерчинском уездах).

По отдельным данным в 1700—1708 гг., среднегодовой итог платежей на крестьянский двор достигал суммы свыше 16 руб.

В ряде районов размеры государственных повинностей, выраженных в деньгах, в некоторые годы составляли 7 руб. и ниже. Но наиболее распространенными являлись повинности, денежное выражение которых равнялось 10—15 руб. на двор.

* * *

Строительство флота, городов, каналов (например, Вышневолоцкого), промышленных предприятий проводили не только на средства трудовых людей, но и их же руками.

После выхода к берегам Азовского моря Петр I приступил к созданию большого флота. Тысячи работных людей посылались для заготовки лесных материалов, постройки судов. Для черной работы брались люди преимущественно из населения уездов Воронежского края, а специалисты (плотники, трепальщики для обработки пеньки, прядильщики для изготовления канатов) из Калуги, Тулы, Казани, Коломны, Вологды и др.

С 1698 по 1701 г. на Воронежских верфях работало до 15 тыс. работных людей, присланных из различных уездов.

Непривычный климат, эпидемии уносили тысячами в могилу прибываемых работников.

О числе работных людей на строительстве Азова, Таганрога и Троицкого можно судить по следующим цифрам. В 1701 г. на строительство Таганрогской гавани было послано 7569 работных и ремесленных людей. В 1704 - 1707 гг. к Азову и Троицкому строительству посылали от 26 до 37 тысяч работных людей ежегодно.

Еще больше отправляли работных людей на строительство Петербурга. Так, в 1704 г. туда послали 40 тыс. человек.

В первые годы Северной войны развернулось строительство ряда крупных заводов, на которых использовали крестьян, приписанных к казенным и некоторым частным мануфактурам. Например, первый крупный Уральский завод сооружался на р. Невье верхотурскими крестьянами. При сооружении в 1702 г. Ижевского завода в районе Устюжны Железопольской и Тырпецкого завода в районе Белоозеро по распоряжению Петра I к ним были отписаны ближайшие деревни.

Крестьяне Невьянской слободы (не позднее 1708 г.) выполняли многочисленные повинности на казенных Алапаевских заводах: «копали руду, жгли уголь, возили дрова». Петр I требовал также проведения работ по сооружению оборонительных укреплений в районе Смоленска, Брянска, Москвы, польско-украинской границы. Привлечение сотен тысяч крестьян на государственное строительство вело к обескровливанию и разорению крестьянского хозяйства.

* * *

Тяжелым бременем для населения явились рекрутские наборы. До Северной войны наборы даточных были незначительны по количеству людей. В 1699 г., накануне Северной войны, Петр I организовал набор 27 пехотных и 2 драгунских полков. В первые годы Северной войны (20 февраля 1705 г.) последовал указ о повсеместном наборе рекрутов с 20 дворов по человеку в возрасте от 15 до 20 лет. В отдельных районах страны проводился набор и конных рекрутов. Так, в 1705—1707 гг. такой набор был произведен трижды. Всего только за первые десять лет Северной войны было взято 200 тыс. человек рекрут.

Массовая рекрутчина безмерно ухудшала и без того тяжелое положение трудовых масс и добавляла много горючего материала к костру народного возмущения, вспыхнувшему ярким пламенем в 1707 г.

Массовое обнищание

Непосильная феодальная эксплуатация и чрезмерные государственные налоги вели к обнищанию многих тысяч крестьян и мелких посадских людей.

Значительно уменьшилось число крестьянских дворов. По сравнению с переписью дворов в 1678 г. перепись 1710 г. показала исчезновение 72 183 дворов. Многие исследователи считают, что перепись 1710 г. преувеличивала размеры «пустоты» деревни и городов, но факт сокращения числа дворов в 1710 г. по сравнению с 1678 г. неоспорим.

О большом обнищании крестьянства свидетельствуют документы по сбору недоимок. Интересные факты об этом привел советский историк В. И. Шунков. Так, например, при сборе оброка с крестьян по Тобольскому уезду в 1704 г. недобор составлял 35% от положенного; в 1705 г. — 43%; в 1707 г. — 60%[8] Недоимки выколачивались самыми жестокими способами. Крестьяне монастырского села Чернеева Шацкого уезда жаловались в 1706 г., что стольник князь Данила Козловский с солдатами «бьет нас на правеже, разув босых и в подполье морит студеною и голодною смертью».

Широкое распространение получило нищенство. Например, по подсчетам Тверского священника В. Успенского, в Бежецком уезде с населением в 25 тысяч человек в 1709 г. насчитывалось 1577 нищих.

Злоупотребления местных властей

Феодальное угнетение крестьян и мелкого посадского люда, непосильная тяжесть государственных налогов усугублялись злоупотреблениями местных властей. К. Маркс, конспектируя работу известного русского историка Костомарова о восстании 1670—1671 гг., особое место уделил злоупотреблениям воевод как одной из важных предпосылок народного выступления. «...Воеводы, — писал К. Маркс, — смотрели на свою должность как на источник дохода...»[9]. То же самое наблюдалось в России и накануне восстания 1707—1708 гг. О многочисленных злоупотреблениях воевод можно судить даже по скупым сведениям «Описаний документов и бумаг, хранившихся в бывшем архиве Министерства юстиции». Нами произведены подсчеты по описаниям столбцов Севского разрядного стола за 1690—1702 гг. наиболее ярких жалоб на злоупотребления воевод и местных властей. В 25 жалобах перечислены «насильство», «притеснение», «обиды», «налоги», «разорение», «воровство и затейные вымыслы», «нанесение побоев», «вымогательство», «корысть», «взятки», «лихоимство» при сборе налогов, «губление», «нападки и взятки с крестьян» и пр.

Среди разрядных вязок Белгородского стола (1702— 1706 гг.) имеется описание 13 дел о крупных воеводских злоупотреблениях (о притеснениях гетманом И. Мазепой казаков Лубенского полка, обвинение курских подьячих «в бое и грабеже курчан» и пр.).

Из этих кратких данных видно, как широко были распространены злоупотребления властью среди представителей местной администрации. Причем их особенно ощущало население окраин.

2. Нарастание классовой борьбы

Массовое бегство – распространенная форма классовой борьбы

Крепостные крестьяне на усиливающееся угнетение отвечали массовым бегством от своих владельцев. К. Маркс писал, что крестьяне «...совершенно разорялись и бегством спасались от расправы. Часто способ взимания повинностей и злоупотребления при этом служили причиной побегов»[10].

Как правило, беглый люд избирал для заселения те районы, где еще отсутствовало крупное феодальное землевладение и было легче ускользнуть от государственного и владельческого податного гнета. Такими районами были Придонье, Кубань, Поволжье. Небольшая часть беглого крестьянства пробиралась в Башкирию, на р. Яик, Урал и в Сибирь.

[8] См.: В. И. Шунков, Очерки по истории колонизации Сибири В XVII — начале XVIII века, М.—Л., 1946, стр. 193.
[9] К. Маркс, Стенька Разин, «Молодая гвардия», 1926. Книга первая, стр. 115.
[10] К. Маркс, Стенька Разин, «Молодая гвардия». Книга первая, стр.114.

На юге страны обширные территории Воронежского, Тамбовского краев перестали быть местами свободной колонизации, так как большая часть этих земель была роздана правительством помещикам и монастырям. Район вольной колонизации перемещается ближе к Дону.

Побеги часто были массовыми, групповыми, когда беглецы брали с собой жен, детей и часть имущества. Если крестьянин уходил в одиночку, то, как правило, он возвращался и тайно увозил свою семью. Имели место случаи, когда беглецы подговаривали и других односельчан последовать их примеру.

Бегство не всегда было чисто пассивной формой классовой борьбы. Нередко уходившие из деревень жгли помещичьи усадьбы, расправлялись с ненавистными приказчиками, травили посевы. Типично в этом отношении описание побега крестьян из села Медны Тверского уезда: «Троицкой де вотчины села Медны… крестьяне государевых податей и монастырских доходов не платят и бегут врознь, а после себя дворы свои зажигают».

Наблюдалось массовое бегство только что набранных рекрутов. По словам находившегося в России английского посла Витворта, в 1707 г. из «11 находящихся в Москве пехотных полков вряд ли найдется один, который бы потерял меньше 200 человек, хотя они были укомплектованы лишь 2 месяца тому назад».

Массовые побеги организовывали работные люди, посланные на государственное строительство. Особенно эти случаи были часты в районах, близких к местам вольного заселения. Бывало, когда не оставалось ни одного человека из присланного набора. Так, в грамоте Петра I воронежскому воеводе Д. Полонскому говорилось о поголовном бегстве работных людей, присланных к Воронежу для охраны лесных припасов, плотов, судов и лодок возле Донецкого городка и для сплава их весною в Азов.

Массовое бегство подрывало устои феодального хозяйства. За пять лет до восстания 1707—1708 гг. появилось девять указов, где излагались меры борьбы с бегством подневольных людей. В феврале 1706 г. вышел указ, предписывавший в течение полугода всем «принимателям» беглых людей и крестьян прислать их к прежним владельцам. «А буде кто тех беглых людей и крестьян, с сего числа в полгода не поставит... и у тех людей половина поместий и вотчин отписана будет... а другая половина отдана будет тем людям, чьи в тех поместьях и вотчинах беглые люди и крестьяне явятся»[11]. Этот указ полностью не проводился в жизнь помещиками южных районов. Не выполнялся указ и на Дону, чтобы «из донских городов беглых людей и крестьян отдавали и в тех городах не держали и не укрывали».

В 1706 г. число центров военно-финансовой власти (Петербург с Олонцом, Азов с Воронежем, Казань с Астраханью) было увеличено. Образовались Смоленский и Киевский военно-финансовые центры, благодаря чему сыск в этих местах значительно упростился.

С начала XVIII в. Петр I отказывался от издания указов о недержании «пришлых людей» без нужных документов. С помещиков и старост брались «сказки о недержании беглых утайкой».

Царское правительство, желая, чтобы побеги крестьян с одной земли на другую представляли для беглецов как можно меньше интереса, признало лучшим средством для этого «отделение тягла от земли и перенесение его на крестьянина»[12].

Уменьшить налоговый гнет, облегчить тяжелые повинности царское правительство, естественно, не хотело. В то же время вспыхнувшее на Дону, в Придонье и Поволжье восстание давало возможность с помощью войск ликвидировать основные места скопления беглых крестьян.

Рост активных проявлений классовой борьбы

Чем сильнее преследовались беглые, чем меньше оставалось надежд на облегчение тяжелого положения, тем чаще трудовое население России прибегало к «непослушанию», «озорничеству», «разбойничеству», избиению местного начальства, отказу от владельческих и государственных повинностей. В своей работе «Стенька Разин» К. Маркс, указывая на эту взаимосвязь, писал, что «...погоня за беглецами не уничтожала бродяжничества, а, наоборот, развивала разбойничество»[13].

[11] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года, т. IV, Спб., 1830, стр. 341.
[12] И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, М., 1903, стр. 184—185.
[13] К. Маркс, Стенька Разин, «Молодая гвардия». Книга первая, стр.117.

В первые годы XVIII столетия особый размах получило разбойничество. В Преображенский приказ, ведавший борьбой с разбоем, поступало большое количество помещичьих челобитных с просьбой принять меры против разбойных нападений. Начальник приказа князь Ромодановский «упражнялся постоянно в розысках по разбойным делам». Правительству приходилось вести настоящую войну с «разбойниками».

В разбоях по селам и деревням, по глухим местам и большим дорогам участвовали преимущественно крестьяне и беглые солдаты. Например, во главе отрядов, действовавших в 1702—1703 гг. в Новгородском, Пошехонском, Угличском, Устюжно-Железнопольском уездах, стояли крестьяне М. Константинов и И. Лягушко.

Главными жертвами «разбойников» были помещики, купцы, богатые крестьяне. Повстанцы собираются в отряды по «сто и более человек», «выбрав себе воровского атамана и есаулов», «ходят без всякого опасения днем и ночью большим многолюдством... носят с собой ружья и пистолеты... значки (знамена. — *В. Л.)* тафтяные и кумачовые».

Для сыска «разбойников» из Преображенского приказа были посланы отряды солдат в Бежецкий верх, на Устюжину, в Углич, Ярославский уезд и в карельские села. Однако летом 1703 г. «разбойничество» приняло еще более широкий размах—«воры по всем дорогам ходят во множестве».

Наиболее сильное сопротивление властям в районе Бежецкого верха оказал повстанческий отряд атамана Степана Клопенко. 17 ноября 1707 г. Петр I издал специальный указ о мерах борьбы с «разбойничеством».

Особый интерес представляют в эти годы «легальные формы» классовой борьбы — челобитные на злоупотребления воевод и других должностных лиц, а также обвинения их в противогосударственных поступках и замыслах. Однако большинство заявлений оставалось нерассмотренными, а челобитчики подвергались наказанию. Так, 13 дворцовых крестьян, явившихся к Петру I в Переславль-Залесский с челобитьем об облегчении повинностей, были схвачены и биты кнутом, а одному из них «урезали язык».

Также печально закончилось волнение крестьян Сергацкой волости Нижегородской губернии (в 1702 г.). Руководитель их — крестьянин Сидор Спасский составил челобитную, в которой писал: «От прежних и нынешних многих работ и подвод, мы оскудали, одолжали и разорились без. остатку». Волнения крестьян Сергацкой волости кончились тем, что «пущий» зачинщик Сидор Спасский и многие другие были схвачены, биты кнутом и батогами.

Одной из форм борьбы с феодальным угнетением являлся донос на своих господ. «Доносительство», особенно наветы об измене, поощрялось еще Соборным Уложением 1649 г. Но за ложный навет полагалось наказание, в годы предшествовавшие восстанию на Дону, Придонье, Слободской Украине и в Поволжье, участились случаи локальных массовых выступлений. Число выступлений возрастало по мере назревания народного движения 1707—1708 гг., когда отдельные проявления недовольства были объединены в один мощный поток с центром на Дону.

Известно, например, восстание на Дону отряда казацкой голытьбы, возглавляемого одним из соратников Степана Разина — Иваном Миюской. Через год другой отряд разница Семена Буянка действовал в основном на территории Козловского, Ряжского и примыкавших к ним уездов. Со временем районом наибольшей активности таких отрядов стали земли по реке Медведице, где был возведен укрепленный городок.

В 1675 г. остатки участников разинского движения во главе с полковником Григорием Яицким и есаулом Петром Сусло вновь предприняли попытку поднять народ на борьбу с угнетателями. Через два года царское правительство получило тревожное известие о захвате донскими казаками на Волге близ Камышина (Дмитриевка) «государевой казны» и шедших из Астрахани торговых людей.

Донские казаки действовали на Волге и в 1681 г. Атаману Войска была послана особая грамота о необходимости прекращения их «воровства». Волнения на Дону перекликались с восстаниями в центральных уездах России. Еще раньше, в 1679 г. вспыхнуло восстание посадских людей в Пскове в знак протеста против притеснений переписчиков, присланных из Москвы для взимания податей. Восстание длилось пять с половиной месяцев. На Дону в 1682 г. вспыхнуло возмущение донской казачьей голытьбы во главе с И. Терским.

В восстаниях городской бедноты часто принимали активное участие стрельцы и раскольники. Стрельцы, особенно в провинциальных городах, страдали от всяческих повинностей и от злоупотреблений при выдаче жалованья. Много недовольных было и среди раскольников.

История раскола представляет интерес в первую очередь как религиозно-общественное движение, ее следует рассматривать с точки зрения классовой борьбы, а лишь потом как церковное учение. В. И. Ленин, глубоко интересовавшийся мировоззрением русского крестьянства, подчеркивал, что движение политического протеста может быть облечено в религиозную оболочку. Под религиозными призывами, как подчеркивал В. И. Ленин, скрывались социально-экономические требования народных масс. Так, например, бегство от помещика раскольники признавали богоугодным делом. Вожди раскольников невольно оказывались в числе людей, зовущих на борьбу с феодалами. Особое распространение получил раскол среди крестьян Севера, Поволжья, Придонья.

Впервые стрельцы и раскольники активно проявили себя в городском восстании в Москве в 1682 г. В нем участвовали 19 находившихся в Москве стрелецких полков. Участие раскольников в событиях 1682 г. выразилось в неудачной попытке организовать в Кремле публичный диспут между представителями господствовавшей церкви и раскольниками.

Волнения стрельцов происходили в киевских полках, в Белгороде, в Переяславле. Неспокойно было в Козлове, Тамбове, Воронеже, Коротояке, Коломне и некоторых других городах.

Несколькими месяцами раньше произошло выступление казаков на Дону. Первоначальной целью этого движения был «разбойный поход на Волгу». Сбор казаков для похода был назначен в донском городке Паншине. Вожаками предполагаемого похода являлись Илья Фофонов и Иван Терской. Поход начался весной 1682 г.; участники его направились вверх по Дону. Однако вскоре повстанческий отряд был разбит донской старшиной.

В 1698 г. в Москве снова заволновались стрельцы. Четыре московских полка, расположенные по западной границе, взбунтовались и двинулись к Москве для возведения на престол узницы Новодевичьего монастыря царевны Софьи. Под Москвой, у Нового Иерусалима, стрельцы были разбиты преданными Петру войсками. В других городах также произошли выступления стрельцов, недовольных своим ухудшившимся положением и злоупотреблениями местных властей (в Орле, Курске, Торопце и др.). В 1701 г. произошло восстание мелких посадских людей в Ржеве. В 1703 г. в далеком Кунгуре восстали крестьяне уезда. Главной причиной явились злоупотребления верхотурских властей. Более тысячи вооруженных крестьян держали город Кунгур в осаде в течение нескольких дней. Воевода бежал из города. Местные власти вынуждены были выполнить требования восставших и прекратить принудительные рудокопные работы.

В 1705 г. произошли волнения в шести азовских полках. По словам повстанцев, к ним приезжали донские казаки и призывали стрельцов идти вместе с ними на Москву. «Как де придут они на Валуйки, и с ними де вся чернь поднимется. Государя царевича на Москве бояре хотели удушить, да уберег ево один боярин». Но заговор был раскрыт. Многих стрельцов сослали на каторгу, а «азовский растрига» раскольник Щербачев, распускавший слухи, был казнен. Недовольство городских гарнизонов было почти повсеместно. (Известно, например, возмущение их в Красноярске в 1705 г.)

Некоторое представление о сложной картине классовой борьбы в России в эти годы дают книги Печатного приказа. В них по месяцам и по дням записаны дела по челобитным. Нами произведены подсчеты «правонарушений» за шесть месяцев 1705 г. Получается внушительная цифра — 441. Хотя $^{2}/3$ этих случаев касаются убийств, ограблений, разбоя, оскорблений, т. е. подавляющее большинство из них нельзя отнести к проявлению классовой борьбы, и все же в книгах Печатного приказа находим 36 упоминаний о бегстве — самой распространенной форме классовой борьбы.

Многочисленные покосы, потравы, рубки леса, увоз сена, ржи и т. д. (всего 30) производились крестьянами у помещиков или у богатых односельчан. Поэтому их также следует рассматривать как проявление классовой борьбы. Бывали случаи захвата помещичьих земель, уничтожения межевых столбов, поджоги. Участниками являлись крестьяне. Были случаи ограбления и избиения крестьянами своих помещиков.

Многочисленные примеры народных выступлений и многообразные формы классовой борьбы — признак предстоящего извержения огненной лавы народного возмущения. «Кратер вулкана» образовался в районе Дона. Прорвавшаяся на поверхность огненная лава залила значительную часть южных земель страны, уничтожая на своем пути феодалов-крепостников и представителей царской власти.

3.Восстания в Астрахани и Башкирии

Мощными предвестниками народного выступления 1707—1708 гг. были Астраханское и Башкирское восстания.

События в Астрахани начались 30 июля 1705 г. В этом крупном пограничном торгово-ремесленном городе находилось несколько полков стрельцов, солдат. Здесь проживало много «гулящих» и работных людей, нанимавшихся на суда, на рыбные промыслы. Были среди них и беглые крестьяне. Восстание было вызвано непосильным налоговым гнетом, произволом и насилиями со стороны воеводы Ржевского и его приспешников.

Восставшие заняли кремль, расправились с воеводой и его помощниками, разделили между собой имущество дворян, захватили таможенные и кабацкие деньги, селитренный завод, а также «зелейный двор» (пороховой. — *В. Л.),* где хранилось оружие и порох. Они собирались идти на Москву к царю, чтобы добиться от него искоренения произвола. На общем «кругу» (сходе) было избрано правительство «старшин», состоявшее из представителей солдатских и стрелецких полков, а также посадского люда. Во главе этого правительства встал купец из Ярославля Яков Носов. Сразу были отменены некоторые налоги и торговые монополии, объявлена свободная торговля хлебом. На одном из кругов было составлено «советное письмо» с изложением целей восстания. Население поволжских городов Красного и Черного яра, Гурьева на р. Яике, терские и гребенские казаки и стрельцы по призыву астраханцев присоединились к движению. Восставшие направили послов к донскому атаману, но те были задержаны казацкими старшинами и отправлены в Москву.

Неудачным оказался и поход повстанческого войска на Москву. Царское правительство направило для подавления выступления отряды низовых донских казаков и калмыков. Повстанцы не могли захватить Царицын, гарнизон которого остался верным царскому правительству. В самой Астрахани продолжались волнения. Работные люди рыбных и других промыслов требовали раздела имущества купцов и богатых посадских людей. Но стрелецкая и посадская верхушка, участвовавшая в восстании, не соглашалась на это. Используя разногласия в среде восставших, богатые жители Астрахани, духовенство, купцы и часть стрелецких старшин начали вести тайные переговоры о сдаче города.

Для подавления восстания в Астрахани Петр I направил во главе с фельдмаршалом Б. Шереметевым регулярные войска. Представители зажиточной верхушки города вступили с Шереметевым в переговоры. Посадские низы, работные люди, солдаты и стрельцы образовали свое правительство — старшину — и решили с оружием в руках защищать город.

Спустя девять месяцев после начала восстания, в мае 1.706.г. регулярные полки Шереметева подошли к Астрахани. Одновременно в помощь царским полкам к стенам города подошли калмыцкие отряды. Повстанцы стойко сопротивлялись, но опустошительный огонь царской артиллерии вынудил их к сдаче. По взятии Астрахани руководители восстания были отправлены в Москву для следствия. Многие из восставших бежали из Астрахани на Дон и позднее активно участвовали в разгоревшемся там восстании. Через год несколько сотен астраханских повстанцев были казнены в Москве на Красной площади.

Восстание в.Астрахани в 1705—1706 гг. было одним из наиболее сильных городских восстаний, направленных против произвола царских властей и феодального гнета. Но в этом выступлении не приняли участия широкие народные массы. Главную роль в нем играли стрелецкие и солдатские полки. У восставших не было четкой и ясной программы. Непрочным оказался союз с посадскими и стрелецкими верхами, которые предали восстание и перешли на сторону правительства, как только почувствовали угрозу своему благополучию.

Нельзя не упомянуть о Башкирском восстании (1704— 1711 гг.), распространившемся на районы Татарии и продолжавшемся на протяжении семи лет. Восстание началось в 1704 г. Главной причиной его явилось усиление феодально-колониального гнета башкирского и татарского народов. Прежде всего это выражалось в захвате башкирских земель российским правительством. На захваченных в конце XVII в. территориях растет число острогов, т. е. монастырей и слобод. В результате обширные пространства по р. Миассу, Исети и Течи со временем перестают быть свободными пастбищами для скота. Многие башкирские земли отдаются на откуп купцам и служилым людям. В результате таких мер местное население лишалось пастбищных угодий, ухудшались условия разведения и содержания скота.

В годы, непосредственно предшествовавшие восстанию, в Башкирии резко возросли налоги и повинности. У населения ясак (налог) брали главным образом ценными мехами. Кроме того, башкиры должны были нести сторожевую службу на восточных границах края, участвовать в войнах Русского государства. Башкир сгоняли на лесные работы, подвергали насильственному крещению, отбирали

лошадей для государственных нужд. В Башкирии появились «прибыльщики», придумывавшие новые налоги для населения. Осенью 1704 г. были выработаны 72 новые статьи налогов. Среди них были налоги на черные глаза по 2 алтына, на серые — по 8 алтын.

Неслыханный произвол и насилия царских властей вызвали восстание в Башкирии. Во главе восставших стояли Дюмей и Иман Батырь. К восстанию примкнули феодалы-батыри и мурзы; по имени двух башкирских князьков — Алдара и Кусюма буржуазные историки назвали восстание— Алдар-Кусюмовским. Повстанцы подходили к городку Сергиевску (близ Самары), пытаясь его захватить. Против восставших двинули войска не только из Уфы, но и из Казани. 16 ноября 1707 г. повстанцы-башкиры окружили близ Уфы полк Хохлова, ворвались в обоз и перебили многих солдат. В начале 1708 г. башкирское восстание достигло наивысшего развития, охватив Вятский, Уфимский, Казанский, Кунгурский уезды. Башкирские феодалы завязали сношения с Турцией. Представитель их Мурат ездил к крымскому хану и оттуда к турецкому султану. По возвращении обратно он не мог проехать в Башкирию и направился, имея, очевидно, задание, на Северный Кавказ, где восстали чеченцы, аксайцы и другие северокавказские народности. Повстанцы осадили русский городок Терской. Однако подошедшие войска из Астрахани принудили горцев снять осаду и отойти от города. Вождь восстания Мурат был схвачен и казнен.

А в это время восставшие башкиры и примкнувшие к ним татары и марийцы образовали большое войско, расположившееся в 80 верстах от Казани. В Казань был послан из Москвы воевода Хованский. Он сумел сосредоточить у Казани крупные военные силы и вступил с повстанцами в переговоры. В переговорах Хованский стремился склонить на свою сторону представителей местной феодальной знати, которые в то время примыкали к восстанию. Расчет воеводы оправдался. Когда восстание охватило широкие башкирские и татарские народные массы, феодалы-батыри, мурзы и муллы испугались, что гнев народных масс может обрушиться не только на русских крепостников, но и на них самих. К лету 1708 г. наступил временный спад восстания.

Необходимо отметить, что, очевидно, повстанцы имели связь с восставшими на Дону. Имеются данные о задержке ряда булавинцев, пробиравшихся в Башкирию.

Восстание башкир, татар, марийцев отражало общее недовольство народов Поволжья и Приуралья колониальной политикой царизма, сопровождавшейся грабежами и угнетением. Восставшие боролись против проникшего на их земли крепостничества. Восстание 1704—1711 гг. в Поволжье и Приуралье было крупным выступлением угнетенных народностей в первой половине XVIII в.

Астраханское (1705—1706 гг.) и Башкирское (1704—1711 гг.) восстания были прологом начавшегося на Дону крестьянско-казацкого выступления под предводительством Булавина.

4. Положение донского казачества на рубеже XVII—XVIII веков

Итоги общественного и хозяйственного развития на Дону к концу XVII — нач. XVIII века

Донское казачество в результате процесса классового расслоения как бы разделилось на две общественные группы: домовитых и голытьбу. Особенно это разделение проявилось накануне крестьянской войны 1707—1708 гг. Часто «природное казачество» на Дону историки отождествляли с домовитыми. Мы против безоговорочного отождествления. Если домовитые были, как правило, «природными» казаками, то лишь часть «природных» была домовитыми. С половины XVII в. принцип равенства исчезает и многие казаки в Донском войске мало-помалу подчиняют себе остальных. Образуется особый класс «знатных людей» — старшин. С этих пор только старшины командуют полками, начальствуют в войнах и набегах, а также решают общественные дела, выступая как ближайшие помощники войсковых атаманов. На должности войсковых атаманов и их помощников выбирались только лица, принадлежавшие к старшинским родам или возведенные в старшины на войсковых кругах.

Как правило, донскую старшину, игравшую роль совета при атамане, составляли домовитые казаки. Они определяли внутреннюю и внешнюю политику Войска Донского, подвассального Русскому государству. Правда, считалось, что верховная власть над Доном принадлежала войсковому кругу, который собирался из представителей всего казачества для решения важных вопросов: дележа, царского жалованья, решения о предстоящих военных походах, о постройке новых городков, размежевания застав. Круг был высшей административной и судебной властью, а также ведал решением внешнеполитических вопросов. Чем шире и глубже шел процесс становления феодальных отношений на Дону, чем большее влияние приобретают домовитые казаки и особенно старшины, тем больше начинает их связывать войсковой круг — орган примитивной казачьей демократии. Многие важные вопросы начинают решать на узком собрании

старшинской верхушки. Верховная власть круга к началу XVIII в. все больше становилась лишь формальной. Собирался он все реже и реже.

Домовитые казаки, пробравшись к власти, старались использовать свое положение в целях личного обогащения. Они присваивали большую часть, «государева жалованья» и взимавшиеся с отдельных лиц штрафы. На плечи рядового казачества постепенно переносится вся тяжесть разного рода повинностей.

Таким образом, и на Дону имело место злоупотребление властей, от которого страдали тысячи беглых русских крестьян и мелкого посадского люда.

Царское правительство по мере усиливающегося расслоения донского казачества стремилось склонить на свою сторону его зажиточную верхушку путем предоставления ей всевозможных подачек и привилегий, а также выдачей «государева жалованья». Особо щедро награждались атаман и старшина, прибывая в Москву в составе посольств (посольства называли станицами).

«Зимовая станица» привозила из Москвы на Дон «государево жалованье». Наряду с «зимовыми» отправлялись «легкие» станицы, главная цель которых состояла в сообщении о внешнеполитической обстановке на Дону. Приезжавшие со станицами домовитые казаки получали большое жалованье и дорогие подарки. Особенно щедро награждалась донская старшина в Москве за проявление преданности царю в борьбе с общим классовым врагом (за поимку Степана Разина, за участие в подавлении Астраханского восстания). Например, за участие в борьбе с астраханскими повстанцами для Войска Донского было отпущено 20 тыс. руб. За преследование и сыск булавинцев в декабре 1707 г. атаману Л. Максимову было пожаловано «государево жалованье» в размере 10 тыс. руб. Нередко на Дон для старшины посылались драгоценные соболиные меха.

Донская старшина имела большие возможности для земельных захватов. В начале XVIII в. на Дону оставалось много свободных земель. По мере развития сельского хозяйства на Дону эти земли стала усиленно захватывать, несмотря на прежний запрет, донская старшина. Уже в конце XVIII в. на Дону стала развиваться частная земельная собственность, основанная на эксплуатации чужого труда.

Подобные действия старшины создавали почву, на которой зрело недовольство казацкой голытьбы, против домовитой верхушки.

Сильное сопротивление казаков вызвали также грабительские походы, которые организовывала старшина с целью обогащения домовитых казаков. Такие походы предпринимались в соседние земли. Войсковой атаман Л. Максимов и старшины, говорилось в одном из писем Булавина кубанским мурзам, «...юртовых калмык и Козаков без ведома нашего войскового под ваши жилища посылали, и ясырь у вас, также и конные табуны к себе брали»[14].

Быстрое обогащение донской верхушки, усиливающееся расслоение в казацкой среде накладывали отпечаток на быт донских домовитых и старожил. Своим внешним видом, домашним бытом и условиями жизни они резко выделялись из казацкой массы. Домовитые носили шелковые кафтаны, серебряные и золотые украшения, меха, дорогое оружие в драгоценных оправах. Все это должно было подчеркивать их богатство и превосходство над простыми казаками. Обширные участки донской земли, захваченные домовитыми казаками, обрабатывались руками беглых крестьян, попадавших в зависимость от богатой казацкой верхушки. Еще в последней четверти XVII в. использование старшинами труда беглых приняло большой размах. В ряде случаев они сами подговаривали крестьян бежать, рассчитывая использовать их потом в своем хозяйстве. На этих землях велось хозяйство хуторского типа. Хутора на Дону, о которых упоминается в источниках XVII и начала XVIII в., носили скотоводческий характер. Лошади, коровы, быки составляли непременно часть имущества зажиточных донских казаков.

О наличии пашен имеется определенное указание в целом ряде источников. Например, в царском указе князю Василию Голицыну (сентябрь 1689 г.) говорилось, что раньше «по реке Хопру и Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не сеевали, а важивали хлеб из русских городов и кормилися зверьми и рыбою, а ныне де в тех городках казаки завели пашню».

Казаки распахивали участки таких размеров, урожай с которых удовлетворял бы потребности семьи. Ряд источников свидетельствуют, что пашни на Дону заводили преимущественно беглые крестьяне.

Таким образом, земледелие на Дону было распространено в его верховьях. Донские богатеи для работы привлекали бедняков и новопришлых, которые именовались «бурлаками». В конце XVII в. в некоторых

[14] «Булавинское восстание». Сборник документов, М., 1935, стр. 460.

казачьих городках бурлаки составляли треть населения, в отдельных их было еще больше. Бурлаки были наиболее «неспокойной», наиболее революционной частью населения края. Имелись и пленные, выполнявшие самые тяжелые работы в хозяйстве домовитых казаков.

Существовала значительная прослойка приписанных к станицам, обязанная нести войсковую службу, так называемые «оземейные казаки», в отличие от природных казаков, не получавших «государева жалованья».

Донские земли экономически были тесно связаны с русскими городами. Дон был богат рыбой, которую в копченом и вяленом виде вывозили в русские города. Вывозили и соль, добываемую на бахмутских солеварнях. Донские казаки продавали товары в русских городах, в Крыму, Турция, на Украине и на Кавказе. Имеются данные, например по торговым связям с Острогожском. Из казачьих городков прошло по Тихой Сосне к Острогожску с марта по сентябрь 1691 г. 112 речных судов, в 1692 г. — 96 судов.

Занимавшиеся торговлей казаки наживались на продаже продуктов, полученных от местных промыслов и военной добычи. Захваченной добычей в военных походах были пленные (ясырь), кожи, ковры, ткани, драгоценное оружие, сбруя, кони и т. д. Из русских пограничных городов занимавшиеся торговлей казаки вывозили на Дон хлеб, вино, мед, оружие, порох, свинец и т. д.

* * *

Процесс разделения донского населения на две враждебные друг другу общественные группы ускорялся по мере скопления на Дону пришлого люда.

Новые поселенцы пополняли ряды бедноты, попадали в зависимость к домовитым казакам, которые использовали их для своего обогащения.

Накануне народного выступления 1707—1708 гг. казачьи поселения были разбросаны не только в низовьях Дона. Численность населения в районах, прилегающих к Дону, за XVII в**.** возросла в три раза. Возникли городки в верховьях Дона и по течению рек, впадавших в него,— Хопра, Медведицы, Бузулука. Здесь большую роль играло не только удобное географическое расположение для селившихся там беглых, но и плодородие почвы, наличие больших незаселенных земель. На основании источников можно установить, что население Дона составляло приблизительно 30 тыс. человек. Однако эта цифра не соответствует действительности, так как многие тысячи казаков и беглых не входили в состав Войска Донского. Можно согласиться, что в начале XVIII в. эти районы населяло 60 тыс. человек. В верховьях Дона и его притоках жили беглые, ставшие после семи лет пребывания в этих землях верховыми казаками «сходцами» из Воронежа, Козлова, Ельца, Коротояка, Усмани и других мест. В одном лишь городке Богучаре осело на жительство более 500 человек беглых.

Царское правительство вынуждено было посылать на Дон теперь в десять раз больше хлеба, чем лет восемьдесят назад. Число беглых в верховые городки росло с каждым годом. Еще в 1690 г. помещики московские, рязанские, шацкие, ряжские и другие подали челобитную за многими подписями, в которой писали: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и детьми на Дон, на Хопер и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили. Теперь мы от этого побегу разорены без остатку».

Из далеких уездов на Дон пробирались и беглые крестьяне. Даже из подмосковного Коломенского уезда бежали в донские верховые городки десятки крестьян. Некоторые беглецы-крестьяне громили дома и усадьбы ненавистных помещиков. Так, помещик Лунин жаловался, что крестьяне, «учиня мне великое разорение в доме моем, избив сторожей и взяв силою лошадей и всякие мои пожитки пограбя — бежали».

Многие из беглых были раскольниками. Раскольничьи попы призывали к походу на Москву для искоренения сторонников новой веры, т. е. бояр и верхушки духовенства. Одним из руководителей раскольников был поп Самойла. Когда донской атаман Ф. Минаев послал в верховые городки сильные отряды, часть раскольников двинулась на новое селение, другая укрепилась в городке на р. Медведице. Городок был осажден домовитыми казаками и отрядом стрельцов, присланных из Тамбова. Через несколько месяцев осады (в апреле 1689 г.) после отчаянного сопротивления городок был взят, а защитники перебиты.

Интересно отметить, что из 1070 тамбовских стрельцов, присланных еще раньше 1689 г. на Медведицу для искоренения раскола, осталось не более 100 человек. Остальные бежали.

С началом Северной войны резко возрастает число беглых солдат и драгун.

Рис. 1. Донской казак верховых городков (рисунок А. Ригельмана из его книги «История ...о донских казаках»)

Рис. 2. Станичный атаман (рисунок Ригельмана)

Массовое бегство наблюдается со строительства Воронежской верфи. Из 1012 человек от городов Землянска, Усмани, Сокольска, Воронежа и других на смотр явилось 42 человека, остальные бежали. Со строительства Таганрогской гавани из 8866 работных людей бежала почти половина.

Объясняется это бегство гнетом старшин, захвативших большие участки земли, эксплуатировавших украинских крестьян. Казацкая старшина на Украине превратилась в феодалов. По нескольку тысяч крестьянских дворов имели Апостол, Искра, Кочубей, Лизогуб, Мазепа, Скоропадский. Из крупных земельных собственников-монастырей выделялись Киево-Печерский и Святогорский. В начале XVIII в. в этих районах числилось до 40% частновладельческих крестьян, из них 25% принадлежали монастырям.

Еще более трагическим было положение народа на Правобережной Украине, где беспредельно господствовал крепостной гнет. Девяти польским магнатам принадлежали пахотные земли почти всего Правобережья. Число крепостных крестьян каждого из этих магнатов исчислялось десятками тысяч. Крестьяне массами бежали на Левобережье в надежде на лучшую долю. Часть их пробиралась на донские земли.

На Дону рядовое казачество, преимущественно из верховых городков, ненавидело домовитых казаков и в то же время с опасением следило за посягательством царизма на донские земли.

Наступление на землю и права донских казаков

На рубеже XVII—XVIII вв. захват земель Дикого поля почти заканчивается. Собственниками земельных владений стали помещики и монастыри. Кроме того, на свободных землях стал оседать беглый люд, за счет которого увеличивалось население донских районов.

После восстания 1670—1671 гг. донские казаки лишились многих северных земель. Ранее северные и западные границы донских монастырей доходили почти до Воронежа, где им принадлежал. Борщевский монастырь (основан в 1615 г.), а на северо-востоке — до так называемых «Шацких ворот», где на р. Цне находился другой принадлежавший им Черниев-Никольский монастырь (основан в 1573 г.). На западе границы доходили до места, где Дон соединялся с р. Аксаем. К западу от устья Дона казаки владели землями до р. Калмиуса. Отдельные поселения ушедших с Дона казаков были в Ряжском крае, близ города Данкова. После поражения восстания 1670—1671 гг. донские казаки лишились двух вышеупомянутых монастырей. Многие казачьи городки примыкали к землям Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов. Имеется упоминание о донских казачьих городках, вошедших в состав Воронежского уезда, после проведения в 1696 г. «в Воронежском уезде новой линии селений до Тамбова и Козлова до Корояка и до донских казачьих городков».

Еще в конце XVII в. значительно возросли тамбовские владения боярина Л. Нарышкина, примыкавшие к донским районам. По своим размерам они превосходили территорию Голландии. Громадные владения на прилегавших к Дону землях получили Мещерские, Долгорукие, Романовы. Сподвижник Петра I князь Меншиков владел в Придонье 7 селами.

В казацкие земли по р. Хопру и Савале врезывались земли тамбовского епископа с богатыми рыбными и звериными ловлями, лесными угодьями, осенними покосами.

Борщевский монастырь имел владения «на восьми верстах», расположенных по Дону, в 40 верстах от Воронежа. Ниже по Дону, на его левой стороне, были расположены богатые землями, рыбой и зверем угодия, принадлежавшие Воронежскому Покровскому девичьему монастырю. Имел земли по Дону Троицкий Лысогорский монастырь. На донские земли претендовал в Тамбовском уезде Мамонтовский монастырь.

Многие придонские земли по р. Икорцу, Битюку и Айдару были захвачены насильственно правительственной колонизацией. На р. Битюк, например, было переселено в 1699 г. пять тысяч дворцовых крестьян. Огромные массивы по рекам Битюку и Осереду были отданы в оброк. Земли, лежащие по Северскому Донцу и по впадавшим в него рекам Бахмуту, Жеребцу, Красной, были объектом притязаний Изюмского Слободского полка. На особенно важных стратегических подступах к Дону царское правительство возводило укрепления. Так, в 1701 г. при впадении р. Воронеж в Дон была заложена крепость Тавров. В период, предшествующий восстанию 1707—1708 гг., было развернуто строительство городов Таганрога и Троицкого.

Наступление светских и церковных феодалов на донские земли вызывало сопротивление со стороны казачества.

В течение пяти лет (1699—1704 гг.) происходили споры и столкновения между донскими казаками и тамбовским епископом из-за земель по рекам Хопру и Савалу. В борьбе с епископом казаки присвоили половину Коренной вотчины, Ореховский юрт, рыбные и звериные ловли и построили на р. Савале мельницу. Еще более интересные события развернулись в последующие годы, когда земли тамбовского епископа (Коренная и Савальская вотчины) были переданы правительством на семь лет купцу Анкудинову. Казаки с оружием в руках «отказали» И. Анкудинову в передаче «на оброк» вотчины и продолжали распоряжаться ими.

Примерно такие же столкновения происходили на территории Северского Донца. В течение нескольких лет (1700—1707 гг.) длились споры о правах Войска Донского и Изюмского Слободского полка на земли по рекам Бахмуту, Красной, Жеребцу, где находились соляные варницы. Царское правительство встало на сторону полка, приняв решение о постройке на Бахмуте крепости и о переписи живших там казаков и работных людей. В 1704 г. соляные промыслы были отписаны на имя Петра I.

В исторических документах того времени отмечены также случаи сопротивления донских казаков попыткам строить города на Дону. Так, в начале 1704 г. казаки воспрепятствовали попытке царицынского воеводы А. Быкова выполнить царский указ о выборе места для постройки города на Дону между городками Паншином и Илавлинском. Установленные Быковым на месте постройки города столбы казаки «выметали вон». По мере восстания на Дону случаи выступлений донских казаков в защиту своей земли и прав учащаются; обстановка в этом районе становится напряженной. Еще 25 декабря 1702 г. австрийский посол в Москве писал в Вену об опасности казацкого мятежа, ежечасно возрастающей. После разгрома восстания Степана Разина царское правительство начало активно вмешиваться во внутренние дела Дона. В 1671 г. на Дон был послан стольник для приведения казаков к присяге «на верность». Через десять лет присяга проводилась снова (1682 г.). В 1705 г. донские казаки опять были приведены к присяге «на верность» Петру I после того, как он получил «воровские письма» повстанцев из Астрахани. Пойти

ежегодно на Дон посылались грамоты: вначале с требованием о «неприеме» и выдаче беглых, а затем со строгими угрозами за укрывательство. Войско Донское в ответ на многочисленные угрозы или отмалчивалось, или заявляло, что беглых на Дону нет. Донская старшина была заинтересована в использовании труда беглых и поэтому не склонна была принимать решительные меры по высылке их с Дона.

Рис. 3. Войсковой старшина (рисунок Ригельмана)

Рис. 4. Войсковой атаман (рисунок Ригельмана)

Вызывал недовольство казаков и тот факт, что на протяжении ряда лет после гибели Разина царские войска находились на Дону. В 1675 г. воеводе Хованскому доносили, что казаки собираются побить «государевых людей». В конце 90-х годов царское правительство предпринимает попытку организовать сыск беглых своими силами. С этой целью в 1703 г. на Дон была послана царская грамота с извещением о посылке стольников М. Кологривова и М. Пушкина. Им поручалось у жителей «по Дону до Паншина и по Хопру, и по Медведице, и по Бузулуку, и Северскому Донцу, и другим рекам взять сказки» (получить сведения.— *В. Л.)* о возникновении имевшихся там городков, откуда пришли в эти городки казаки, нет ли пришлых и работных людей. Всех тех, кто пришел в эти места «до азовской службы» и не был в походах, предлагалось сослать на реки между городками Валуйки и Рыбный. Пришедших после 1695 г. и 1701 г. предлагалось отослать на прежние места жительства, а каждого десятого — в Азов на каторжные работы. Известие о посылке стольников Пушкина и Кологривова вызвало недовольство среди донских казаков. Петр I вынужден был в 1704 г. отсрочить сроки для высылки беглых. Поездка Пушкина и Кологривова была безрезультатной, так как розыск в основном велся путем опроса.

Лишь некоторым отрядам удавалось выполнить царский приказ. Были случаи, когда присланные из Адмиралтейского приказа служилые люди, применяя насилие, высылали жителей верховых городков к своим прежним владельцам. Так, прибывший в донской казачий городок Богучар отряд солдат во главе с майором

Шанкеевым приступил к высылке беглых. Здесь также было оказано сопротивление со стороны казаков.

В июле 1700 г. Петр I послал именной указ Войску Донскому о переселении верховых казаков с Хопра на две дороги, от Валуек и Рыбного к Азову. Грамота предупреждала, что в случае неисполнения указа жители с Хопра и Медведицы будут поселены «в иных местах».

Войско Донское выполняло приказ с большой неохотой. В 1701 г. на указанные места было переведено лишь около тысячи семейств казаков. Через три года последовал грозный приказ Войску Донскому о снесении городков, которые поселены не по указу и не на шляхах (дорогах. — *В. Л.).* В приказе говорилось, чтобы в городки под страхом смертной казни не принимать беглецов, Пришлых и работных людей. Для переселения казаков и для их переписи был послан на Дон стольник Л. Шеншин.

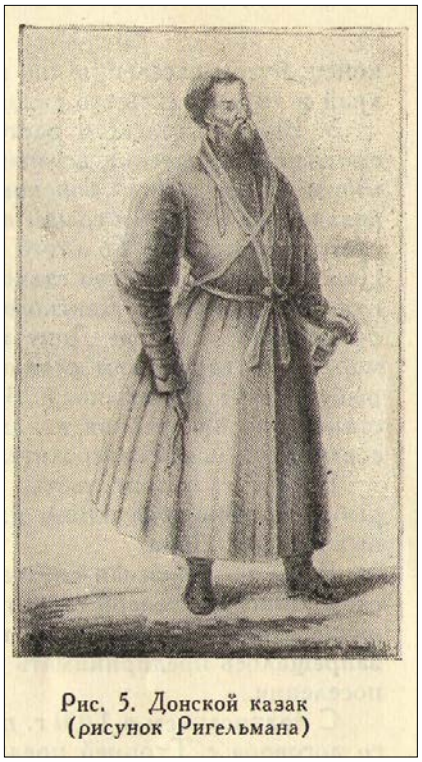


Рис. 5. Донской казак (рисунок Ригельмана)

Стремясь ограничить самовольное заселение земель Дона и особенно его верховья, Петр I хотел тем самым воспрепятствовать заселению беглыми верховых городов. Наконец, путем заселения «по шляхам» осваивался Азовский край и укреплялись его связи с центром России.

У Войска Донского постепенно отнималось право рассмотрения и решения политических вопросов. При Петре I многие споры между донскими казаками и их соседями передавались на рассмотрение адмиралтейца Апраксина, азовского губернатора Толстого и других царских чиновников. Царское правительство стало вмешиваться и в хозяйственную жизнь Войска Донского. Так, в 1702 г. казакам было предписано «по реке Дону и до реки Донца, также и на море и по запольным речкам нигде им, донским казакам, рыбу ловить не велено...» В дальнейшем право было восстановлено, но рыбная ловля должна была производиться совместно с азовскими жителями.

В 1703 г. правительство ввело монополию на сушеную рыбу, являющуюся одним из главных продуктов, который вывозился с Дона.

Ранее независимая внешняя политика, проводимая Войском Донским, теперь ставится под контроль русского правительства. Это выразилось прежде всего в том, что Войску запрещалось предпринимать военные походы на калмыцкие поселения.

С подписанием в 1700 г. правительством Петра I мирного договора с Турцией предпринимаются специальные меры по урегулированию отношения донских казаков с «крымцами» и кубанцами. А в 1703 г. Петр I запретил Войску Донскому посылать послов к соседним народам без разрешения азовского губернатора И. Толстого.

С установлением государственного контроля у выхода с Дона в Черном море для казаков и главным образом голытьбы прекратились «разбойные походы» за зипунами, что было когда-то важным жизненным источником для многих донских казаков.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

1. Начало восстания

Тяжелое бремя крепостничества, новые налоги, вызванные Северной войной, принудительные работы, на которые сгоняли тысячи работоспособных людей, ежегодные рекрутские наборы — все это всколыхнуло многомиллионное крестьянство России. Очагом народного выступления в основном явились земли Войска Донского — от пограничных крепостей до Черкасска, находившегося близ устья Дона. На этих землях сосредоточились огромные массы людей, бежавших из-под ненавистной власти. Громадные, слабо населенные необъятные пространства стали пристанищем беглых, обездоленных людей, стремящихся найти спасение от крепостничества и вместе с тем не оставлявших надежды о возврате в родные покинутые деревни и села для борьбы со своими ненавистными владельцами — помещиками.

Царское правительство, борясь с волнениями и бегством крестьян, медленно, но неуклонно распространяло свою власть на Юг, ущемляя права донского казачества и постепенно ликвидируя его самостоятельность, в области внутренней и внешней политики. Крепостники принимали все меры, чтобы возвратить тысячи беглых крестьян, работных и мелких посадских людей.

Одним из примеров вмешательства царского правительства во внутренние дела Дона являлось изъятие из-под ведома Войска Донского соляных промыслов казаков на Бахмуте,

Соляные, промыслы привлекали многих пограничных жителей. Чугуевцы, харьковчане, змиевцы с женами и детьми бежали и оседали на бахмутских землях.

Донские казаки настойчиво оспаривали свои права на бахмутские земли, указывая, что еще до построения Изюма, Тора и других городов Слободской Украины они, казаки, владели реками Бахмутом, Красной и Жеребцом «с верховьев их до устьев».

Царское правительство ставило своей целью не только захватить богатейшие соляные промыслы, но и возвратить беглых «из русских порубежных и иных городов и уездов».

Непреодолимое желание крепостников возвратить в свои вотчины и поместья беглых крестьян и вызвало столь решительное вмешательство их в дела бахмутских солеварен.

Атаманом на Бахмуте был донской казак из Трехизбянского городка Кондратий Афанасьевич Булавин.

О личности Кондратия Булавина мало известно. Более того, биографические сведения о нем противоречивы. Бывший бахмутский атаман Кулбака показал, что «Булавин природою подлинный салтовец из русских людей». Материалы розыска белгородским воеводой Голицыным родственников К. Булавина противоречат этой версии. Вряд ли стоит безоговорочно доверять «пыточным речам» Булавиных из Салтова, так как признание могло бы кончиться для них печально. Между тем атаман Петров на допросе 4 ноября 1707 г. в Посольском приказе также заявил, что К. Булавин был казаком Трехизбянского городка. Вероятнее всего, что Булавин был сходцем из русских селений, может быть, и из Салтова, а затем поселился в Трехизбянском городке. Он прекрасно понимал настроение «новопришлых».

Известно, что Булавин был послан бывшим войсковым атаманом Ильей Зерщиковым в Бахмут «к соляному заводу атаманом над работными людьми солеварами».

Современники отзываются о К. Булавине как о человеке храбром и решительном. Из уст в уста передавались легенды о храбрости Булавина, его лютой ненависти к царским воеводам и «обидчикам» народа:

Кондрат — парень не простак, а удалый он казак, Ой да вот, удалый он казак.

Зипун, шитый серебром, сабля вострая при нем,

Ой да вот он, сабля вострая при нем.

Сабля вострая при нем, а глаза горят огнем,

Ой да вот он, а глаза горят огнем.

Шапку носит набекрень, не дотронься, не задень,

Ой да вот он, не дотронься, не задень.

Он по улице пройдет — воеводе шапочки не гнет,

Ой да вот он, воеводе шапочки не гнет.

Воеводе шапочки не гнет, только глазом поведет,

Ой да вот он, только глазом поведет.

В 1705 г. бахмутский атаман К. Булавин разорил соляные варницы казаков Слободского изюмского полка. Для разбора дела был срочно послан из Адмиралтейского приказа дьяк Горчаков. Эта поездка кончилась неудачей, так как Горчакову «описывать и досматривать спорных земель и угодей на Бахмуте не дали и держали его за караулом...»

Однако старшинские казаки под давлением царского правительства все чаще нарушали «стародавний обычай» Войска Донского не выдавать с Дона беглых. Отряд старшин Григорьева и Федорова «новопришлых... семей с 50-сыскали и 30 семей переловя на Валуйки... отослали...»

Особенную опасность для пришлых жителей представлял грозный указ Петра I князю Юрию Долгорукому (от 6 июля 1707 г.) о сыске беглых в донских городках. В начале сентября 1707 г. Долгорукий прибыл в Черкасск и предъявил войсковому атаману Лукьяну Максимову указ, по которому предлагалось пополнить отряд Долгорукого казаками для сыска беглых. Выполнить такое распоряжение в отношении всех городков черкасской старшине было невыгодно. Не желая, чтобы Долгорукий производил розыск в Черкасске, где у зажиточных казаков работало много беглых, Максимов все же разрешил производить сыск в других городках.

Первый розыск был произведен в четырех казачьих поселениях, где было обнаружено 30 новопришлых. Оттуда отряд Долгорукого направился в верховые городки по Дону, Хопру, Медведице и Бузулуку.

О жестоком поведении князя Ю. Долгорукого во время розыска писал позднее К. Булавин в своей отписке к кубанским казакам: «И они, князь с старшинами, будучи в городках, многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали...»

Известия о жестокости и высылке беглых передавались от одного селения к другому. «Новопришлые» прятались в лесах, оврагах. Многие городки как будто вымирали при приближении к ним людей Долгорукого. Так, в Новоайдарском городке оставалось лишь 12 казаков, так как большинство жителей (150 человек) были «новопришлыми» и, спасаясь от сыска, разбежались.

Всего на прежние места жительства было возвращено около двух тысяч беглых.

Жестокие действия «посыльщиков» Долгорукого вызвали стихийное движение протеста. Об этом красочно говорилось в одной из народных песен:

Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики...

Без указа-то они государева нас разоряют,

И они старых стариков всех ссылают,

Молодых же малолеток берут во солдаты.

Оттого-то наш славный тихий Дон

возмутился,

Возмутился славный тихий Дон вплоть

до устьица,

Как до славного до города Черкасского.

Многие примкнули к отрядам атамана Булавина, решившего расправиться с Долгоруким.

Возмездие свершилось 8 октября 1707 г. Отряд Долгорукого прибыл по р. Айдару в Шульгин городок. Станичный атаман предупредил князя, что недалеко от Новоайдарского городка в лесу собрался отряд в 150 вооруженных беглых во главе с бывшим бахмутским атаманом Кондратием Булавиным и казаком Новоайдарского городка Григорием Банниковым, но Долгорукий не принял должных мер. В ночь на 9 октября 1707 г. повстанческий отряд К. Булавина и Г. Банникова ворвался в Шульгин городок. У станичной избы раздались крики и ружейная стрельба. Юрий Долгорукий был убит. Было перебито много офицеров и солдат. Только войсковые старшины во время внезапного нападения сумели в одних рубахах вскочить на неоседланных лошадей и умчаться в степь.

Убийство Ю. Долгорукого и ликвидация его отряда в Шульгиной городке знаменовало собой начало восстания на Дону. Большинство офицеров и солдат, посланных Долгоруким по рекам Хопру, Бузулуку и Большой Медведице для возврата беглых, было перебито.

В исторической литературе имеются предположения, что в подготовке убийства Долгорукого тайно участвовал войсковой атаман Лукьян Максимов. Единственным доказательством этого является донос казака Л. Карташа. Однако это мнение вряд ли может быть оправдано. Не надо забывать, что 14 декабря 1707 г. за разгром булавинского отряда Максимов получил царскую благодарность.

Далеко не все домовитые казаки отошли от Булавина после его расправы с Долгоруким. Некоторые хотели использовать растущее восстание для отвоевания былой «независимости Дона». Примкнув к восставшим как временные попутчики, они стремились сдержать народное выступление, возглавить его для того, чтобы сохранить свои права и имущество.

Вспыхнувшее осенью 1707 г. восстание голытьбы и беглых проходило в благоприятной обстановке. Многие домовитые казаки были в действующей армии на шведском и

польском фронтах. Кроме того, часть домовитых казаков на первых порах приняла участие в восстании. Однако это были лишь временные попутчики, стремившиеся использовать протест народных масс для сохранения своих старых привилегий.

После уничтожения царского отряда на Айдаре атаман Булавин посылает «прелестные письма» (от слова прельщать. — *В. Л.)* в верховые городки по Айдару, Медведице, Хопру с призывом последовать его примеру. Сразу же призыв Булавина нашел отклик. Так, например, 500 жителей Закотенского городка собрались на помощь К. Булавину. С особой радостью отряд восставших в тысячу человек во главе с Кондратием Булавиным был принят в октябре 1707 г. в Старо-Боровском городке. Атаман городка с его жителями встретил Булавина с хлебом, солью, вином и медом, пригласил в станичную избу. При Булавине находились три полковника: старик по прозвищу Лоскут, в прошлом участник восстания Степана Разина, второй полковник был сыном староаидарского атамана, третьим был коротояцкий поп. В станичной избе староборовский атаман, обращаясь к Булавину и его полковникам, говорил: «Заполыхали всем государством, что вам делать, есть ли придут войска из Руси, тогда и сами пропадете и им (т. е. присоединившимся к Булавину. — *В. Л.)* пропасть же будет». Но такое предостережение не испугало Булавина. Он заявил, что ждет помощи из Астрахани, с Запорожья и с Терека, а пока намерен пойти на Бахмут «и как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком по городам и до Рыбного и конями, ружьем и платьем наполнятца и пойдут в Азов и на Таганрог, и освободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи. И на весну собрався пойдут на Воронеж и до Москвы...» Через несколько дней у Булавина уже было большое войско, до двух тысяч человек, находившееся в Боровском городке.

Восстание стало принимать широкий размах. Это вызвало опасение у войскового атамана и старшины. Лукьян Максимов спешно организовал войско «чтоб их... до пущего злого намерения не допустить, и злой их совет нечестивый разорить». Более того, атаман Максимов обратился с просьбой к азовскому губернатору Толстому о присылке конной службы казаков и новокрещеных калмыков в верховые городки. Толстой немедленно выслал походное войско, состоявшее из казаков конной службы и калмыков.

Известие об убийстве князя Долгорукого и его отряда дошло до Петра I в первых числах ноября 1707 г. Обеспокоенный Петр I обратился 3 ноября к А. Д. Меншикову, под началом которого находилось много конных казаков на фронте. Царь призывал Меншикова «иметь осторожность от тех (казаков. — *В. Л.),* которые у вас есть в армии; и не худо, чтоб у них у всех, которые у вас, лошадей обобрать до времяни для того, чтобы не ушли туда ж».

Киевскому губернатору Д. М. Голицыну приказано было с помощью казаков Харьковского и других полков подавить восстание, «...разбить и переловить и до расширения сего их воровства не допустить».

Близ городка Закотного и произошла встреча войска под командованием атамана Максимова с отрядами повстанцев под предводительством К. Булавина. Посланные вперед отряды старшины Ефремова преградили дорогу булавинцам к Закотному городку. Повстанцы, зная, что за отрядом Ефремова на них движется большое войско, укрепились у р. Айдара, недалеко от леса. За два часа до наступления темноты на помощь передовому отряду подоспело все войско карателей и начало стрельбу по укреплениям повстанцев «изо всего ружья». Вскоре повстанцы предложили вступить в переговоры. Посланные ими парламентеры подали письмо, в котором говорилось, «что с ними думали и руки давали».

Максимов потребовал, чтобы были выданы зачинщики восстания: Кондрат Булавин, Григорий Банников, Иван Лоскут. В ответ на такое требование восставшие открыли стрельбу. Попытки группы предателей захватить Булавина кончились неудачей. Ближе к ночи войско Максимова вынуждено было под напором булавинцев отступить. Однако это был лишь временный успех. Ночью булавинцы отступили («той же ночью по лесам разбежались»). На рассвете войсковой атаман увидел опустевший лагерь с догоравшими кострами, телегами и брошенными лошадьми. Начали разыскивать по лесам и оврагам. В результате поиска было поймано более 230 человек. Из них восемь человек повесили вниз головой, у 130 повстанцев отрезали носы, 84 человека посланы валуйскому воеводе, а десять человек отправили в Москву, где их ожидали пытки и смертная казнь.

Старшинское войско жестоко расправилось с населением восставших городков. Шульгинский городок, где убили Ю. Долгорукого, был «сравнен с лицом земли».

Петр I должным образом оценил усердие войскового атамана Лукьяна Максимова и послал Войску Донскому 10 тыс. руб.

Несмотря на жестокую расправу Лукьяна Максимова с восставшими и уничтожение казачьих городков, классовая борьба по Дону не прекратилась. Мятежные атаманы рассылали «письма», призывавшие казаков собираться в Алексеевском городке. Восставшими был перекрыт подступ к Тамбову со стороны Дона.

В декабре 1707 г. отряд восставших во главе с Кузьмой Акимовым осадил Провоторовский городок. Перевес оказался на стороне домовитых казаков, засевших в городке. 26 повстанцев были «посажены в воду», т. е. утоплены, а К. Акимов, выдававший себя за Булавина, и еще 4 повстанца были привезены в Черкасск.

Другой отряд булавинцев во главе с Драным осадил Новоайдарский городок.

Непрекращающиеся волнения на Дону вызвали беспокойство царского правительства. 16 декабря 1707 г. Петр I назначил стольника Бахметева во главе отряда 300 царедворцев-помещиков, надежных карателей. В помощь Бахметеву придавались конный и пехотный полки. Действия карательного отряда должны были согласовываться с войсковым атаманом Максимовым. Однако до апреля 1708 г. войско отсиживалось в Острогожске.

Между тем смелые действия повстанческих отрядов вызывали серьезное беспокойство у местных властей. В начале января 1708 г. были приведены к крестному целованию казаки верховых донских городков. В Москву ежемесячно следовали посольства (станицы), доставлявшие закованных повстанцев. Возглавлявшие станицу старшины смогли убедить царское правительство, что восстание подавлено и не возродится. Тогда на Дону со стольником Колычевым была послана донской старшине обещанная награда в 10 тыс. руб. Однако царское правительство было обеспокоено тем, что вождь восстания Кондратий Булавин не был пойман — «где он проклятый укрываяся живет, о том... неведома и нигде не явился».

Войсковой атаман Лукьян Максимов направил войсковые письма во все казачьи городки, обещая за поимку Булавина выдать 200 руб. из войсковой казны. Но известие о местопребывании вождя повстанцев не поступало.

2. Сборы повстанческих сил

Где же в самом деле находился неуловимый Булавин? В сражении под Шульгиным городком булавинский отряд был разгромлен. Кондратий Булавин и его помощники ночью ушли лесом, намереваясь пробраться в Запорожскую Сечь. 20 декабря 1707 г. Булавин прибыл в Кодак и оттуда с 12 соратниками явился в Запорожскую Сечь с просьбой о помощи. Была созвана Рада, на которой зачитали письмо Булавина, призывавшее запорожцев «себе вспоможение к возмущению бунта, что учинить то в

великороссийских городах». Булавин обещал всем вступающим в его «охотное войско» 7 тыс. червонцев. Предложение Булавина вызвало перебранку между голытьбой и зажиточными казаками во главе с кошевым атаманом Финенко. «И для такого его Булавина предложения збирались всем Войском в круг трижды и окрик чинили, чтобы идти наперед на орельские городки (т. е. городки по р. Орела) и побрать пушки и побить панов и арендарей за их неправду, что Украиной завладели, а их казаков изобижают».

Борьба в Запорожской Сечи, разгоревшаяся во время обсуждения предложения К. Булавина, была по существу проявлением классовой борьбы.

Булавин просил у кошевого атамана лист для поездки к Крымскому хану. Кошевой атаман отклонил требование К. Булавина под предлогом, что «в поход подняться невозможно, Днепр и иные реки не замерзли». На самом же деле богатые казаки боялись, что поддержка Запорожской Сечи может губительно отразиться на сечевом посольстве в 88 казаков, находившемуся в Москве. Булавину дали понять, что только после возвращения запорожского посольства к весне Сечь может разрешить ему собрать запорожскую вольницу. Жить Булавин был вынужден в Кодаке (а не в Запорожской Сечи). Интересно отметить, что гетман Иван Мазепа, который в будущем станет предателем, прислал своего представителя в Сечь с требованием о выдаче Булавина. Но на Раде голытьба Запорожской Сечи выступила в поддержку К. Булавина, и все происки гетмана Мазепы кончились неудачей.

История не сохранила документов, характеризующих взаимоотношения К. Булавина и Мазепы. Но зато имеются документы об активном участии гетмана в борьбе с повстанцами. Интересно то обстоятельство, что противники Мазепы и верные сторонники союза с Россией Кочубей и Искра пытались найти убежище на Дону или в Запорожье. Известны письма Г. Головкина, Г. Долгорукого и П. Шафирова, писавших под влиянием Мазепы Петру I (апрель 1708 г.), что Кочубей и Искра могут уйти к Булавину. Если же связь Булавина с Мазепой мало вероятна и не подтверждается документами, то еще более невероятна версия, будто Булавин был связан со шведским королем Карлом XII.

Между тем к Булавину, находившемуся в Кодаке, еще в феврале 1708 г. прибыло 40 человек казаков, призывавших атамана возглавить растущее антифеодальное движение в верховых городках Дона.

В самой Запорожской Сечи, несмотря на противодействия Финенко и нового атамана Константина Гордеенко, несколько сот запорожцев переправились через Днепр и остановились на речке Вороновке, в 20 верстах от Новобогородицкого городка. Это сильно встревожило киевского губернатора Голицына. В своем письме к Петру I от 28 февраля он сообщал, что в Новобогородицком городке всего 200 человек гарнизона и что Мазепе необходимо послать на помощь полки. Гетман Мазепа выслал против булавинцев два конных полка.

Опасение проявлял и воевода далекой Астрахани Хованский. Оно было вызвано тем, что «город Дмитриевский на Волге (Камышин. — *В. Л.)* пуст, служилых людей в нем нет».

Местные власти усиленно следят за каждым шагом К. Булавина. Серьезное беспокойство вызывает намерение Булавина призвать на помощь татар из Крыма. Однако никаких доказательств о связи с крымцами местные власти сообщить не могли.

Находясь в Кодаке, Булавин рассылал «прелестные письма». В них он призывал «приезжать... к нему» и вступать в войско. Причем Булавин умышленно преувеличивал свои силы, заявляя, что с ним семь тысяч донских казаков, шесть тысяч запорожцев, пять тысяч от кочевой «Белой Орды». Письма Булавина достигли поселений гребенских и яицких казаков, не желавших сражаться с башкирскими повстанцами. Комендант Казани Н. Кудрявцев писал Меншикову 14 апреля 1708 г.: «...а мы чаем, что есть у них с ними ворами (булавинцами. — *В. Л.)* согласие». «Прелестные письма» К. Булавина распространялись и на Украине. По словам киевского воеводы, было найдено булавинское письмо недалеко от Белгорода.

Из-за волнений на Дону было невозможно направить в Азов 23 тыс. работных людей. Два полка (Полтавский и Компанейский), посланные гетманом Мазепой для разгрома ставки Булавина на речке Вороной, застали лагерь покинутым.

4 апреля 1708 г. Кондратий Булавин и его сподвижник запорожский атаман Щука двинулись во главе повстанцев на Дон.

К тому времени крестьянские волнения охватили Придонье (Козловский, Тамбовский, Воронежский уезды), Слободскую Украину, Поволжье, наибольшего размаха достигает башкирское восстание.

Центром восстания стал Пристанский городок на р. Хопре, где в первых числах марта 1708 г. собралось до тысячи повстанцев. Ядром повстанческого войска были 300 казаков во главе с Хохлачем. Основная масса повстанческих сил состояла «из великорусских беглецов». Однако от казака-предателя, сбежавшего в Луганский городок, атаману Зерщикову стало известно о появлении вождя повстанцев на Дону. Атаман Зерщиков поспешил к Обливенскому городку, пытаясь преградить путь Булавину, но не смог его настигнуть. Булавин «со товарищи» сумел уйти от преследования и добраться до Пристанского городка — центра восстания, где был радостно встречен собравшимися. На созванном в Пристанском городке кругу вождь повстанцев заявил, что он намерен «идти в Черкасск и побить старшин из Черкасского до Азова в Троицкий, а от тех городков и в иные города побить же бояр, прибыльщиков и немцев».

Козловский воевода Г. Болконский в отписке сообщал интересную подробность. Изложив свои планы, Булавин в Пристанском городке «выняв саблю, говорил своим единомышленникам: ежели де ...своего намерения не исполнит, и ему б той саблею голову отсекли». Это был прямой вызов Булавина своим противникам.

Другие повстанческие атаманы указывали, что необходимо в первую очередь овладеть Воронежем. Здесь же на кругу были выбраны старшины, полковники, есаулы и знаменщики повстанческого войска.

К. Булавин и его помощники продолжали рассылать «прелестные письма». К этому времени относится известное «прелестное письмо» Булавина в русские города, села и деревни, к добрым начальникам, торговым и черным людям. «А от нас вы всякие посацкие и торговые люди, и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сумневайтесь отнюдь». Далее Булавин призывал их «за злое дело» не спускать «худым людям» князьям и боярам, прибыльщикам и немцам.

О намерении «истребить иноземцев и прибыльщиков» говорилось также в «прелестном письме» Л. Хохлача, относящемся к тому периоду.

Собирая силы, К. Булавин и его атаманы призвали население верховых городков по Хопру и Бузулуку в Пристанский городок. Призывая в повстанческие войска людей, Булавин обещал каждому из пришедших по 10 руб.

При зачислении казаков в войско восставших строго соблюдался принцип добровольности, брали всех, «кто похочет итти волею...», «а неволею никого не брали».

Готовясь к походу, повстанцы завладели в Усть-Хоперском городке «государевыми хлебными запасами». Повстанцы трижды побывали в Донецком городке, где «за малою водой» были оставлены «государевы пушки и ядра». Отрядами Хохлача были пригнаны с «государевых» конных заводов, находившихся в Тамбовском уезде, табуны лошадей для предстоящего похода. Везде, где только можно, повстанцы закупали коней, скотину, оружие, продовольствие.

Готовясь к выступлению, повстанцы на многочисленных кругах (сходах) долго спорили о направлении похода. Многие из них призывали «итить бунтом под Тамбов и под Козлов и иные украинные города».

В одном из «прелестных писем» Булавин писал: «Мы всем войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим...» или — «И то письмо с Воронежа посылать до Валуйки, до Оскола, до Чюгуева, до Белгорода и списки посылать в иные городы».

В жарких спорах победила вторая группа повстанцев, предлагавших не повторять ошибки разинцев и не оставлять в тылу низовых старшинских казаков, которые могли бы предать.

Эта группа призывала к походу на Черкасск «побить старшин». «А взять де Черкесской итить им... разорять В Озов, а потом до Москвы, а в Озове и на Москве во всех городах вывесть им бояр, да прибыльщиков, да немцев».

В Пристанском городке ко времени выступления в поход насчитывалось 20 тыс. повстанцев.

3.Обострение классовой борьбы к весне 1708 года. Первые сражения с царскими войсками

Весной в цветущих степях Дона вспыхнуло народное восстание, охватившее юг страны и повлекшее за собой волнения в центральных уездах. Если судить по книгам Печатного приказа, в марте — апреле 1708 г. учащаются побеги крестьян, случаи неповиновения помещикам. Ярче всего классовая борьба разгорелась

в близлежащих к Пристанскому городку землях Придонья, а также на Хопре, Медведице, Бузулуке, Битюге, в районе Козловского, Тамбовского и Воронежского уездов. Крестьяне совместно с посадским людом громят помещичьи имения в Тамбовском, Козловском, Борисоглебском, Устюжском, Нижнеломовском и Верхнеломовском уездах. По свидетельству капитана Ю. Аксакова, посланного в Придонье для поимки беглых, число повстанцев «умножилось, и многие помещиковы домы, и села, и деревни разорили».

В Козлове действовал представитель Булавина атаман Скрылев, задачей которого было подготовить население города и уезда к восстанию.

Большая масса недовольных сосредоточилась на Хопре. Так, например, сюда бежало из Тамбовского уезда 1000 человек (в большинстве крестьян), чтобы избежать набора в солдаты. Многие из них двинулись в Пристанский городок к Булавину. Из сел и деревень Козловского уезда приходили в лагерь восставших работные люди, занятые на заготовке леса по Хопру. К повстанцам присоединилось также до 10 тыс. работных людей, занятых на сгонке плотов.

К тому времени пламя восстания уже охватило большую часть уездов Юга России.

Один из отрядов повстанцев ворвался в Борисоглебск и расправился с представителями царской власти. Были выпущены из тюрьмы колодники, захвачены запасы пороха. Во главе уезда и селений встали избранные народом атаманы и есаулы.

Тысячный отряд повстанцев появился близ Тамбова и захватил лошадей драгунского двора. Перепуганный воевода приказал бить в набат и стрелять из пушек. На звон набата сбежалось до трехсот жителей, которым роздали порох и свинец. «И они во время молебного пения, — писал воевода, — дождався окончания, из города вышли, и знатно те тамбовцы к их воровству склонились, потому что по наряду от тамбовского Воеводы в город к нему на отпор им, бунтовщикам, не только из сел, но и Троцкие не идут...»

Многие жители, по словам воеводы, говорили, «что де им в городе делать, не до них де дело». К повстанцам присоединились крестьяне из сел, принадлежавших Меншикову — Большой и Малой Грибановки, Карачана, Русской Поляны. Повстанцы овладели поместием Анкудинова, деревней Самодаровкой и деревней подьячего Катасонова. Отряды повстанцев действовали почти по всему Козловскому уезду и подходили к стенам самого Козлова.

Больших успехов достигли повстанцы в районе бассейна р. Битюга. 30 марта 1708 г. повстанческий отряд численностью более 100 человек вошел в село Боровское. Булавинцы «великого государя денежную казну и лошадей разграбили, и указы и всякие приказные письма изадрали, и многие домы разоряли. А колодников (заключенных в тюрьмы. — *В. Л.)* распустили, а иных взяли с собою...»

В конце марта в Бобров из Пристанского городка прибыл отряд из 300 повстанцев. Повстанцы, по словам козловского воеводы Волконского, «тамошнего воеводу и подьячих и бурмистров били и грабили и пытали, и лошадей государевых отогнали и колодников распустили». Не прекращались волнения и на землях Слободской Украины. Повстанческий отряд в 1000 человек во главе с С. Беспалым пришел в Бахмут для встречи двигавшихся к Булавину запорожских казаков. Бахмутский атаман и многие жители встретили повстанцев хлебом — солью. После встречи с запорожскими казаками отряд Беспалого двинулся к Ямполю. Вместе с ним пошло 500 бурлаков из Бахмута.

К югу от Пристанского городка власть повстанцев распространилась до Правоторского городка, где укрепились сторонники войскового атамана Л. Максимова. Городок был осажден повстанцами. Другой повстанческий отряд подходил к Донецкому городку, намереваясь захватить там пушки и ядра.

Восставшие пытались установить связь с Поволжьем. Так, под Саратов был отправлен отряд в 1700 повстанцев, причем о присылке отряда просили сами саратовские жители.

К весне восстание в Башкирии и Татарии достигло наибольшего размаха. К восставшим присоединялись чуваши, удмурты, марийцы, вотяки и другие народности. К. Булавин стремился установить связь с народностями, восставшими против колониальной политики царизма. Главный удар он решил нанести по домовитой старшине в Черкасске, угрожавшей с тыла войску восставших. Однако для похода необходимы были лошади, которых еще не хватало. 500 повстанцев во главе с Хохлачем переправились через р. Битюг и отогнали драгунских лошадей.

Другой отряд повстанцев, судя по донесению английского посла Витворта, проник в Рязанский уезд и отогнал лошадей с конного завода в Раненбурге.

Оставшиеся в Придонье и в Слободской Украине атаманы прилагали большие усилия для пополнения армии, двигавшейся к Черкасску, людьми. Стремящихся принять участие в восстании «...принимали со всяким прилежанием, а против прежней обычности с них, беглецов, деньгами и животами (имуществом) и вином не брали для того, чтобы больше в хоперские городки беглецов шло. И таковых де беглецов по половине посылают они, казаки, за ним Булавиным вслед».

Петр I был обеспокоен многочисленными известиями о растущей угрозе со стороны повстанцев. 27 марта 1708 г. издан царский указ, согласно которому находившийся в Острогожске Бахметев и Тевяшов со своими полками должны идти к Воронежу и Тамбову.

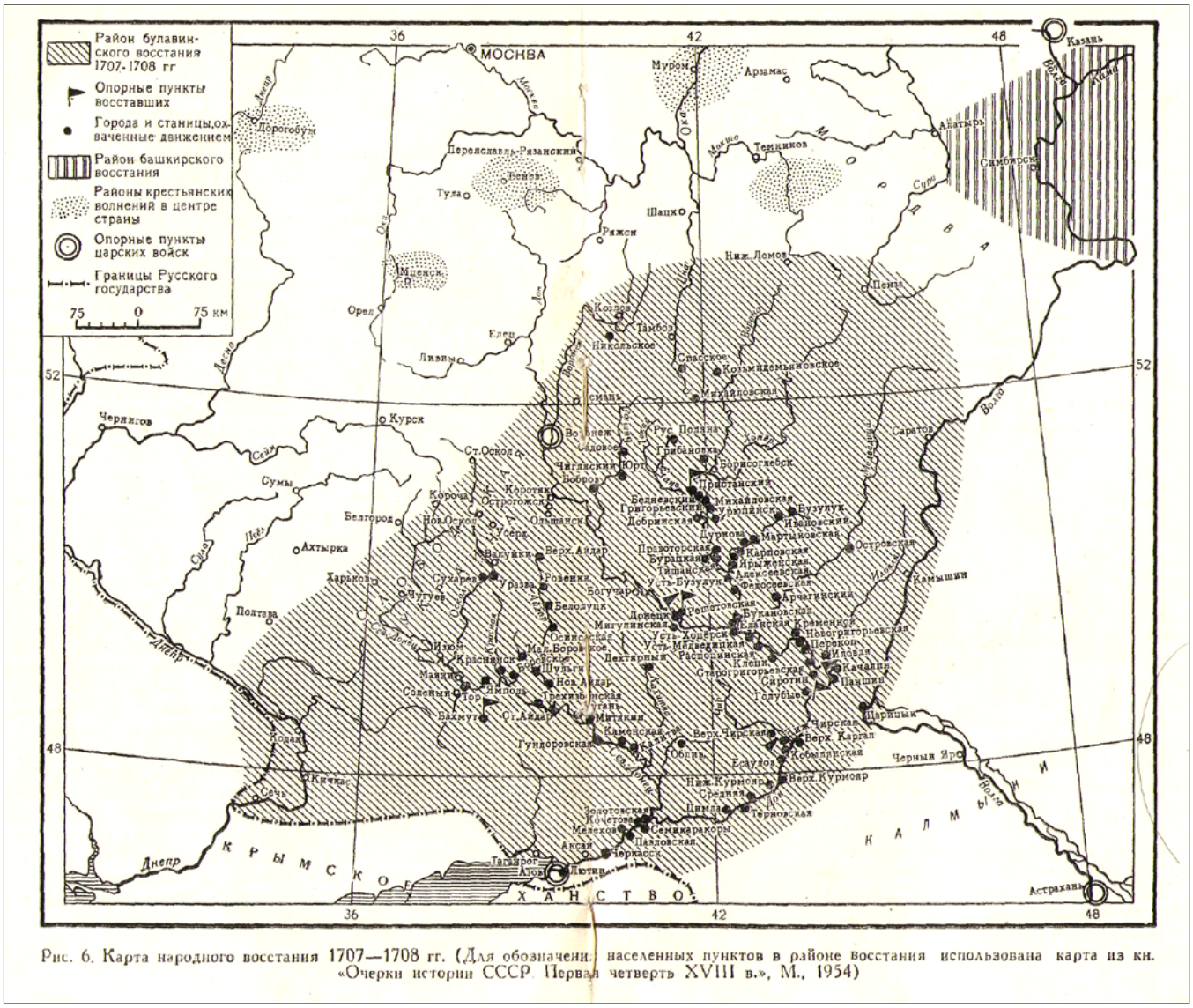


Рис. 6. Карта народного восстания 1707—1708 гг. (Для обозначения населенных пунктов в районе восстания использована карта из кн. «Очерки истории СССР. Первая четверть XVIII в.», М., 1954)

В начале апреля 1708 г. из Посольского приказа Войску Донскому была послана грамота с извещением о посылке правительственных войск для подавления восстания. Войсковому атаману Максимову велено идти «не мешкав» против повстанцев «и есть ли потребно будет, то совокупиться с нашими войсками великороссийскими».

Грамоты о немедленном выступлении против восставших были посланы к киевскому губернатору Голицыну. Из Москвы был послан полк в помощь Козловскому воеводе Г. Волконскому.

Выполняя царский указ, карательные отряды, составившие целую армию, спешно двинулись в восставшие районы.

Бахметев должен был направить 19 апреля свои полки к устью Хопра. Там, по полученным сведениям, был Булавин «с единомышленники своими». Но эти сведения явно запоздали. Повстанческое войско на судах по Дону и конным порядком — по берегу 19 апреля уже приближалось к Черкасску.

Тем временем 20 апреля Бахметев, находясь у р. Хворостянки, двинул свои полки на Битюг и 23 апреля прибыл в урочище, находящееся недалеко от Чиглянского Юрта. Там были получены сведения, что недалеко от Садового села, в трех верстах вниз по Битюгу, прошел тысячный отряд повстанцев.

28 апреля 1708 г. Бахметев послал конницу в погоню за повстанческим отрядом. У переправы через р. Битюг произошло кровопролитное сражение. Бой длился три часа. С обеих сторон было много убитых и раненых. Исход боя решило численное превосходство царских войск. Ожесточенное сопротивление повстанцев было сломлено. Часть их спаслась, укрывшись в леса.

Царские войска взяли в плен 143 человека, 3 знамени, оружие и коней. Как показали пленные, в отряде было много жителей с хоперских, медведицких и бузулукских городков. Предводителем отряда был сподвижник Булавина Лукьян Хохлач.

4.Посылка на Дон карательной армии под командованием Василия Долгорукого

Размах восстания и продвижение войск Булавина к Черкасску убедили Петра I, что ограничиваться оборонительными по отношению к восставшим мерами нельзя.

Кроме того, в связи с походом шведского короля Карла XII в Саксонию наступила передышка в военных действиях со Швецией. Таким образом возникла возможность использовать дополнительные военные силы для разгрома восстания на юге России.

Петр I, очевидно, считал, что стольник Бахметев не сможет быть в должной мере решительным и жестоким в борьбе с повстанцами. Выбор царя пал на майора гвардии Василия Долгорукого, брата убитого булавинцами Юрия Долгорукого. В. Долгорукий должен был срочно покинуть действующую армию и прибыть в район восстания, «чтобы сей огонь потушить». Долгорукий по распоряжению Петра I должен был «ходить по... городкам и деревням... которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить...»

Полкам было велено направляться к Воронежу и к Козлову. Количество переданных под команду В. Долгорукого сил исчислялось в 7 тыс. человек.

Автору этой книги удалось среди многочисленных бумаг Кабинета Петра I найти сводку боевых действий Долгорукого. В ходе борьбы с повстанцами численность карательных сил в распоряжении В. Долгорукого увеличилась до 33 844 человек.

Петр приказал фельдмаршалу Б. П. Шереметеву подобрать из различных частей 300 опытных солдат и направить их урядниками в полки, посылаемые на Дон. Такая мера, по мнению царя, должна была повысить боеспособность карательных частей.

В это же время были освобождены три казака Федосеевского городка, приставшие вначале к восстанию, но затем принесшие повинную. При освобождении им был дан царский наказ: «...ежели и впредь кто с повинной будет, задержания никакого не будет».

Таким образом, еще тогда Петр I политикой «кнута и пряника» пытался расколоть ряды повстанцев, обещая раскаявшимся милость и прощение.

Петра I тревожили вести и о башкирском восстании. После принесения башкирами и татарами повинной и целования корана на верность царь торопит В. В. Долгорукого к решительным действиям.

Из Посольского приказа (6 апреля 1708 г.) была послана грамота атаману Войска Донского Максимову с приказом идти «не мешкав» для разгрома булавинцев.

События развертывались довольно быстро. 28 апреля Долгорукий прибыл из действующей армии в Москву. Немедленно он подал царевичу Алексею и в Ближнюю канцелярию «пункты», в которых указывал, что необходимо сделать дополнительно для похода. Эти пункты были немедленно рассмотрены, и заявки Долгорукого удовлетворены. 3 мая генеральный писарь Любим Судейкин был назначен под начало

Долгорукого. 6 мая 1708 г. Долгорукий выехал в Воронеж, где должны были собираться полки, отданные ему под командование. 12 мая 1708 г. он прибыл в Воронеж.

Несмотря на лихорадку, приковавшую Петра I к постели, царь лично следил за сборами и отправлением Долгорукого. В одном из писем (от 27 апреля 1708 г.) царь торопит его, приказывает спешить «как можно», так как получены известия, что повстанцы «сбираются на усть-Хопра и хотят идти в Черкасск, чтобы возмутить донских казаков». Царь приказывает полкам идти «быстрым маршем», хотя бы до Азова. Надо следить, чтоб булавинцы в Азове «чего не учинили». Если даже собрались не все военные силы, наказывал царь, то Долгорукому надлежит идти «хотя с половиной или меньше», «а пехотным полкам за конницей с Воронежа по воде на судах».

Петр I опасается, чтобы восставшие не захватили Азов и Таганрог, и, чтобы удержать население тех районов от выступления, распространяются слухи о приближении многочисленных правительственных войск.

Согнанные со всей страны для строительства Азова и его укреплений, а также Таганрогского порта крестьяне, сосланные туда стрельцы, затаившие ненависть, и матросы — все представляли собой массу, готовую присоединиться к восстанию.

В одном из писем Долгорукому Петр сделал приписку, в которой советовал, чтобы с теми, кто не присоединялся к восстанию или участвовал в нем, но принес повинную, «зело ласково» поступать. В этом же письме царь извещал о посылке из Киева в помощь Азову полка под командованием Андрея Ушакова. О последнем Петр I уведомил также азовского губернатора Толстого.

Одновременно Петр I торопил Меншикова обеспечить отправку тысячи драгун в Таганрог еще до приезда Ушакова в Азов. Царь не рекомендовал посылать украинцев; очевидно, многие из них склонились к переходу на сторону повстанцев.

В. В. Долгорукий заверял царя, что прилагает все усилия для выполнения его распоряжений, хотя многие полки еще не прибыли к нему.

По прибытии в Воронеж Долгорукий поспешил доложить царю: «...как возможно, спешу, чтобы, собравшись, идти на Валуйки к соединению с полками Шидловского и другими».

13 мая 1708 г. Долгорукий написал войсковому атаману Лукьянову, что двигается к Черкасску «со многими конными и пехотными полками против бунтовщиков, на Кондрашку Булавина». Долгорукий призывал донских казаков служить верно и просил послать письма из Черкасска во все донские городки атаманам, старшинам и казакам, чтобы те служили государю и знали о походе войск против булавинцев. Этим письмом Долгорукий выполнял требование Петра I «пустить эхо».

Несмотря на быстроту (для того времени) действий В. Долгорукого, царское правительство не смогло вовремя перейти в наступление и приостановить разливавшийся по южным окраинам огненный поток восстания.

5. Поход булавинцев на Черкасск

Задержка в сборе царских войск для разгрома восстания помогла Кондратию Булавину собрать многочисленные силы и двинуть их в последних числах марта на Черкасск.

Большие задачи стояли перед повстанческой армией — требовались напряженные усилия и быстрота действий. Удалось создать крупные конные отряды. Кони были или захвачены «на государевых дворах», или приведены участниками восстания. Пехота была «посажена» на суда, многие из которых были отобраны у торговых людей. Не всем хватало оружия. В отрядах многие «гулящие» были безоружны. Мало было запасено и продовольствия. Однако медлить с походом было нельзя, так как царские полки двигались вслед.

В самом Черкасске было немало сторонников повстанцев. Они с нетерпением ждали прихода войска К. Булавина. Булавин был твердо уверен, что подневольная голытьба в Черкасске будет на его стороне.

В то же время К. Булавину удалось наладить временные связи с противниками Максимова и возможными претендентами на место войскового атамана — Зерщиковым и старшиной Поздеевым.

Сведения о численности двинувшейся на Черкасск повстанческой армии разноречивы. По показаниям козловского жителя, с Булавиным «конницы 5 тысяч, в судах 2000 человек». По другим сведениям, повстанцев было тысячи четыре и больше конницы.

На основе различных документальных сведений можно полагать, что К. Булавин имел в начале похода 5 тыс. вооруженных человек. Кроме того, часть повстанцев осталась для охраны подступов к Дону с севера, некоторые отряды булавинцев действовали в Придонье, Поволжье.

Население большинства городков с радостью встречало повстанческое войско. Присутствие войска восставших на Дону делало невозможным отправку в Азов продовольствия, оружия, а также построенных в Воронеже кораблей.

28 марта 1708 г. Лукьян Максимов вышел с домовитыми казаками из Черкасска к речке Кагальчику — месту сбора старшинского войска. В армии войскового атамана находилось 8 тыс. человек вместе с азовскими ратными людьми. Он оставил в Черкасске для его защиты 4 тыс. казаков и ратных разных людей из Азова.

8 апреля повстанческое войско и армия Максимова встретились выше городка Паншина, на речке Лисковатке. Бывшие в войске Максимова верховные казаки потребовали переговоров. От Булавина прибыл в Максимову посланец с предложением «не иметь напрасного кровопролития и разорения, а между собой сыскать виновных». Войско Донское направило для переговоров к Булавину Ефрема Петрова, Максимов собрал войсковой круг, во время которого булавинцы неожиданно напали на старшинское войско; Находившиеся здесь верховые казаки и часть низовых перешли к булавинцам, а старшинских казаков «многих побили до смерти и переранили». В обозе были захвачены 4 пушки, порох, свинец и «денежная казна» 8 тыс. рублей.

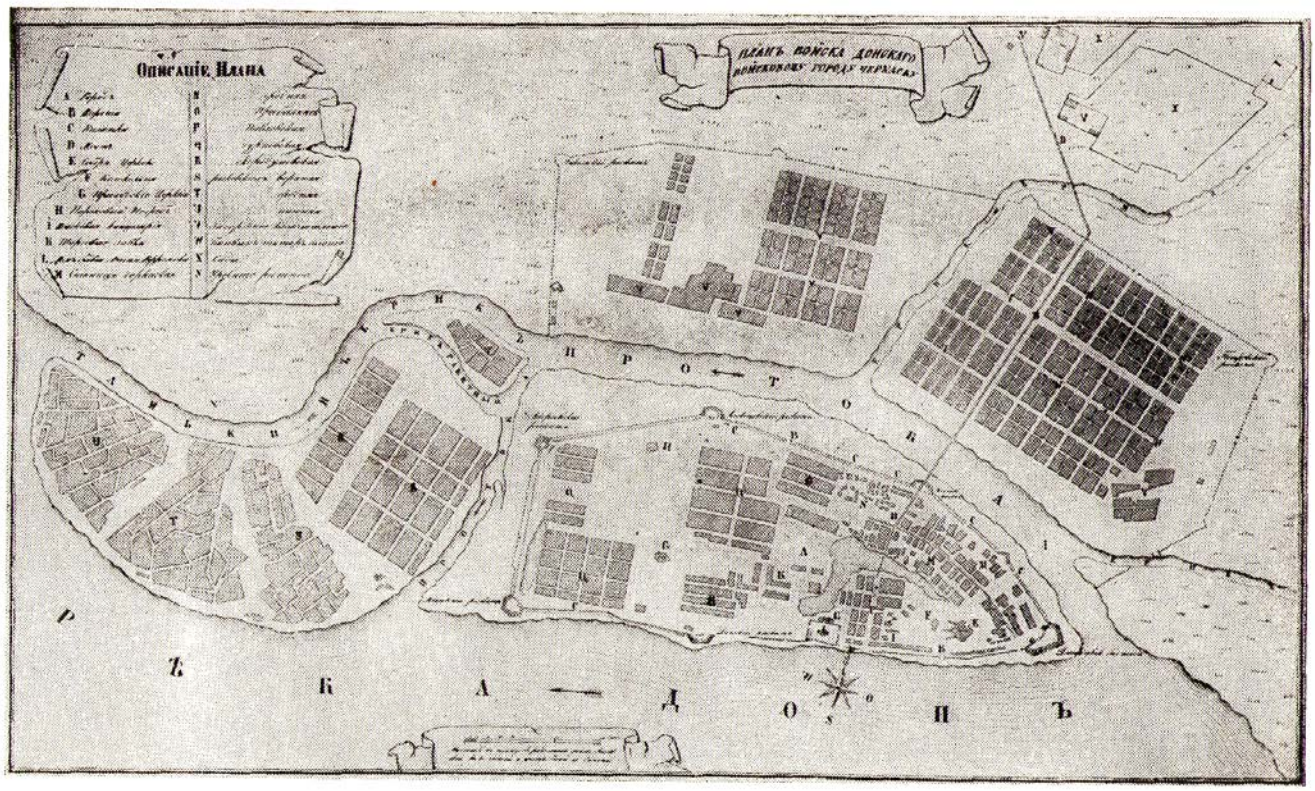


Рис. 7. Общий вид плана г. Черкасска (из книги А. Ригельмана «История... о донских казаках»)

Максимов с низовыми казаками и азовский полковник Николаи Васильев с конными казаками и драгунами вынуждены были отступить. Васильев двинулся к Азову Максимов — к Черкасску.

Так, Булавин, имея в распоряжении 5 тыс. человек, сумел обратить в бегство старшинские войска численностью в 8 тыс. человек.

Победа восставших в большой мере объясняется тем что в старшинском войске многие казаки не хотели защищать домовитых. Войско Максимова распалось, «перевес сил» изменился в пользу повстанцев.

В период продвижения отрядов Булавина к Черкасску в казацкой среде происходили важные общественные явления. Во-первых, усилилась классовая борьба в нижних городках, где голутвенные казаки сажали старшин «в Дон», или, другими словами, топили их; во-вторых, часть низовых казаков присоединялась к повстанческой армии в качестве временных попутчиков, надеясь таким способом добиться у царского правительства возвращения Войску Донскому всех его прежних прав.

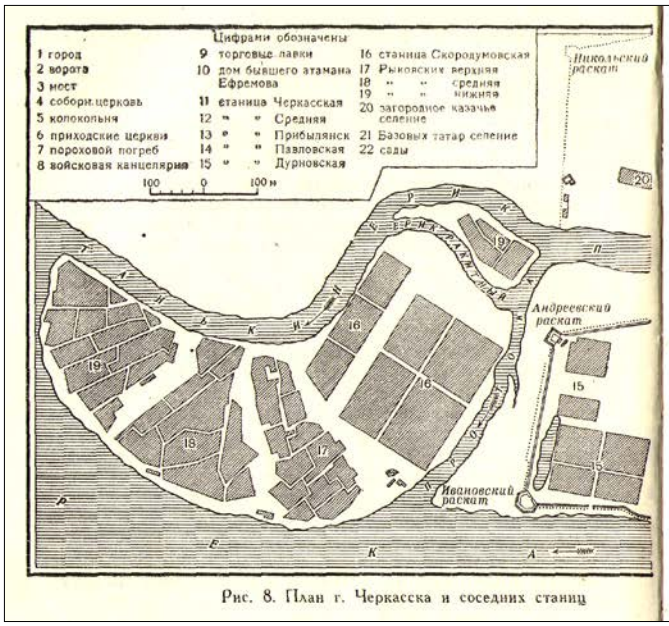
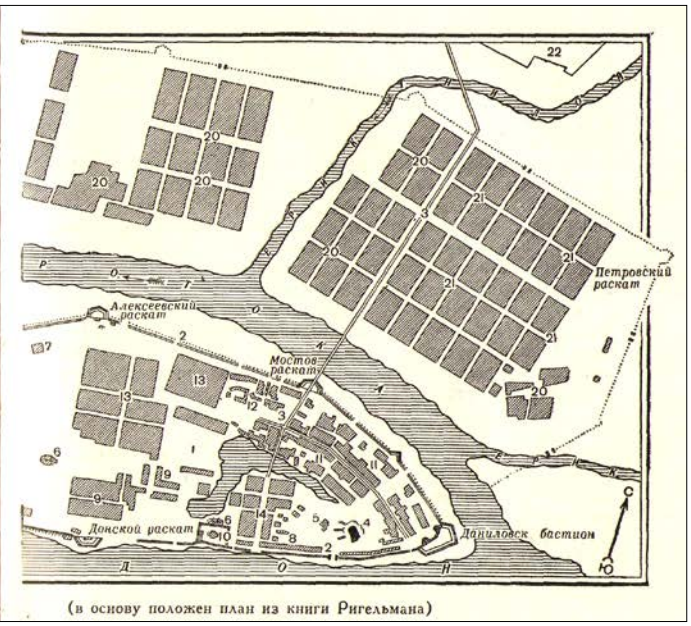


Рис. 8. План г. Черкасска и соседних станиц



(в основу положен план из книги Ригельмана)

После победы на р. Лисковатке к восставшим присоединилось 26 городков по Хопру, 16 — по Бузулуку, 12 — по Северскому Донцу.

На стороне повстанцев было несколько тысяч жителей населявшие земли, расположенные по течению притоков Дона, а также население городков Верхний Каргальский, Кобылянский, Есауловский, Верхний Курмоярский.

Чем ближе подходило повстанческое войско к Черкасску, тем быстрее увеличивалась его численность. 26 апреля передовые отряды восставших (общей численностью около 4 тыс. человек) подошли к Черкасску и остановились на р. Васильевой. Старшины Черкасска и из трех Рыковских станиц решили обороняться и «сели в осаду».

28 апреля обстановка резко изменилась в пользу Булавина. Все три рыковские станицы, а также Скородумовская и Тютеревская перешли на сторону восставших. Сдача станиц во многом определила судьбу Черкасска, так как их атаманы в челобитной к Булавину обещали помочь овладеть городом. Они писали: «...когда ты изволишь к Черкасскому приступать и ты пожалуй на наши станицы не наступай[15]. А хотя и пойдешь мимо нашей станицы и мы по тебе будем бить пыжами из мелкого ружья. А ты також де вели своему войску по нас бить пыжами. И буде ты скоро управишься, и ты скоро приступай к Черкасскому, потому что на наши станицы будут с Черкасского мозжерами (пушками. — *В. Л.)* палить...»

Войско Булавина приблизилось к Черкасску 28 апреля и было обстреляно из пушек. 1 мая находившиеся в Черкасске казаки Дурной и Прибылой станиц предприняли попытку не пустить повстанцев в крепость. Однако другие защитники ее не оказали сопротивления. Лишь атаман Лукьян Максимов, запершись у себя в хоромах, приказал своим немногочисленным защитникам выстрелить несколько раз из пушек по повстанцам, направлявшимся в Черкасск.

В самом Черкасске происходили волнения. Максимов послал для переговоров в Рыковский городок старшин Василия Большого и Василия Меньшого Поздеевых, но Булавин задержал их. Посланный им

[15] Под «станицей» в челобитной подразумевались выделенные для защиты Черкасска казаки, ставшие в оборону у своих городков.

представитель заявил на ведущем к Черкасску мосту, чтобы из городка были высланы войсковой атаман и старшины, иначе повстанцы ночью начнут штурм Черкасска. Сторонники Максимова отвергли предложение Булавина. Восставшим предстояло штурмовать Черкасск.

Для своего времени Черкасск был сильно укрепленной крепостью. Он был построен на острове, укрепленном бастионами, над которыми возвышались круглые башни. Свыше полусотни орудий готовы были в любую минуту обрушить ядра в сторону противника. Число защитников Черкасска было также велико. Гарнизон Черкасска в 4 тыс. человек был пополнен остатками разгромленного войска Максимова и казаками близлежащих городков.

И все же 1 мая 1708 г. Черкасск был захвачен повстанческими отрядами под предводительством Кондратия Булавина. Большое, а может быть и главное значение в быстром захвате Черкасска имела поддержка, оказанная повстанцам защитниками крепости.

* * *

Поразительные успехи повстанческой армии в сражении с старшинским войском Максимова и при штурме Черкасска сыграли решающую роль в преодолении колебаний среди рядового казачества Дона, усилили приток новых сил повстанцев к Булавину.

Победы, одержанные восставшими, имели огромное влияние на население Придонья и Слободской Украины.

Английский посол Ч. Витворт, внимательно следивший за восстанием на южных окраинах России, сообщил 5 мая 1708 г. в Англию, что «мятежные казаки и беглые люди на Украине крепнут».

По признанию Козловского воеводы Волконского, в результате разгрома войска Максимова «здешний народ по нынешним известиям зело стал быть под сомнением». Он доносил, что «возмутилось» большинство новонаселенных деревень, особенно находившихся «в близости» от хоперских городков. Жители Козлова и особенно Тамбова сочувствовали восставшим. В разных местах Придонья действовали отважные отряды повстанцев. Крупнейшим был отряд Хохлача. При стычке с царскими драгунами во время сражения на р. Битюге (16 апреля) в его рядах насчитывалось 500 человек, а через 10 дней во время сражения на р. Курлаке (27 апреля) отряд его возрос до 1500 человек

Симпатии к повстанцам крепли благодаря помощи, оказанной жителям Придонья в борьбе с угнетателями. Пришедший с Хопра в город Битюг отряд повстанцев в 200 человек арестовал воеводу, попа, подьячих, городских богатеев, а «бургомистра пытали, привязав к двум лошадям к хвостам волочили сквозь окно».

По мере продвижения Булавина к Черкасску усиливались волнения на землях Северского Донца. Восстание охватило Палатовский, Усердский, Валуйский уезды. Во главе восставших этого района был атаман Старо-Айдарского городка Семен Драный. Часть его казаков пополнила ряды повстанческой армии по пути к Черкасску. По словам киевского воеводы Д. Голицына, «все донские казаки с оными ворами в общем согласии». 8 апреля 1708 г. отряд Семена Драного численностью около 1000 человек без боя захватил Луганский городок. В первых числах мая (не позднее 8 числа) повстанческий отряд во главе с Драным, Т. Б. Белгородцем и «азовским чернецом» начал действовать в районе г. Ямполя. Жители Ямполя и находившихся близ него хуторов присоединились к восставшим. Почти одновременно повстанцы развернули свои действия в Валуйском и Усердском уездах.

Через освобожденные земли Слободской Украины к Булавину потянулись запорожцы и сотни украинцев с Левобережья. Они разоряли и грабили всякого рода богатеев и плывущие от Изюма по реке Донцу купеческие будары и лодки. Эти действия останавливали «судовой ход, следующий с товарами к городам Черкасску и Азову».

Восстания в Придонье и Слободской Украине встревожили казанского воеводу Хованского, командующего войсками брошенных против восставших башкир. Он послал к Пензе 627 человек «ратных конных людей» и 300 казаков. Это сделано было для того, «чтобы оные воры, по злому своему намерению, где пущего чего не учинили и ближе б Казани и в Казанский уезд не пришли... и чтоб захватили Пензу». Большое беспокойство проявлял и козловский воевода Волконский. Несмотря на то что силы повстанцев в районе Козлова ослабли в связи с уходом большинства их к Черкасску, население сел и деревень Тамбова и Козлова готово было поднять восстание.

Волконский умолял Меншикова прислать полки на помощь, так как у него в Козлове всего лишь драгун 2 роты и 800 человек пехоты. Со взятием Черкасска большое опасение за судьбы Азова и Троицкого начал выражать азовский губернатор Толстой. Он призывает изюмского полковника Шидловского идти к Азову и булавинцев «из Черкасского не выпустить». Шидловский в уклончивой форме отвечал, что он поторопится с походом Тевяшова, Волконского и Бахметева, «а мне с полтавским полковником итти к Азову без Московских войск опасно; и ежели идут с Москвы какие войска, извольте посылать, чтоб шли скоро».

Известие о взятии повстанцами Черкасска вызвало серьезное беспокойство Петра I. Получив от Толстого из Азова сообщение о разгроме старшинского войска и о продвижении булавинцев к Черкасску, Петр приказывает Меншикову срочно послать драгунский полк, «иттить степью прямо на Таганрог».

Узнав о завоевании восставшими верховной власти на Дону, Петр I собрался лично поехать на Дон и руководить подавлением восстания, но тяжелая болезнь, приковавшая его к постели, помешала осуществить это намерение.

6. Действия восставших и политика Булавина после завоевания им верховной власти на Дону

Период восстания со времени захвата Булавиным верховной власти на Дону и до гибели вождя восставших является самым сложным для исследования этого крупного антифеодального выступления народных масс России. По этому вопросу имеется ряд «белых пятен», которые невозможно заполнить из-за отсутствия необходимых документов. Отсюда приходится прибегать к научным предположениям.

Первоочередная задача Булавина после перехода защитников Черкасска на сторону повстанцев состояла в расправе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым и его старшиной. 2 мая Максимов и его сторонники были доставлены и посажены «за крепким караулом». Имущество войскового атамана и старшины было отобрано и «раздуванено (разделено. — *В. Л.)».*

С целью укрепить «общевойсковое согласие» Булавин не собирался занять место Максимова. Он намеревался избрать в войсковые атаманы И. Зерщикова или С. Ананьина (из Рыковского городка). В Черкасск повстанческое войско введено не было.

Казнь А. Максимова и старшин состоялась 6 мая 1708 г. Многие их сторонники были арестованы. После казни нужно было решить вопрос — кого избрать атаманом Войска Донского. Большую работу в пользу кандидатуры Булавина развернули И. Некрасов и С. Драный, которые, по донесениям азовского губернатора, «чинят непрестанно войсковые круги и выбирают войскового атамана». 9 мая 1708 г. после получения известия от Хохлача и Беспалого, «что де на Хопер и на Донец пришли полки и городки их разоряют», Булавин был избран войсковым атаманом. Его избрание произошло в обстановке нарастающей опасности.

После избрания атаманом Булавин отправил одну часть войска к Северскому Донцу, а другую на Хопер и Волгу. В Черкасске Булавин намеревался оставить наказным атаманом Илью Зерщикова (из домовитых), а с ним казаков по 3 человека с десятка.

Участникам похода (8 тыс. человек) были розданы забранные в черкасской церкви 20 тыс. руб. На каждого пришлось по 2 руб. 3 алтына 2 деньги. Таким образом, названное число повстанцев в войске Булавина вполне достоверно.

Для нас является загадкой, почему Булавин отпустил большую часть повстанческого войска и остался в Черкасске с небольшим отрядом. Ведь после ухода большей части войска на Северский Донец и Хопер в Черкасске оставалось вместе с жителями около двух тысяч человек. Это позволило противникам Булавина развернуть отчаянную борьбу за переговоры с Петром I о мире.

Домовитые казаки были лишь временными попутчиками в восстании и отнюдь не способствовали его успехам. До определенного времени они вынуждены были скрывать свое политическое лицо в связи с успехом повстанческой армии после разгрома карательного отряда Юрия Долгорукого. Однако классовая борьба низового казачества и голытьбы продолжалась до конца восстания.

Воспользовавшись некоторой изоляцией Булавина в Черкасске, домовитые организовали заговорщическую группу (И. Г. Зерщиков, Василий Большой Поздеев, Т. Соколов и др.). Им удалось

привлечь в заговор до 500 человек. Заговорщики широко использовали войсковой круг, чтобы вынудить Булавина пойти на примирение с Петром I.

Заговор просуществовал недолго и вскоре распался. В мае 1708 г. Булавин посылает «примирительные» письма Петру I.

Однако не надо думать, что Булавин отказался от борьбы с феодалами-помещиками, с царским правительством. Он нуждался в передышке для сбора более значительных отрядов. Лишь этими мотивами руководствовался Булавин, посылая свои «примирительные» письма.

Первое такое письмо было направлено царю вскоре после избрания Булавина войсковым атаманом. В нем он объясняет причины казни Лукьяна Максимова и старшин, заверяет о своем желании «великому государю», как и прежде, служить, но в случае похода царских полков на Дон Булавин грозился уйти всем войском и всеми донскими жителями «на иную реку».

Во втором письме, от 12 мая, Булавин уверял Петра I, что тот «напрасно» послал «полки на... Войско Донское войною». Булавин писал, что жители Дона и его притоков «вам будем противица всеми реками, и с нами вкупе и кубанские (казаки. — *В. Л.)».*

В конце мая 1708 г. по получении этих писем Петр I отдал распоряжение командующему карательной армией Долгорукому: «Как к тебе сей указ придет, и ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай, и войско збирай по первому указу к себе и стань с ним в удобном месте».

Примирительная тактика К. Булавина не шла в противоречие с действиями повстанцев. Она преследовала цель— задержать царские войска. 16 мая 1708 г. «увещательная грамота» В. Долгорукого не была обнародована Булавиным на кругу. Но зато были прочитаны его «прелестные письма», разосланные по казачьим городкам и станицам о сборе сил для оказания отпора царским войскам.

Действительно, в то время повстанческие отряды под Усердом, Полатовом и в других местах отгоняли коней и скот. Близ Сухарева городка стояли отряды атаманов Драного, Беспалого и Голого.

В Запорожской Сечи на «раде» казаки буйно выражали недовольство тем, что им не позволили соединиться с Булавиным, чтоб затем идти на великороссийские города. Там же было серьезное столкновение со старшиной «и положили де было на том, что итти под самарские городы».

Но на следующий день беднейшая часть казачества потребовала у запорожского атамана Гордеенко дать «полковника» и знамя для похода на помощь повстанцам Дона. Кошевому атаману удалось удержать все войско от похода, но «многие своявольцы, конные и пешие, с Сечи пошли».

До 1500 запорожских казаков переправились под Кодаком и до 2000 под Переволочной. Все они пошли на Дон по зову Булавина.

Последний, пользуясь передышкой, продолжал крепить связи с Запорожской Сечью. Он посылает туда своих представителей с «прелестными письмами», чтобы запорожцы «шли на Русь и били по городам полковников и рындарей (ростовщиков. — *В. Л.)* и всяких начальных людей».

После завоевания верховной власти на Дону Булавиным были восстановлены прежние казацкие вольности, т. е. Войско Донское сочло себя вправе решать внутренние и внешние дела. Этим объясняется посылка писем на Кубань. Так, например, было отправлено письмо сторонника Булавина Антона Дорофеева к атаману кубанских казаков Степану Пахомову, что «следует учинить совет» с Хасан-пашою и Сартланом-мурзой, если царь «утеснение будет чинить». Таким образом, в этом письме подготавливалась почва для переселения восставших в случае поражения их от карательной армии. Нам известно из источников, что такие переговоры о переселении вел в свое время Разин с персидским шахом и противником Москвы — украинским гетманом Дорошенко.

Опасаясь нападения со стороны кубанских кочевых орд, Булавин послал письма на Кубань в Ачюев к Хасану-паше и Сартлану-мурзе «о мирном состоянии», т. е. о дружеских взаимоотношениях.

Все перечисленные документы показывают, что Кондратий Булавин и его атаманы стремились добиться помощи кубанских и запорожских казаков, оградить себя от нападения кубанских кочевых орд и нащупывали почву для Переселения с Дона в случае неудачи. В борьбе с домовитыми казаками Булавин опирался на казацкие низы. По просьбе голытьбы он распорядился произвести снижение цен, закупать хлеб «дешевой ценой — бочку по полтине».

Домовитые казаки прятали хлеб, стремились измором выпроводить голытьбу из Черкасска. Тогда Булавин распорядился доставить из Донского городка будары с хлебом, а также конфисковать в городке Паншине «государев хлебный запас».

Постепенно Булавин усиливал борьбу с домовитыми казаками. Он окружил себя охраной. Домовитые составили заговор — схватить Булавина, когда он пойдет в баню. Однако охрана вовремя заметила заговорщиков, и они были схвачены.

Получив известие о выступлении Долгорукого на Дон, Булавин созвал круг и заявил, чтоб «никто проименование великого государя не воспоминал», тем более о том, «чтоб принесть... повинную» царю.

Положение Булавина стало еще более трудным с отгоном заговорщиками конских табунов в Азов, а вскоре пришло известие о выступлении Долгорукого и его карательной армии на Юг, насчитывающей 32 тыс. человек. В связи с отгоном домовитыми конских табунов Булавин созвал круг, на котором постановили в случае отказа азовского губернатора возвратить коней «итти на Азов войной».

Готовясь к походу на Азов, Булавин послал в городки Дона и его притоков письма с требованием присылать казаков для похода на Азов. Азовскому губернатору Булавин написал грозное письмо, предупреждая, что родственники виновных в угоне лошадей понесут наказание, если не будут возвращены табуны.

Сборы войска для похода на Азов были поспешны. Булавин решился идти на штурм хорошо укрепленного города[16], не ожидая прихода отрядов атаманов Драного и Некрасова. 5 июля под Азовом появился его разъезд, а затем и само войско.

Полк под командой Васильева, высланный навстречу восставшим, был сразу же разбит. Переправившись через реку Каланчу, повстанцы провели ночь на ее берегу, находясь в непосредственной близости от Азова.

На следующий день повстанческая пехота и конница бросились на штурм Азова и Троицкого. Сильный пушечный и ружейный огонь заставил повстанцев засесть у Делового двора, где были сложены лесные припасы (заготовки леса). Оттуда они намеревались проникнуть в Матросскую и Плотничью слободы, чтобы затем броситься на штурм Петровского укрепления.

Большую надежду восставшие возлагали на трудовое бедняцкое население Азова, и в первую очередь на работных людей.

После ожесточенной стрельбы с обеих сторон осажденные под командой полковника Васильева совершили вылазку. У Делового двора произошел бой, но оттеснить повстанцев не удалось. Тогда на помощь коннице Васильева были высланы 4 роты солдат. С новой силой разгорелся бой, продолжавшийся 3 часа. «И во время... бою,— как доносил азовский губернатор царю, — из города из Азова, с Олексеевского роскату и ис Петровского и ис Сергиева и от морского флота с кораблей... была непрестанно пушечная стрельба».

Ожесточенный обстрел заставил булавинцев немного отступить, но они все еще удерживались за лесными припасами.

Соотношение сил было с начала боя не в пользу повстанцев. Гарнизон Азова состоял из семи полков. Там было немало бежавших из Черкасска домовитых казаков. Штурм Азова был нелегкой задачей.

О численности повстанческого войска имеются разноречивые сведения. По словам азовского губернатора, в штурме Азова участвовало до 5 тыс. повстанцев. Эта цифра, на наш взгляд, им завышена, чтобы преувеличить свою военную заслугу. По допросам пленных булавинцев выясняется, что для похода на Азов удалось собрать отряд в тысячу человек. Правда, учитывались лишь пешие повстанцы. Конных было значительно меньше.

При таком соотношении сил булавинцы, как и при взятии Черкасска, большие надежды возлагали на восстание в городе. До сих пор остается невыясненным вопрос — почему не вспыхнуло восстание в Азове. Вероятно, Толстой, зная о готовящемся выступлении, принял меры, чтобы оно не произошло. Участь

[16] Азов был сильной крепостью, снабженной мощной по тем временам артиллерией. Всего в крепости насчитывалось 137 пушек, а также 45 медных и чугунных дробовиков. В Азове и Таганроге находилось 7 полков, т. е. более 5 тысяч солдат.

сражения под Азовом решила ожесточенная артиллерийская бомбардировка повстанческого войска. Со стороны повстанцев, штурмовавших крепость, было много убитых и раненых. Обстрел сковывал действия повстанцев. Под прикрытием артиллерии царским войскам удалось прорваться к лесным припасам и заставить повстанцев отступить к р. Каланче. Штурм Азова не удался.

* * *

Упорные и кровопролитные сражения между царскими войсками и отрядами повстанцев происходили в те дни на землях Слободской Украины и Северского Донца.

Повстанцы-булавинцы стремились задержать перешедшую в наступление карательную армию Долгорукова. До 29 мая царские войска, не встречая сопротивления, продвигались на Юг и вступили 6 июня в Валуйки. На соединение к Долгорукому в Валуйки двигался сумский полк, в составе которого насчитывалось до 1200 человек. В ночь на 8 июня полк расположился недалеко от Валуек в степи у р. Уразовой. За час до рассвета повстанческое войско атаманов Драного, Беспалого и Голого внезапно с двух сторон нагрянуло на полусонных солдат. Повстанцам удалось сломить сопротивление караула и ворваться в обоз с разных сторон. В бою был убит полковник, многие сотники, старшины и урядники. Немало рядовых солдат присоединилось к повстанцам. Был захвачен весь обоз полка, 4 пушки, сотни коней, ружья.

Сведения о большой численности повстанческого войска насторожили Долгорукова. Он медлил с продвижением к Черкасску.

16 июня 1708 г. в Боровское прибыл от атамана Драного войсковой есаул Ф. Задорный и подал «отписку» В. Долгорукому, что походное Донское войско распущено. Несомненно, это была военная хитрость, чтобы усыпить бдительность командования карательной армии.

Между тем имелись данные, что Драный во главе отряда повстанцев собирается в поход на Бахмут, Тор, Маяк. Отряд монаха Филимона направился на Ямполь. Близ Бахмута сосредоточились для участия в походе 4 тыс. запорожцев.

25 июня командующий карательной армией Долгорукий получил от царя письмо, в котором предлагалось «собирать силы для похода». Долгорукий прервал передышку и объявил о намерении идти в поход против отряда Драного. Между тем повстанцы подошли к Тору и осадили город. В их войске насчитывалось 6,5 тыс. человек (в том числе 1,5 тыс. запорожцев). Повстанцы пытались склонить жителей города на свою сторону, посылали прокламации, «прелестные письма».

Если бы не было поблизости царских полков, многие жители перешли бы на сторону осаждающих город. Повстанцы обстреляли Тор из пушек, несколько раз пытались взять его приступом. Подошедшим царским полкам повстанцы, отступив, решили дать бой в урочище Кривая Лука, вблизи р. Донца. Огражденные с тыла лесом повстанцы завели в него обоз, а в сторону поля, откуда ожидался приход царских полков, направили жерла орудий. 2 июня 1708 г. произошло столкновение с царскими отрядами. На разгром повстанцев были брошены все силы драгунских полков и 3 конных полка Шидловского. В бой была введена пехотная часть Преображенского гвардейского полка.

Во время сражения с царскими полками повстанцы применили излюбленный казачий прием. Они решили встретить полки на подступах к укрепленным позициям. С этой целью впереди обоза были выстроены конница, пехота и пушки. В случае отступления повстанцы легко могли уйти от преследования конницы в лес, близ которого и были возведены укрепления.

Сражение началось в 9 часов вечера. Драгунским полкам и коннице Шидловского удалось смять выдвинутые вперед отряды повстанцев. Остатки этих отрядов засели в овраги и в укрепления, устроенные в лесу. Сражение закончилось во втором часу ночи. Большинство повстанцев скрылось под покровом темноты. По донесениям Шидловского и других у восставших было убито полторы тысячи человек. В сражении погиб храбрый атаман Семен Драный.

Если судить по ожесточенности и продолжительности боя, царские полки должны были понести большой урон. Командиры царских полков явно преуменьшили свои потери, упоминая лишь о потерях офицеров.

Известие о поражении повстанцев под Тором, на Кривой Луке доставил в Черкасск сын Драного. Оно вызвало замешательство среди булавинцев. Домовитые стали готовить мятеж, чтобы схватить Булавина и его помощников, а затем выдать их царским властям и тем искупить свою причастность к восстанию. Когда же остатки разгромленного под Азовом войска пришли в Черкасск и стали упрекать Булавина, что он их «не выручил», заговорщики — домовитые казаки сочли момент самым подходящим для мятежа.

7 июля 1708 г. домовитые пришли с оружием к куреню (дому) Булавина, чтобы захватить атамана. Булавин с близкими товарищами упорно сопротивлялся и убил двух домовитых. Неравная борьба длилась долгое время. Курень обстреливали из пушек, но взять отважного атамана живым не удалось.

Существуют две версии о смерти К. Булавина.

По первой версии Булавин кончил жизнь самоубийством (показания старшин Зерщикова, Григорьева, запорожца Верховир и др.).

Наиболее вероятной является версия, высказанная историком Е. П. Подъяпольской, что он был убит во время перестрелки.

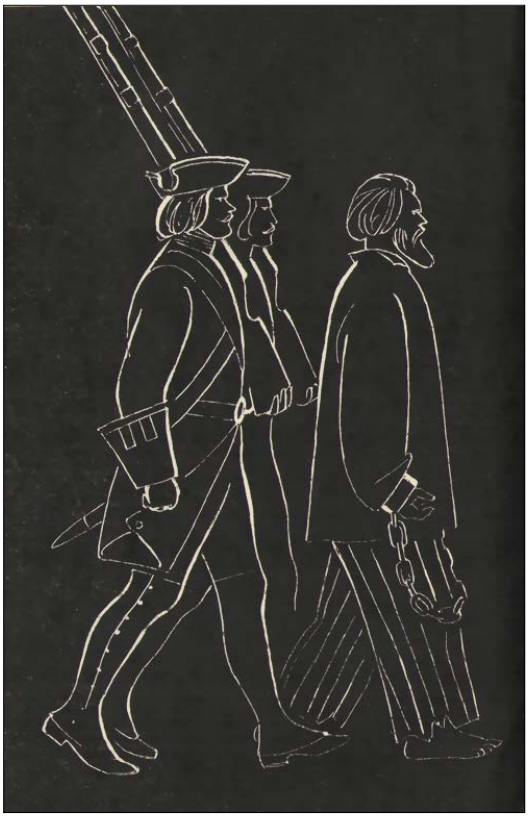
Внимательное изучение источников позволяет сделать предположение, что версия о самоубийстве К. Булавина исходила от домовитых казаков, которые, боясь разоблачения, постарались убить К. Булавина.

Труп К. Булавина был послан в Азов к губернатору. Около 50 повстанцев-булавинцев были схвачены и посажены «за караул».

Так трагически закончился кратковременный период правления и повстанцев-булавинцев в Черкасске.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

1. Действия восставших после гибели К. Булавина



Основные причины спада восстания, а затем и поражение его заключаются в следующем: повстанцы были плохо организованны и силы их разрозненны, тяжелые поражения были нанесены восстанию под Азовом и в урочище Кривая Лука, погиб талантливый вождь народных масс Кондратий Булавин и, наконец, превосходство сил противника также имело немаловажное значение.

Однако нельзя объяснять причины поражения отходом от восстания домовитых казаков. Следует принять во внимание, что наибольший размах на втором этапе восстание имело в верховьях Дона и в Придонье, где с самого начала было очень мало временных попутчиков и где булавинцам со стороны населения оказывалась посильная помощь. На втором этапе стали четче политическая программа восставших, ярче и глубже ненависть к классовому врагу. В рядах восставших остались самые стойкие защитники своих классовых интересов, смертельные враги бояр, «прибыльщиков», готовые сражаться, не щадя своей жизни. Дух решимости, а не отчаяния проявлялся в стойком сопротивлении превосходившим силам противника, в «живучести» повстанческих отрядов, в их массовом героизме.

Не погоня за отдельными недобитыми отрядами повстанцев, а серьезные сражения, попытки со стороны восставших объединить силы, стремление изгнать всех карателей и затем идти на Москву — такова сущность второго периода восстания.

При определении рубежа между первым и вторым периодами трудно остановиться на каком-либо одном дне.

Исходя при определении этапов восстания из соотношения классовых сил, нетрудно заметить, как по мере развертывания событий происходит размежевание низов и верхов в среде казачества.

Образуются как бы два общественных полюса. На одном из них мы видим трудовые низы, голытьбу, на другом — домовитых казаков во главе с зажиточной верхушкой донского казачества.

Известие о гибели Булавина быстро достигло Петербурга.

Петр I получил известие о смерти Булавина от нескольких лиц. Азовский губернатор И. А. Толстой еще 9 июля отправил царю донесение о поражении восставших под Азовом и о смерти Булавина. О том же сообщил царю 14 июля князь Долгорукий.

Известие о гибели Булавина и о поражении его войск было расценено как конец восстания и воспринято царским двором с превеликой радостью. Петр I приказал произвести салют из 87 пушек. Одновременно тройной ружейный салют был сделан пехотой и конницей.

Весть о гибели вождя восстания и об успехах правительственных войск вскоре стала известна за границей через находившихся в Москве послов.

24 июля Ближняя канцелярия постановила послать «грамоты» великого государя о победе над восставшими и гибели Булавина гетману Мазепе, киевскому воеводе Д. М. Голицыну, казанскому воеводе П. И. Хованскому, астраханскому воеводе П. М. Апраксину и в «протчие городы к воеводам, кому надлежит». 23 июля Петр I отдал распоряжение Долгорукому идти «назад». Царь поздравлял Долгорукого с тем, что «сие дело, слава богу, счастливо окончилось». Поздравление с «окончанием злаго воровства донских казаков» и «о погибельном конце злодеянного вора Булавина» содержались также в письмах Петра I Ф. М.Апраксину и И. А. Толстому от 23 и 26 июля.

Однако не все разделяли мнение царя и его приближенных. Так, главный палач донской голытьбы Долгорукий был вовсе не склонен считать, что поражением восставших под Азовом и гибелью Булавина восстание закончилось.

Он стоял за необходимость жестокой расправы с замешанными в «воровстве» и двинул полки в Черкасск для расправы.

Долгорукий был очень недоволен казавшимися ему мягкими мерами, предпринятыми домовитыми казаками в отношении «завотчиков» и «бунтовщиков». До него дошли слухи, что на кругу возник спор, отдавать или не отдавать захваченных сторонников Булавина. Долгорукий заявил

прибывшему на Миус к карательному войску Василию Поздееву с повинной от Войска Донского, что ему должны отдать не только «воров», но и «завотчиков».

Принесшие повинную должны были переловить еще находившихся на свободе «пущих завотчиков» — Беспалого, Голого, сына Семена Драного, Лоскута, Некрасова «и других таких же» и, кроме того, «верность свою показать» при расправе с казаками городков по Донцу, Айдару, Медведице, Хопру и Бузулуку.

Поздеев согласился с Долгоруким, но предупредил, что «это при полках зело надежно делать». Расправившиеся в Черкасске с Булавиным и его сторонниками домовитые прекрасно сознавали, что они не пользуются поддержкой большей части населения Дона и не смогут окончательно восстановить свою власть без помощи карательных войск.

Согласовав свои действия с азовским губернатором И. А. Толстым, Долгорукий 26 июля прибыл к р. Аксаю, недалеко от Черкасска, «и полки поставил все во фрунт». Навстречу вышли поредевшие ряды старшины со знаменами. Впереди выступал новоизбранный войсковой атаман Илья Зерщиков и есаулы. Не доезжая до полков, они слезли с лошадей, склонили знамена и легли на землю в знак повиновения. Зерщиков в унизительных тонах просил Долгорукого простить пришедших казаков и всячески отгораживался от причастности к восстанию. По словам Зерщикова, Булавин «многих из них побил и домы их разорил...» Долгорукий потребовал привести к нему всех пойманных и известных им «воров и бунтовщиков». На следующий день к Долгорукому были приведены сын и брат Булавина, сын Драного и другие.

На требование Долгорукого выдать остальных причастных К «воровству» было заявлено, что «все сплошь равны в воровстве».

Долгорукий в донесении от 30.июля запрашивал царя, как ему поступить в таком случае. Петр I ответил 15 августа, т. е. тогда, когда тот «по своему рассмотрению» уже казнил многих людей. Петр I разъяснял Долгорукому, что сейчас жестоко поступать не следует «... когда уже усмирились хотя за неволю, то надлежит инако, а имянно: завотчиков пущих казнить, а иных на каторгу, а протчих высылать в старыя места, а городки сжечь по прежнему указу». Это распоряжение Петр I предлагал выполнять в отношении тех жителей, городки которых было намечено уничтожить. В старых же городках царь велел казнить «пущих завотчиков». В письме Долгорукому содержалась существенная оговорка, которая сводила на нет все предложения о милости к побежденным. Петр I при исполнении его рекомендаций «полагался на ваше (т. е. Долгорукого. — *В. Л.)* по тамошнему состоянию дел рассуждение». А «рассуждение» у Долгорукого было одно — привести в окончательное повиновение замешанных в восстании донских казаков и как можно более жестоко их наказать при этом.

27 июля 1708 г. войско Долгорукого вступило в Черкасск. Помимо 26 переданных Долгорукому «пущих завотчиков», черкасская верхушка выдала 30 бывших с Булавиным запорожцев, которые были уведены в Азов.

На следующий день состоялся торжественный «привод к вере». Целовавшие крест обещали «не бунтовать и народ к бунту и к возмущению не прельщать.., воров и бунтовщиков не таить, не укрывать, и тех завотчиков и воров приводить безо всякого мотчанья...» Всего было приведено «к вере» 263 жителя Черкасска. С соседними станицами Черкасского острова всего было 1,5 тыс. человек присягнувших.

3 августа, незадолго до ухода Долгорукого из Черкасска, состоялась казнь над участвовавшими в восстании. Местом казни была избрана площадь, где обычно собирался казачий круг. Полуистлевший труп Булавина был разрублен, и части тела нанизаны на колья. Рядом с ним повесили 8 участников восстания, захваченных во время обороны Азова. В близлежащих к Черкасску станицах у станичных изб было повешено 40 человек.

Однако торжество палачей в Черкасске, казни участников восстания не означали, что пламя народного выступления погасло. Мощными народными выступлениями в начале второго периода восстания была охвачена большая часть территории Дона и особенно его верховьев. Поволжье, Придонье, Слободская Украина, примыкавшая к Дону территория других частей Украины — всюду трудовые низы поднимались на борьбу с угнетателями. Одновременно с широким восстанием на Юге России вспыхивали многие десятки мелких, локальных восстаний на остальной ее территории.

О сильном обострении классовой борьбы в то время можно судить по материалам Печатной конторы. Выборочные сведения из книг Печатной конторы за июль и август 1708 г. показывают, что число «правонарушений» не уменьшилось, а, наоборот, возросло. Если в июле отмечено 48 случаев правонарушений, то в августе их насчитывалось 63. По материалам Печатной конторы можно судить о таком проявлении классовой борьбы, как бегство. В книге за июль содержится 18 упоминаний о бегстве, в книге за август— 14. Число случаев активного проявления классовой борьбы (разгром поместий, убийство и оскорбление представителей господствующего класса, поджоги, захват господской земли, потрава хлебов, рубка леса и т. д.) значительно превышает пассивные проявления недовольства (бегство, отказ платить подати, челобитья и др.). В июле их насчитывалось 8, а в августе—18.

Все эти проявления классовой борьбы настораживали местную администрацию. О более крупных вспышках народного возмущения сообщали из уездов в центр — Москву. О крестьянских волнениях в начале лета 1708 г. доносили воеводы и помещики Смоленского, Дорогобужского и Вяземского уездов. В июне 1708 г. смоленские помещики в коллективной челобитной писали, что «из деревень их многие крестьяне с женами и детьми, животных оставя, дворы, бегут... и разоряют их помещичьи дворы и животных грабя, и людей бьют до смерти». Солдатам, посланным для усмирения, беглецы оказывали вооруженное сопротивление.

Волнения имели место и в далеком Кольском уезде — в Ребольских карельских волостях. Местные жители еще с весны 1708 г. упорно противились попыткам обложить рыбные промыслы новым, более обременительным оброком.

В то время когда правящая верхушка торжествовала победу над восстанием, ширилось крестьянское движение в приокских уездах, на Унже, в Муромском, Юрьевец-Польском уездах, в Ветлужской волости и даже близ Нижнего Новгорода. Объединяющей силой крестьянского движения здесь были крестьянские «воровские отряды» Гаврюши Старченка и Ефремова. Местные власти непрестанно писали в Москву о действиях этих отрядов и просили прислать воинские части. 15 июля верхнеломовский воевода Владыкин сообщал в Разряд о сборе «воров» в его уезде. О действиях отряда Старченка и Ефремова в Ветлужской волости сообщал приказчик вотчины Ф. А. Лопухина, села Никольского (Ветлужская волость). Старченка и Ефремова сопровождал отряд в 30 человек «с ружьем, и с пищальми, и с пистолеты, и с копьи, и с луками, и с шпагами». Для разгрома сил мятежных крестьян Лопухин и Шереметев снарядили отряд численностью 400 человек. Однако выполнить своей задачи карателям не удалось. Отряд Старченка и Ефремова не только сумел уйти от разгрома, но и разорил вотчину Лопухина.

21 июля крестьянские «воровские отряды» заняли город Унжу. Унженский воевода Н. Чагин доносил, что они «приказную избу и воевоцкой двор разбили, и многие дела в приказной избе подрали и денежной казны взяли, из тюрьмы колодников роспустили...». Позднее против них были высланы вооруженные люди князя Ф. Ю. Ромодановского и Ф. А. Лопухина. Разыгралось целое сражение. «И они де, разбойники, наступили на них (боярских людей. — *В. Л.)* боем и стали из ружья стрелять, и копьями колоть...» Последние вынуждены были с позором отступить, потеряв 4 человека убитыми.

Южнее, в районе Прикамья, еще не затихло восстание башкир и других народностей Поволжья. 5 июля 1708 г. воевода Хованский писал о «волнении» среди башкир, татар, чувашей, марийцев, вотяков. О «шатости» среди народностей Поволжья сообщал также А. М. Меншикову казанский комендант Н. Кудрявцев.

Особенно большой остроты и размаха к началу второго периода восстания достигла классовая борьба на Нижней Волге. Там успешно действовал посланный Булавиным еще в мае двухтысячный отряд конницы во главе с рядовым казаком Голубинской станицы Игнатом Некрасовым и составленный преимущественно из «гулящих людей» отряд в 1,5 тыс. человек во главе с Иваном Павловым. Еще до появления на Волге этих отрядов казаки Сиротинской и других станиц совместно с беглыми стрельцами и солдатами захватили город Дмитриевский (Камышин). Пришедшие на Волгу отряды Некрасова и Павлова взяли с боем город Царицын.

Продолжались волнения и в Придонье. По подсчетам Козловского воеводы Г. И. Волконского, приведенным в его донесении от 14 июля А, Д. Меншикову, лишь в тамбовских деревнях и селах

насчитывалось более 700 крестьянских дворов, хозяева которых «были во отложении к ...воровству...». О том, что в то время в Придонье «булавинцы множатца и хотят итти к Острогожску», сообщал строитель Донецкого монастыря. 21 июня полковник Гулиц писал из Козлова в Разряд о приходе «воров и бунтовщиков казаков и калмыков» к Тамбову. О действиях в последних числах июня «воровских» казаков и калмыков близ городов Ольшанска, Острогожска и по р. Битюгу сообщал 20 июля в Разряд полковник И. И. Тевяшов.

Известно, что численность и влияние природных казаков на верховья Дона и его притоки никогда не были значительными, а во время разгара восстания тем более. Достаточно сказать, что на «крестном целовании», организованном Долгоруким, присягнули на верность царю лишь около 30 жителей городов по Хопру, Медведице и Бузулуку из общего числа 1835 человек, давших присягу.

Северо-западные и западные границы района, охваченного выступлениями бедноты к началу второго, завершающего, периода восстания включали в себя часть земель Слободской Украины и соприкасались с украинскими землями и Запорожьем, где также было «неспокойно».

Особенно много забот правительственным войскам в это время доставляли волнения на территории Слободской Украины и примыкавших к ней донских земель.

Здесь в мае — июне сосредоточились многотысячные силы повстанцев во главе с С. Драным, Н. Голым, С. Беспалым, которые еще в начале мая овладели Ямполем и продвинулись к городкам Тор, Маяк и Полатов. Они оказывали упорное сопротивление войскам Долгорукого, брошенным в этот район, и 8 июня на р. Уразовой разгромили сумский полк А. Кондратьева. Лишь после поражения отрядов С. Драного (их численность достигала 6,5 тыс. человек) в урочище Кривая Лука и сожжения 2 июля г. Бахмута в этом районе наблюдается спад классовой борьбы.

Однако, несмотря на разгром повстанцев, основной костяк их войска сохранился.

Отойдя от Тора, повстанцы численностью около 4 тыс. человек во главе с Голым и Беспалым остановились у Сухаревской станицы.

Известие о крупных военных поражениях повстанцев и о торжестве домовитых в Черкасске не сломило духа отрядов Некрасова, Павлова и даже изрядно потрепанного войска Драного, которое после его смерти возглавили Голый и Беспалый.

2. Попытка атаманов Некрасова, Павлова и Голого объединить силы восставших

Известие о гибели Булавина застало отряд Некрасова (400 человек) по дороге из Царицына к городку Голубые — родине Некрасова и многих его казаков. В Царицыне остался его товарищ И. Павлов с трехтысячным отрядом. По получении этого известия Некрасов спешно вернулся в Царицын и созвал круг. На нем он обратился с призывом идти всем войском на Дон, захватив с собой пушки. Пламенные слова Некрасова не нашли должного отклика среди голытьбы. Предводитель голытьбы атаман Павлов «говорил, чтоб артиллерии не давать, а с Царицына со всем итти плавню по Волге на море. И в том великой у них был спор и подрались и, будто, голудьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили».

Некрасов со своим отрядом ушел к Дону без голытьбы Павлова.

И «призывы» Некрасова, и столкновения некрасовцев и павловцев говорят о том, что между восставшими имелись противоречия. Особенно остро они проявлялись среди жителей «тихого Дона». Главное антагонистическое противоречие существовало между домовитыми, обычно зажиточными казаками — представителями нарождавшейся верхушки донских помещиков и верховыми, в большинстве голутвенными казаками, а также «пришлыми людьми». Против домовитых объединились в свое время и голутвенные казаки вроде отряда Некрасова, и голытьба, примером здесь может служить отряд Павлова.

Разногласия и споры между некрасовцами и павловцами порождались главным образом приверженностью первых исключительно интересам донской земли, нежеланием покидать насиженные места в тяжелое время и идти по пути Разина по Волге. Наступление правительственных войск на Царицын заставило павловцев преодолеть разногласия с некрасовцами и после падения Царицына пойти на соединение с ними.

Не успел Некрасов покинуть Царицын, как к этой крепости, помимо полка Бернера, 20 июля подошел из Астрахани полк Левистона численностью в 1000 человек. Сломив сопротивление восставших, правительственные войска овладели Царицыном. Большая часть голытьбы смогла уйти из города на лодках. В донесении Петру I от 3 августа Апраксин писал: «...город Царицын взяли и тех злодеев воровских казаков побили многое число и живых побрали, и завотчиков пущих велел привесть к себе в Астрахань. А других всех казаков и других, кои с ними были, и камышенские, которые в помощь к ним под Царицын приходили, велел на Царицыне и по Донской дороге вешать, достойную месть... — восклицает Апраксин, — восприимут...» «Милостивы» каратели были лишь к престарелым женщинам и детям, так как «те и сами исчезнут». Так ответили каратели на великодушие повстанцев, оставивших в живых, за исключением нескольких человек, весь гарнизон Царицына. Петр I благодарил Апраксина «за скорое отправление ...полков» и «за протчия... в том числе показанныя труды».

Узнав о падении Царицына и о движении с севера полков П. И. Хованского, находившиеся в Дмитриевске повстанцы и помогавшие им жители ушли из города. Враждебно относившиеся к восстанию зажиточные жители города и освобожденный из заключения воевода Данила Титов стали чинить расправу над теми из камышинцев, кто был заподозрен в участии в восстании. Было взято под стражу 7 человек, а затем их отправили Хованскому, вошедшему с войсками в город 8 августа. Кроме того, саратовский воевода А. Шахматов, прибывший в город с отрядом, «сыскал» 30 участников восстания.

Таким образом, волжские земли перестают быть районом активных действий восставших.

Однако, отступая, повстанцам удалось сохранить свои основные силы. Атаман Павлов вместе с голытьбой бежал из Царицына в Паншин. Там и состоялась его встреча с Некрасовым.

Вскоре в Голубинской станице произошло объединение находившегося там отряда Некрасова (400 человек) с пришедшим из Паншина отрядом Павлова, численность которого, по сведениям Апраксина, по-прежнему составляла 3 тыс. человек.

Некрасов посылает от своего имени письма по донским, донецким, хоперским, айдарским, медведицким, бузулукским городкам с призывом к восстанию. К сожалению, не сохранилось писем Некрасова, по которым можно судить о плане выработанных им действий. Все же некоторый ответ на этот вопрос дают «доношения» карателей и материалы «распросных речей», записанных со слов захваченных в плен повстанцев. Некрасов стремился напомнить населению о былых успехах повстанцев под руководством Булавина. Он прекрасно понимал, что достичь своей задачи, а именно добиться воли, восставшие могут лишь после изгнания с Дона карательных войск. Некрасов призывал объединить все силы, чтобы «стоять им за реку». С этим собранным войском Некрасов готовился «дать бой» и «противитца» Долгорукому.

Свои намерения Некрасов собирался осуществить с согласия всего войска. Очевидно, с этой целью он призвал по 2 выборных от каждого городка, с которыми и решил поделиться своими планами. Планы Некрасова были одобрены. После переговоров здесь же была составлена «отписка»[17], адресуемая ко всем атаманам донских городков. Это обращение («отписка») служила ответом на присланную на Дон войсковую грамоту. Как можно судить по его содержанию, в этой грамоте говорилось об убийстве Булавина «всею рекой» и о распоряжении Некрасову поймать и привезти в Черкасск Павлова.

В «отписке» умело использовались названные положения войсковой грамоты, чтобы вызвать чувство глубокого возмущения над расправой домовитых с Булавиным. Кроме того, атаманы «собранного (в Паншине) войска» упрекали И. Г. Зерщикова и его сторонников в том, что они «посажали многих атаманов стариков из верховых городков при нем (Булавине. — *В. Л.)* бывших». Некрасов обвинял Зерщикова в незаконной расправе с Булавиным и находившейся при нем старшиной — «не с войскового договору». Некрасов требовал от домовитых ответа, «за какую вину вы убили Булавина». Он грозил сурово расправиться с Зерщиковым и его сторонниками: «И есть ли вы не изволите отповеди учинить о Булавине, за какую ево вину убили, и тех (сторонников его. — *В. Л.)* бы вам освободить и отпустить, и они не отпущены будут; и буди по воле вашей,— И мы всеми реками и собранным войском будем

Немедленно совокупився к вам в Черкаской ради оговорки и подлинного розыску...»

Об активной поддержке атамана Некрасова населением можно судить по массовому поступлению в его войско казаков. Призыв Некрасова, «чтоб из всех казачьих городков казаки шли к нему в Паншин изо всякого городка по половине», быстро претворялся в жизнь. Даже из городков, где господствовал Долгорукий, шли люди к Некрасову. Долгорукий вынужден был признать огромную популярность некрасовских призывов и горячее желание многих казаков продолжать начатое Булавиным дело. Он писал

[17] В сборнике документов «Булавинское восстание» письмо к Зерщикову датировано июлем.

царю: «И не токмо, государь, что по Дону и по Донцу и по другим рекам, и в Черкасском трети нет, на ково б было надеетца, а то все сплошь воры и готовы к бунту всегда, что час от часу, то бедство от воров прибавляетца».

Классовый характер призывов Некрасова проявился в народных песнях, сложенных казаками-некрасовцами. Так, в одной из них говорилось:

А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,

Ой да, привыкать вам нападать на царевы полчища,—

Да мы, царю же не сдадим вольной вольницы,

Ой да, за Булавина отдадим свои буйны головы.

Да не убить-то царю да славный род людской,

Ой да, постоим же за правду грудью-кровью мы.

Безусловно, что Некрасов на этом этапе был главной фигурой в руководстве восстанием. За ним следовали другие, оставшиеся в живых соратники Булавина. Как только известие о намерениях Некрасова было получено Голым и Павловым, оба атамана поспешили к нему на соединение. Призывы Некрасова в их представлении соответствовали лозунгу — не выпускать Долгорукого из Черкасска и истребить его там объединенными усилиями. Одно время, если судить по словам допрошенного в Воронеже булавинца С. Чикова, расправиться с Долгоруким и восстановить власть повстанцев в Черкасске намеревались даже одни И. Беспалый и И. Лоскут. «И хотели де з двух рек, з Донца и с Айдару, збиратца все в Старом Айдаре, и собравшись августа 1 числа итить к Черкасску, и чтоб, не допустя до Черкаского князь Василья Володимеровича с полками. А буде встретить до Черкаского не успеют, чтоб итить и в Черкаской, и ево, князь Василья Володимеровича, и ратных людей побить, и выбрать вместо Булавина в атаманы Игнашку Некрасова, чтоб им жить по своей воле». Последние слова ярко свидетельствуют об общепризнанном авторитете Некрасова, о горячем желании воплотить в жизнь его призывы.

Можно ли было восстановить положение, которое сложилось на Дону в период утверждения власти Булавина в Черкасске, т. е. во время наибольшего размаха восстания ? Реальные возможности, без сомнения, существовали. Все зависело от того, сумеют ли повстанцы в самое быстрое время собрать достаточные силы. С другой стороны, большое значение имело скорое выступление карательных войск во главе с князем Долгоруким. Последний, например, хорошо осознавал назревавшую опасность. Накануне выступления из Черкасска для похода на Некрасова (5 августа) Долгорукий в письме полковнику Дедюту писал: «А на Дону Некрасов збирает великие войска воровские. Боже сохрани от него, ежели зберетца не плоше Булавина».

Повстанческие силы собирались сравнительно быстро. Каратели получали устрашающие сведения о количестве собранного под руководством Некрасова войска. Захваченные солдатами полковника И. И. Тевяшева пять «воров — казаков» на допросе заявили, что «при... Некрасове... в собрании войска с 10000...». До Долгорукого доходили слухи, что у Некрасова в войске больше 15 тыс. человек. Говорить о большом числе собранных Некрасовым отрядов было в интересах повстанцев, что, очевидно, хорошо понимал Долгорукий. Приводя в донесении Петру I цифру о 15 тыс. повстанцев, Долгорукий делал оговорку: «...и я тому не верю». На деле число собранных Некрасовым вооруженных людей приближалось к 10 тыс. В этом убедились каратели во время последовавших вскоре жарких и кровопролитных схваток под Паншиным и Есауловым городками, о которых будет подробно изложено ниже.

Некрасов назначил в своих письмах местом сбора, помимо Паншина, расположенный южнее Есаулов городок. Подобную непоследовательность можно объяснить тем, что с Волги двигались отряды карателей, а также тем, что Есаулов городок был хорошо укреплен и с трех сторон окружен водой. Но так или иначе, дробление сил восставших сыграло вскоре для них роковую роль.

Еще до решающих столкновений с карательными частями повстанческие силы образовали четыре разрозненные группы.

По Донцу на соединение с Некрасовым шел Никита Голый, войско которого по дороге быстро увеличивалось. Если судить по «доношениям» Долгорукого, к 30 июля в районе Старого Айдара у Голого было около тысячи человек «голудьбы», а к концу августа — 3 тыс. или больше. Войско Голого двигалось в конном строю и «плавною», на лодках. Конный же отряд Голого находился у городка Облива, расположенного близ речушки Гнилая, притока Донца.

Часть войска Голого во главе с Беспалым перебралась через Дон на Ногайскую сторону и соединилась с Некрасовым в Темрюке. Очевидно, с Беспалым к Некрасову пришел и Лоскут. Его имя наряду с Беспалым упоминается в «доношении» Долгорукого от 10 сентября при перечислении бывших с Некрасовым атаманов.

Сам Некрасов с двухтысячным отрядом в это время двигался из своей станицы в Есауловский городок «вдоль берега и на лодках». К моменту продвижения Долгорукого под Есаулов он дошел до городка Нижний Чир (у впадения в Дон р. Чир).

Узнав о приближении Хованского к Есаулов городку, из Паншина по Дону двинулось четырехтысячное повстанческое войско, которое на 2000 телегах сопровождали семьи участников похода.

В самом Есауловом городке к концу августа находилось до 3 тыс. человек, съехавшихся сюда с 16 станиц. «...Также и из иных городков были по несколько человек», — указано в послужном списке Долгорукого о «Донском походе».

Наступление на отряды повстанцев велось с трех сторон. С Волги к Панщину спешил Хованский с калмыками, хан которых — Аюка был подкуплен царскими подарками. Из Черкасска двигалась многочисленная карательная армия.

С севера по распоряжению Долгорукого перешли в наступление находившиеся под его командой стоявшие в Придонье регулярные полки. Распоряжение об этом было сделано Долгоруким еще в июле по получении первых известий об усиливавшемся «воровстве» Голого и Некрасова. Тогда карательная армия находилась в Черкасске. Кроме того, Долгорукий обратился с особым письмом «К калмыцким мурзам и владельцам, которые посланы с калмыки». В письме предлагалось, «соединяясь», идти «в назначенные места, куда кому повелено, для промыслу и поиску на тех воров немедленно».

Активно действовали полки под командой Тевяшова и Рыкмана. Эти части выполняли важную задачу — охраняли от покушений восставших строящийся воронежский флот. Еще 8 июля воронежский воевода С. Колычев, получив распоряжение Долгорукого о необходимости в высылке против Голого карателей, послал к городку Ревенок полк Тевяшова, придав ему в подкрепление находившуюся в Воронеже гренадерскую роту и дополнительно к ней 200 солдат. Кроме того, С. Колычев по распоряжению Долгорукого 17 июля отправил под командой Рыкмана Воронежский полк (1000 человек), гренадерскую роту в 100 человек и 200 драгун. Дойдя до г. Сосны, Тевяшов и Рыкман послали к Ревенку 300 драгун и солдат «и с ним кумпанейцов 200 человек».

Неподалеку от городка, у урочища Сальцово Еруги произошло столкновение между карателями и вышедшими против них повстанцами. В сражении, происходившем в степи, участвовало около 500 повстанцев во главе с казаком Белолуцкого городка Ефимом Ларионовым. Большая часть ларионовского отряда (350 человек) состояла из бурлаков.

Исход сражения был в пользу царских войск. Каратели преследовали отступившие остатки отряда Ларионова на протяжении 15 верст, безжалостно рубя бегущих. Погибли, по сведениям бывших в бою карателей, 420 человек, среди них атаман Ефим Ларионов. «Расспросные речи» взятого в плен казака Карпова свидетельствуют о существовавшей связи Голого с Некрасовым и атаманом станицы И. Колычевым, которые писали к Голому, что у Некрасова трехтысячное войско, а Колычев «может собрать войска тысяч пять или шесть».

Главные силы карателей двинулись на разгром некрасовцев из Черкасска. Судя по документам тех лет, в походе против Некрасова участвовало немногим более 10 тыс. человек, из них половина — регулярные драгунские и солдатские полки. В Черкасск же были отправлены полковник Гулиц с солдатским полком, а в Азов — полковник Кропотов с драгунским полком.

Численность вышедших 8 августа из Черкасска драгунских полков составляла больше 2,5 тыс. человек с отборной конницей. В походе участвовало также свыше 4 тыс. конных казаков Шидловского и свыше 1000 казаков, набранных Зерщиковым, которые двигались к Есаулову городку на лодках. Им Долгорукий не особенно доверял.

Поход царского войска вверх по Дону вызвал большую тревогу в городах. Упорно ходили слухи, что Долгорукий, как и в Черкасске, будет производить массовые казни над причастными к восстанию казаками. Сотни семей снимались с насиженных мест и шли под защиту войска Некрасова. Чтобы предотвратить уход населения в лагерь восставших, Долгорукий выслал вперед казаков, присягнувших на верность царю, уговорить жителей остаться на местах. Казни в занимаемых по мере продвижения войска городках были

отложены. «А ежели б я поступил жестоко к первым городкам, — объяснял подобное «необычное» поведение Долгорукий в «доношении» Петру I от 13 августа, — все б к вору шли в соединение».

Отрядам Долгорукого удалось расчленить силы восставших. Царские войска сумели преградить путь отрядам Голого и Белгородца, спешивших на соединение с силами Некрасова. Кроме того, узнав, что в Есауловом городке засели повстанцы, по существу отрезанные от остальных сил, Долгорукий 20 августа, оставив обоз и пехоту под станицей Кошкиной, с одной конницей «с великим поспешением» пошел к Есауловскому городку. Туда же «плавною» двигались вновь присягнувшие на верность царю казаки. Пришедшие к Есауловскому городку каратели значительно превосходили по своей численности засевших там повстанцев.

Число оборонявшихся составляло лишь 3 тыс., т. е. в два с лишним раза меньше, чем осаждающих. Но решимость засевших в Есауловском городке повстанцев подкреплялась известиями о приближении к ним на помощь двухтысячного отряда Некрасова и четырехтысячного отряда из Паншина.

Первый штурм городка был для Долгорукого неудачен.

Однако, видя безнадежность своего положения, отчаявшись получить помощь от Некрасова, восставшие 23 августа принесли Долгорукому повинную. При сдаче городка каратели обещали казнить лишь «самых пущих воров и завотчиков». Долгорукий вероломно нарушил свое обещание, взяв «в прибавок к тем завотчикам» каждого десятого из сдавшихся. Всего было схвачено более 200 человек. С ними была произведена кровавая расправа.

Некрасов со своим двухтысячным отрядом в то время находился на подступах к Есауловскому городку. Видя, что к городку не прорваться, и понимая, что за конницей карателей следует пехота (некоторые полки и обоз действительно прибыли под городок 24 августа), атаман восставших вынужден был осуществить намерение, которое им и ранее не скрывалось, — уйти на Кубань.

Число ушедших с Некрасовым на Кубань, по словам Долгорукого, исчислялось в две тысячи человек (не считая жен и детей). Никто из главных руководителей восстания не был схвачен. Некрасов, Павлов, Беспалый, Лоскут «со всеми завотчики» спаслись от расправы Долгорукого, уйдя на Кубань. Н. Голый и Т. Белогородец продолжали собирать повстанческие силы на Донце.

Долгорукий не удовлетворился разгромом главных сил восставших и принял срочные меры для борьбы с отрядами Голого, Белогородца, а также для поимки Некрасова и других ушедших с ним руководителей восстания.

Долгорукий в письмах к подчиненному ему П. Хованскому и к Чеметю-мурзе предлагал срочно послать за Некрасовым погоню. После поимки Некрасова предполагалось привести его «в государевы полки».

Помимо прямых мер, предпринятых для поимки руководителей восставших, Долгорукий предлагал азовскому губернатору Толстому написать на Кубань и Сартлану-мурзе о пленении некрасовцев и о присылке их «в государевые полки», что предусматривалось в союзном договоре с Турцией. Нам неизвестно, как выполнялись распоряжения Долгорукого. Ясно лишь одно — видные руководители повстанцев спаслись от расправы.

Почти одновременно со сражением под Есауловым городком недалеко у Паншина четырехтысячный повстанческий отряд был настигнут карательным войском Хованского, двигавшимся на Дон со стороны Волги. Всего в это войско, если судить по «сводке боевых реляций» Долгорукого за 1722 г., входило около 5 тыс. солдат. Они шли на больших лодках — бударах под командой генерал-майора Гулица и стольника Дмитриева-Мамонова. Сам Хованский с немногочисленным конным отрядом (известно, что в него входили драгунский батальон, «несколько дворянских и мурзинских рот») прибыл в Дмитриевск по берегу. Хованский не раз жаловался Петру I на то, что у него, кроме калмык, нет конного войска, и просил прислать по крайней мере два драгунских полка. Калмыцких конных отрядов с ним было более чем достаточно (1,5 тыс. всадников). Кроме того, с карателями был небольшой отряд саратовского воеводы А. Шахматова.

Находясь в Дмитриевске, Хованский собирал силы, чтобы обрушить их на повстанцев, сосредоточившихся под Паншином. Когда же пришло известие, что отряды восставших ушли из Паншина и, «укрепясь обозом, пошли вниз по Дону берегом», Хованский послал в погоню за ними всю находившуюся в его распоряжении конницу, калмыцкие конные отряды, а также солдатский полк под командой Дмитриева-Мамонова.

Из «отписки» Хованского неясно, какие именно части участвовали 23 августа в сражении с повстанцами на берегу Дона в 5 верстах от Паншина. Он упоминает лишь, что в этот день Дмитриев-Мамонов «с ратными людьми их (повстанцев. — *В: Л.)* воровской обоз разбил и их, воров, всех до конца побил». Без сомнения, и Хованский, и мурзы преувеличивали роль своих «ратных людей» в этом сражении. Главный удар по повстанцам был нанесен калмыцкими отрядами. Сражение, по всей видимости, было упорным, если превосходившее по численности отряды восставших калмыцкое войско и, очевидно, немногочисленная конница Хованского не могли сразу разгромить повстанцев, у которых к тому же была невыгодная позиция: бой происходил на удобной для действия конницы открытом месте, а путь к отходу обороняющихся преграждал Дон.

Мужественно и стойко дрались четыре тысячи повстанцев (не считая жен и детей, которые находились здесь же в обозе) с превосходящими силами карателей. «И никогда я не помню,— писал позднее Хованский,— чтоб так казаки крепко стояли, а больше того разумею, что крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты...»

Карателям досталось около 1,5 тыс. телег с казацким имуществом. Были захвачены в плен женщины и дети. «А тех их жен и пожитки их ратные люди и калмыки побрали по себе немалое число», — доносил Хованский в отписке в Разряд от 19 сентября 1708 г. В качестве военных трофеев были взяты 6 знамен, 2 значка, 8 пушек.

Считая, что главные силы повстанцев под Паншином разгромлены, Хованский приступил к выполнению распоряжения Петра I о приведении «к крестному целованию» казаков в верховьях Дона, по Медведице, Хопру и Бузу луку, а также об уничтожении населенных голытьбой городков, население которых было наиболее причастно к восстанию. Всего каратели сожгли 8 городков. К «крестному целованию» было приведено: вверх по Дону население 12 городков, вверх по Медведице — 3, вверх по Хопру — 9, вверх по Бузу луку— 14. Всего — население 38 городков.

3. Завершающий этап восстания

После ухода с Дона Некрасова, Беспалого, Павлова, Лоскута и других знамя восстания перешло в руки Никиты Голого, который был стойким защитником интересов голытьбы, последовательным борцом против всякого рода угнетателей, опытным военачальником повстанческих отрядов.

История, к сожалению, не сохранила биографических сведений об этом выдающемся руководителе народных масс на завершающем этапе восстания. О программе Голого можно судить лишь по его «прелестному письму» в русские города, села и деревни, составленному еще при жизни Булавина и Драного (не позднее 26 мая 1708 г.).

В рядах повстанческих отрядов Голого никаких попутчиков тогда уже не было. Действуя в районе Северского Донца и став там после смерти Драного главным руководителем, он опирался преимущественно на голытьбу.

Обращаясь в «прелестном письме» ко «всей черни» русских городов и деревень, Голый в конце мая 1708 г. писал: «А нам до черни дела нет, нам дело до бояр, которые неправду делают, а ты голотьба вся идите со всех городов конные и пешие, нагие и босые...» Голый обращался с угрозой к классовым врагам черни: «А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите черни и по дорогам не хватайте и пропускайте вы их к нам в донецкие городы». Таким образом, для «прелестного письма» Голого характерна классовая направленность: «начальные люди» противопоставляются голытьбе.

То, что войско Голого состояло сплошь из бедноты, определило и программу восстания на данном этапе. О планах можно судить лишь по нескольким фразам, содержащимся в документах правительственных учреждений. Так, в записи «расспросных речей» дворового человека Кузьмина и крестьянина Иванова в острогожской военной походной канцелярии говорилось: «...многие казаки и бурлаки говорят, что им собрався итить на самого князя Долгорукого, или как он придет в Донецкой (место сбора повстанцев. — *В. Л.)* умереть им заодно, а Голого не выдать».

Таким образом, Голый предполагал превратить городок Донецкий в центр сосредоточения повстанческих сил. Затем повстанцы, «развезя» своих жен и детей по городкам, намеревались выступить многочисленным войском против Долгорукого. О дальнейших планах Голого можно судить по показаниям двух братьев казаков Богомоловых, находившихся в городке Донецком во время прихода туда Голого и допрошенных позднее в Острогожске. По их словам, повстанцы, «собрався, хотят итить под украинные

городы, где стоит с полками господин князь Долгорукой. И как его князя Долгорукова с полками разобьют, то де чернь к ним собрався пристанет от многих несносных податей и от тягости и от прибыльщиков к ним ворам. И поймав городы пойдут до Москвы побить бояр и немцов и прибыльщиков».

Слухи о том, что Долгорукий «полки распустил и стоит в малолюдстве», придавали повстанцам уверенность в осуществлении своих планов.

Однако осуществление этих планов наталкивалось на большие трудности. Силы восставших были подорваны в борьбе с карателями. Отряды Голого должны были постоянно уходить от многотысячной армии Долгорукого.

Шесть дней Голый пробыл вблизи г. Обливы. Это было время, когда повстанцы терпели жестокое поражение в Есауловом городке и под Паншином.

Атаманом над находившимися там повстанцами был И. Рысколов, «а он, Голой, полковником». Перед тем как идти к Есаулову городку, Голый с 20 конными казаками отправился на разведку в Чирскую станицу. Узнав о судьбе оборонявшихся в Есауловом городке повстанцев и о походе Долгорукого на Донец, он спешно вернулся к своему войску. Атаману Рысколову было решено с 500 повстанцев отойти на Донец, а остальным во главе с Голым идти на Айдар и там копить силы, которые можно было бы противопоставить карателям. Решение о походе на Донец было принято Долгоруким не сразу. Лишь получив известие о разгроме повстанцев продвижения вверх по Дону, собираясь бросить карательные полки на разгром последних повстанческих отрядов, руководимых Голым. По пути Долгорукий намеревался расправиться со всеми непокорными, а остававшихся в живых привести к присяге, «управя против указу великого государя». Для «такова же управления» (Долгорукий под словом «такова же» подразумевал расправу в Есауловом городке) по Донцу, Айдару и «иным местам» он послал 29 августа от Есаулова городка все имевшиеся под его непосредственной командой войска, отпустив к Черкасску лишь «судовую плавную» с сопровождавшими его домовитыми казаками во главе с атаманом Т. Соколовым.

Узнав об уходе повстанческого войска Голого в двух направлениях — на Донец и на Айдар, Долгорукий разделил карательную армию. На Айдар, куда ушли основные силы повстанцев, карательные части он повел сам. На Донец вслед за полутысячным отрядом была послана конница Шидловского, а с ним еще 2 гетманских конных и драгунский полки. Но трудно было карателям угнаться за повстанцами. С самого начала похода, как признавался Долгорукий, лошади валились от бескормицы, так как степь была выжжена. Солдаты и драгуны испытывали большой недостаток в продовольствии. Отставших карателей убивали или брали в плен калмыки.

Повстанцы успешно уходили от преследования карателей.

Подойдя 14 сентября к Новому Айдару, Долгорукий надеялся встретить отряды Голого, но атаман восставших еще за 4 дня ушел оттуда в неизвестном направлении. Карательная армия была окончательно измучена. Поэтому Долгорукий с большой радостью встретил пришедшие к нему на помощь свежие драгунские и солдатские полки, не участвовавшие ранее в походах против восставших. Из них было отобрано около 2000 всадников, которые раньше находились в районе Маяка и Острогожска. В помощь им был придан Воронежский драгунский «шквадрон». Большую часть царедворцев Долгорукий отослал из карательного войска, так как они были мало пригодны в походе. «А ему, стольнику (С. Бахметеву. — *В. Л.),* с царедворцы ж и с обозом велел итить в Острогожской и из Острогожска на ...Елец, а полку ево, лейб-гвардии майора царедворцом велено итить в Землянск».

Уклоняясь от боя с конницей Долгорукого, Голый спешил к хорошо укрепленному Донецкому городку, атаман которого Н. Колычев и многие казаки готовы были защитить повстанцев.

От Голого к Колычеву прибыл полковник повстанческого войска Рябов. Он сообщил атаману, что повстанцы с обозом и с семьями вскоре должны быть в Донецком городке. Колычев подтвердил Рябову приглашение и готовность принять людей Голого.

Не успел Рябов отправиться в обратный путь, как в Донецкий городок прискакал дьячок Ивашко «с товарищи». Он передал весть, что продвигавшееся к городку войско Голого осаждено у Богучара царскими полками и что оно нуждается в помощи. В городке ударили в колокол. На набат собрались казаки и решили помочь отрядам восставших. Подошедшее ночью к городу войско Голого вместе с семьями было переправлено на противоположный берег Дона на бударах. Повстанцы избежали сражения с драгунами не только благодаря помощи казаков Донецкого городка. Как писал Долгорукий в «доношении» Петру I от 3 октября, посланные им драгуны и нагнали войско Голого и приблизились к нему на расстояние в 3 версты,

но в сражение из-за усталости лошадей вступить с ним не могли. «...Лошади все стали, зело скоро за ним гнали, верст больши 100 со вьюки».

На следующее утро к Донецкому городку прибыли царские полковники с драгунскими полками. Навстречу им из городка вышли казаки с полученным от Хованского письмом, где говорилось, «что они были у креста и вины им отданы».

Сам же Голый остановился «в крепи» неподалеку от Дона. Впереди на гумна были высланы казаки с ружьями. Карателя поняли, что одной конницей с повстанцами не справиться, и было принято решение отойти к Острогожску.

Было бы в корне неверным представлять положение дел па Дону после сражений у Есаулова городка и Паншина и до прихода Голого в Донецкий городок только как период беспрестанного преследования полками Долгорукого отходившей повстанческой армии. Все объяснялось соотношением сил. На Донце и Айдаре карательная армия Долгорукого была сильнее Голого. Отсюда вытекала и соответствующая тактика повстанцев в этом районе.

Соотношение сил в то время было не в пользу восставших жителей Есаулова, Кобылинского и Нижнего Чирского городков.

В городках, где свирепствовал Долгорукий, были уничтожены почти все участники восстания. Многие казаки уходили из районов действия карательных войск. Главным: образом отряды восставших направлялись на Кубань.

Другая картина в то время наблюдалась в Придонье. Вопрос об успешном противодействии повстанцев правительственным войскам осенью 1708 г. в Придонье не освещен в исторической литературе. Поэтому на этом вопросе следует остановиться подробнее. На всей территории При-донья, вплоть до Козлова и Тамбова, действовали отважные отряды повстанцев, среди которых были и калмыки, отказавшиеся выступать в роли карателей. Некоторые из калмыцких племен откочевали еще ранее к Дону и находились в дружеских отношениях с донскими казаками. В начале сентября восставшие казаки и калмыки подходили под стены Мценска. Козловский воевода полковник Г. И. Волконский, опасаясь за судьбу не только своего города, но и Тамбова, неоднократно обращался к Петру I (письма от 11, 18, 28 сентября) с просьбой о присылке пороха и свинца. «А о злом возмущении и о бунте оных воровских казаков, также и от воинских людей колмыках, — писал Г. И. Волконский 28 сентября, — вести и доныне множатца. И за недостатком пороху и свинцу и мундирку, во опасении оных драгунских полков, в те полки послать нечего. Также ест ли государь от воровских Козаков и калмыков к Козлову и к Танбову будет приход, и противу их с отпору будет дать нечим».

Ничего не могли поделать с повстанцами и присланные по распоряжению Петра I от Долгорукого драгунский полк под командой Е. Гулица и от П. И. Хованского Казанский полк драгун под командой И. Болтина для охранения Тамбовского и Козловского уездов[18].

В первых числах сентября не был допущен к Пристанскому городку драгунский полк под командой полковника Гулица. Следует отметить, что для усиления карателей им были приданы отряд в 250 конных станичников и 700 солдат. 9 сентября Гулиц сообщал Г. И. Волконскому, что вынужден был остановиться близ Пристанского городка в урочищах у р. Алабука, «потому что де воровских казаков множитца по вся дни».

Вместе с повстанцами-казаками здесь было много жителей «новопоселенных» деревень. Они укрепились за р. Вороною, близ деревни Боганы «в крепком месте», где, как сообщали Гулицу, насчитывалось около 2000 человек. Повстанцы ожидали прихода с Медведицы еще тысячи казаков.

Чтобы сковать действия Гулица и выиграть время для сбора сил, повстанцы вступили в переговоры. Гулиц дал согласие на переговоры, выслав к казакам отряд. Посланные к повстанцам должны были предложить им отказаться от борьбы и быть «под волею... царского величества». Повстанцы согласились написать вчерне «повинное письмо» и передать его Гулицу 3 сентября. В назначенный срок «к отводному караулу» подъехали 40 человек повстанцев и заявили, что у них есть письмо.

[18] Полк Гулица с плохими лошадьми был отправлен Долгоруким в Троицкий накануне выступления Некрасова из Черкасска. По сведениям И. А. Толстого, в кем в период нахождения в Троицком насчитывалось 18 офицеров и 813 урядников и солдат. В Казанском полку драгун И. Болтина, по данным сводки «боевых реляций» Долгорукого, числилось 1169 человек.

В то время, когда внимание караула было отвлечено прибывшими, был подан условный «окрик». Из находившихся недалеко тростниковых зарослей внезапно появились сотни вооруженных людей и частью уничтожили, частью захватили в плен 70 драгун. Дорога к обозу была расчищена. Туда рванулись, было, повстанцы, но пушечная стрельба заставила повернуть их обратно.

6 сентября, за 4 часа до наступления темноты, на речке Малом Алабуке произошло ожесточенное сражение восставших с полком Гулица. Как признал сам Гулиц в отписке тамбовскому воеводе В. Данилову, это был жестокий, «свальной» бой. Взятые в плен повстанцы показали, что в нем участвовали до 1300 казаков и до 500 человек крестьян. С большим трудом Гулицу удалось отбить натиск повстанцев, которые «ушли в леса». Если бы восставшие были менее разобщены и более организованны, полк Гулица был бы разгромлен.

Получив тревожные вести от Гулица, козловский воевода Г. И Волконский 16 сентября посылает донесение в Разряд, доказывая необходимость предоставления ему помощи.

Просьба Волконского была удовлетворена. 18 сентября Долгорукий получил распоряжение из Разряда о поставке в полки Гулица и Болтина 200 пудов пороха и 100 пудов свинца. Наблюдается обострение классовой борьбы осенью 1708 г. и в Верхнем Поволжье. Партизанские «разбойные» отряды подходили к стенам Нижнего Новгорода. Обычный путь по Волге был нарушен. 21 сентября нижегородский воевода М. Леонтьев в «доношении» Петру I писал: «А в Нижнем ныне на сухом пути и на воде, на Оке и на Волге, вверху и нанизу от воровских людей в трех верстах проезду нет, превеликое воровство, многие домы и вотчины разорили, и стругам и лоткам проезду нет же». Главным атаманом «воров», по словам Леонтьева, был Ганка Старченок. «И по ведомостям в одной с ним артеле со 100 человек, ходит з знамены и з барабаны...» Леонтьев сообщал царю, что Старченок грозится взять в Нижнем Новгороде тюрьму и распустить колодников.

Перепуганный воевода писал Петру, что в Нижнем Новгороде ни «служилых людей», ни ружей, ни пороха к ним «ни фунта нет».

Сентябрь 1708 г. отмечен также крупной победой отрядов Голого и Колычева у Донецкого городка над полком И. Бильса, сопровождавшего шедшие в Азов с вооружением и боеприпасами «царские будары». Эта сложная, и смелая, и в то же время почти бескровная операция была блестяще выполнена. Известие о разгроме целого регулярного полка в то время, когда правительство считало главные силы восстания разгромленными, было воспринято в верхах крайне болезненно. Следует принять также во внимание, что повстанцам достался «провиант», денежная казна и артиллерия, предназначенная для многочисленного гарнизона Азова и Троицкого. Тем самым восставшие получили возможность для дальнейшего развертывания восстания, а тяжелое материальное положение азовского и троицкого гарнизонов еще более усугубилось.

Важные подробности на этот счет содержатся в «доношении из Разряду» (не ранее 8 октября) в «расспросных речах» 52 отпущенных Голым солдат полка Бильса и в донесении И. А. Толстого в Разряд от 22 октября. Приводимый в них материал, позволяет с достаточной полнотой воссоздать героическую страницу восстания.

Вот что стало нам известно.

Полк Бильса сопровождал отправленное 3 сентября с Коротояка на 100 бударах продовольствие, артиллерию (около 100 пушек) и «денежную казну» («тысеч с восемь») для азовского и троицкого гарнизонов. С Бильсом следовало еще около 1200 работных людей. Как утверждал Долгорукий в «доношении» царю от 3 октября, лично он получил известие об отправлении Бильса в то время, когда по существу судьба последнего уже была решена и поэтому не мог его предупредить. Бильса предупреждал и воронежский воевода С. Колычев, но тот его не слушал. Бильс получил предупреждение также недалеко от Донецкого городка. В данном случае здесь его встретил посланный строителем Донецкого монастыря «казначей», но «он де Бильс не послушал, пошел к Донецкому».

Ко времени прихода флотилии Бильса к городку там находились крупные повстанческие силы. Вышедший навстречу флотилии казначей приводил Бильсу цифру — 5000 повстанцев.

28 сентября флотилия полковника Бильса подошла к Донецкому городку. Чтобы усыпить бдительность карателей, полковник был встречен атаманом городка «хлебом-солью». Колычев настолько расположил к себе Бильса, что тот дал ему шестипудовую бочку с порохом якобы «для отбою у калмыков русского ясырю». Казаки воспользовались и приглашением осмотреть будары, чтобы выяснить, где находятся пушки, порох, свинец, казна.

Взяв от Колычева проводников, флотилия пошла вниз по Дону. Вслед за ней незаметно по берегу двинулись повстанцы Голого. В двух верстах от Донецкого городка, «в урочище за барунами», из-за большого ветра и, очевидно, благодаря заботам проводников флотилия вынуждена была остановиться, так как много будар село на мель. Это облегчило захват будар повстанцами. Многие из солдат сочувствовали восставшим и поэтому не оказали им сопротивления. Солдаты были быстро разоружены, а Бильс и другие офицеры — «посажены в воду». Бывшие с полком работные люди присоединились к повстанцам. С обезоруженными солдатами победители обошлись великодушно. Несмотря на то что некоторые предлагали «посадить в воду» пленников, солдатам был предоставлен выбор: или остаться в рядах восставших, или возвратиться туда, откуда пришли. Многие солдаты предпочли первое.

Прямым результатом победы над царским полком был активный приток в ряды восставших жителей близлежащих городков.

Вскоре же после победы над Бильсом повстанцы во главе с Голым приступают к выполнению своих первоначальных планов, а именно «итить под украенные городы». 1 октября повстанческое войско переправилось через Дон и двинулось на Айдар к Ревенкам, т. е. в украинские земли. Можно предположить, что Голый стремился соединиться с повстанческими отрядами, действовавшими с осени 1708 г. на Слободской Украине. Восстание в то время охватило большую часть Украины, и особенно территорию Лубенского, Полтавского, Годячского, Миргородского, Переяславского и Стародубского полков. Острие классовой борьбы было направлено против ненавистной крестьянам, мещанам и казакам арендаторов, «державцев», сборщиков налогов, ростовщиков.

В письмах украинского гетмана Мазепы наибольший интерес и представляют следующие факты. Так, в письме Головкину Мазепа говорит о росте волнений на Украине. «...Во всех городах и селах внутренне начинает расширяться между народом непостоянным от гультяев и пьяниц смятение». Украинские крестьяне и казаки, собираясь «великими компаниями», ходили по корчмам, богатым домам. В Лубнах «арендатора и ктитора[19] убили, а старшину немного не позабивали, ежели б бегством не спаслися». В Стародубе, как писал Мазепа, повстанцы и все «поспольство с дубьем учинили нападение на дом войта...»[20]. В Мглине восставшие сотника «смертным боем били», затем посадили в тюрьму. Та же участь грозила местным арендаторам, но те скрылись в лесу. В Гадяче было совершено нападение на замок, «хотели его, гетманского господаря, убить и добро гетманское разграбить».

«И в остальных полках,— добавлял Мазепа,— гультяи и пьяницы людей честных и богатых забивают и пожитки их разграбляют».

Голый надеялся, что каратели не смогут помешать соединению его повстанцев с украинскими отрядами. Надежды внушали слухи о том, «что будто он, лейб-гвардии маеор (т. е. главный палач восстания В. В. Долгорукий. — *В. Л.),* идучи ис Черкасского и Есауловского и Айдарского походу, полки роспустил и стоите малолюдстве». Слухи эти, по всей вероятности, возникли в *связи с* упоминавшейся отсылкой Долгоруким еще во время пребывания на Айдаре царедворцев, а также в связи с уходом 22 сентября из Воронежа в действующую армию батальона Преображенского полка под командой майора Ф. Н. Глебова. Кроме того, размещение (с 27 сентября) карательных частей в Острогожске, вне пределов «тихого Дона», порождало предположение о скором их уходе на север. Петр I торопил Долгорукого не задерживаться на Дону. 29 сентября царь писал ему: «Ежели дело свое с помощью Божиею совершишь, то с полками поди к Воронежу, и о том к нам пиши». 2 октября Петр I вновь поторопил Долгорукого. При этом ему было предложено по возвращении в Воронеж оставить «ис своих полков столко, сколко надобно по разсмотрению, з добрым командиром для охранения от казаков, которые еще там шатаются...» Остальным же полкам предлагалось «не мешкав» идти к Москве.

Сохранился ответ Долгорукого на указ Петра I от 2 октября. Долгорукий оправдывался перед царем за медленные сборы: «А я государь збираюсь с великим поспешением да замедление мое за подводами...» Сборы Долгорукого также порождали слухи о скором уходе карателей.

В целях предосторожности повстанцы выжгли степь, установили «по розным местам на курганах» караулы и высылали в округу «непрестанные» разъезды.

Благодаря этим мерам походное войско Голого было своевременно уведомлено о продвижении полков Долгорукого к Богучару, т. е. наперерез повстанцам. Когда Долгорукий получил известие о победе повстанцев над Бильсом и о сборе в районе Донецкого городка, он вынужден был приостановить сборы и выступить против Голого.

[19] *Ктитор* — церковный староста.
[20] *Войт* — городской голова.

9 октября он послал на Битюг 4 пехотных полка. Но из-за нехватки Кормов для лошадей половина подвод в обозе посланных полков встала еще по дороге к Битюгу.

15 октября против Голого выступили остальные драгунские и пехотные полки карателей. 18 октября главные силы Долгорукого находились *уже* за Коротояком по направлению к Донецкому городку. Большая их часть шла берегом Дона. 25 октября Долгорукий с главными силами карателей пришел на речку Тулучеевку «за три мили» до Донецкого городка. В Донецком городке к этому времени оставалось лишь около 1000 стойких защитников, готовых сражаться, не щадя жизни, с превосходившими их по силе полками карателей.

Главные силы повстанцев (не меньше шести тысяч) были к тому времени на безопасном от полков Долгорукого расстоянии, близ впадения Хопра в Дон. Большая часть земель, расположенных по Хопру, особенно его верховий, с начала осени, как упоминалось выше, была объята пламенем восстания. Практически здесь никто не мешал повстанцам Голого собирать силы. Попытка «природных» казаков противодействовать повстанцам закончилась провалом. Отряд из 400 «верных государю» казаков во главе с Изваловым был наголову разбит у Мигулинского городка. Селиван Извалов «с малыми людьми» бежал от Голого в Правоторовскую станицу.

Убедившись в том, что без «государевых полков» бесполезно выступать против Голого, черкасская старшина выслала вернувшуюся конницу «на помощь» к Долгорукому, усилив ее присланными из городов конными казаками[21]. С разгромом Извалова и возвращением в Черкасск войска «природных» казаков перед Голым открывался путь на Хопер, где продолжались волнения бедноты. Прихода повстанцев на эти земли очень опасались и Долгорукий и Извалов. Впоследствии, 9 ноября 1708 г., в очередном «доношении» Петру I Долгорукий писал, что посланные из Черкасска с войском атаманы — «великие дураки», повернув назад, «своею трусостью великую беду зделали», так как Голый собрался уходить на Хопер.

К моменту прихода карателей Долгорукого под Донецкий городок Голый, отказавшись от плана похода на Украину, решает, избегая генерального сражения, придерживаться прежней тактики, т. е. уходить от карателей в места, где была обеспечена поддержка и сочувствие населения.

Повстанческие отряды двинулись к Хопру. О том, куда именно с Хопра хотел направить повстанческое войско Голый, можно судить лишь предположительно. Известно, например, о существовании у восставших намерения идти на Волгу, о чем говорит отписка астраханского воеводы и казанского губернатора П. М. Апраксина от 20 ноября, адресованная Петру I. В ней излагались «расспросные речи» пойманных 15 ноября в Саратове двух «шпионов», посланных Голым во время его нахождения в приустье Хопра. После мучительной пытки они признали, что были посланы Голым в Саратов «для проведывания» о количестве «ратных людей» в городе и о местонахождении бывших при Апраксине карательных войск. «И хочет де он... Голой с воровскими своими собранием идти на Саратов»,— признавались под пыткой пойманные. Они же показали, что идти на Саратов повстанцы намеревались «по нынешнему самому первому зимнему пути, только де хотели их лазутчиков своих дождатца с теми вышеупомянутыми ведомостьми...»

Особенно настаивали на походе по пути Разина находившиеся вместе с Голым солдаты из обезоруженного и распущенного повстанцами полка Бильса. Поход в район Поволжья и даже взятие Саратова были вполне возможны. Из той же отписки П. М. Апраксина к Петру I видно, что «на Саратове не только полков и ни одного человека, кроме тутошних малых людей, прибавочных ратных людей нет». Вернувшийся к тому времени после «подавления» восстания П. И. Хованский с полками стоял в Симбирске «и полков половину роспустил, не разведав подлинно о том казацком воровстве, которое по Дону и по Хопру и доныне есть».

Об усиливающейся классовой борьбе в Поволжье и о слабости местных гарнизонов можно судить по отписке казанского коменданта Н. Кудрявцева (от 5 ноября 1708 г.). Оправдываясь перед Петром I за невысылку на строительство Петербурга мари, чувашей и вотяков, Кудрявцев писал, что сделал так, «чтоб ныне с ними не было согласия к воровству». Особое опасение у казанского коменданта вызывали башкиры, которые «все лето и осень от воровства не отставали... и пущие воры и завотчики воровству и доднесь вин своих не приносили тебе, государю, и не шертовали». Кудрявцев предупреждал царя о намечаемом башкирами выступлении против местных властей и помещиков, «как реки лдом покроютца». В отписке содержалась жалоба на нехватку ратных людей и на плохое состояние оборонительных сооружений Казани. Особенно волновал Кудрявцева предполагаемый уход П. И. Хованского со всеми полками к Москве. «И что, государь, князь Петр Иванович полков не оставляет, а от... башкирцев и от татар

[21] Для усиления конного войска удалось собрать лишь по пять человек с каждого из оставшихся «верных» городков.

воровство и разорение уездам будет, чтоб мне, последнему рабу твоему, от тебя, государя, не быть в гневе и в опале».

Добавим к жалобам Апраксина и Кудрявцева просьбу нижегородского воеводы к Петру I о помощи против упоминавшихся уже отважных «воровских людей» Г. Старченка[22], и перед нами предстанет общая картина классовой борьбы в Среднем и Верхнем Поволжье и станет понятным стремление повстанцев уйти на зиму именно в эти места.

Для принятия окончательного решения о походе на Саратов не хватило лишь достоверных сведений. Их Голый с нетерпением ожидал от посланных к Саратову лазутчиков. Неизвестно, были ли в Саратове пойманы все «шпионы» Голого, посылались ли они в другие места с такой же целью, что и в Саратов, дождался ли Голый кого-либо из посланных, но сам факт поисков наиболее удачных направлений походов говорит о том, что путь к Саратову был, очевидно, не единственным. Вполне осуществимым был, например, уход повстанцев к Некрасову на Кубань.

Отряды Голого не собирались давать решительный бой карателям. Более того, восставшие стремились забрать семьи, развезенные по городкам еще во время подготовки к походу на Украину.

Достаточно ознакомиться с положением дел в Донецком городке в те трагические для его защитников дни, чтобы убедиться в том, что Голый не собирался превращать его в место решающего сражения с карателями. Долгорукий, в свою очередь, очень спешил, так как оставшиеся в Донецком городке могли присоединиться к Голому. В этой связи 4 ноября в отписке в Разряд Долгорукий писал: «И он... видя их такое воровское намерение, чтоб их ...из Донецкого к ... Голому и Колычеву в соединение не допустить, оставя обоз, с пехотой и роты московских чинов, и городовых, и людей боярских, и черкас острогожских с одними драгунскими полками для лутчего поспешения с того вышеупомянутого урочища, с речи Тулучевы с полу ночи пошол к Донецкому и пришол 26 числа октября часу в третьем дни».

Число пришедших к Донецкому городку драгун во много раз превышало немногочисленный гарнизон. Кроме того, осажденные вынуждены были разделить свои силы, так как драгуны пошли на штурм с двух сторон. Защитники городка оказали ожесточенное сопротивление «и палили ис пушек и из мелкого ружья стреляли». Большая часть их погибла в неравном бою. Взятых в плен полтораста человек Долгорукий повесил, а родной брат Колычева и наказной атаман Т. Щербак были четвертованы.

Голый, без сомнения, знал и о приходе Долгорукого К Донецкому городку, и о гибели его защитников. Понятно и то, что Голый, не желая вести свои войска на верную гибель, не пошел к Донецкому городку. Но остается неясным вопрос: почему повстанческое войско медлило в те дни с уходом на Хопер. Ведь именно такая медлительность привела его к гибели. Решение двигаться на Хопер было принято лишь 4 ноября, тогда как еще 26 октября Долгорукий чинил расправу над жителями захваченного городка. К моменту принятия решения восставшими Долгорукий подтянул силы и даже дал возможность передохнуть измученным от бескормья и беспрерывной погони лошадям. А ведь повстанческое войско было готово к уходу, кроме того, путь в безопасные районы с разгромом казаков Извалова и с позорным возвращением «природных» казаков в Черкасск был свободен.

Можно предполагать, что в среде восставших сложились две группировки. Сторонники одной из них выступали за уход от карателей, другие, наоборот, стремились к решающему столкновению с царскими полками. Первую партию представляли те, кто мог легко оставить местные районы, не будучи обременены семьей и хозяйством. Прежде всего это были солдаты из полка Бильса и бурлаки. Во второй партии могли находиться казаки из местных городков. Они готовы были умереть, защищая свои родные места, но не покидать их.

Получив пополнение из казаков Донецкого, Казанского, Мигулинского, Тишанского, Еланского, Решетовского и других близлежащих городков, Голый должен был противостоять желанию многих из них дать карателям решительный бой. Вместе с тем заинтересованный в пополнении своего войска, Голый и атаман Колычев рассылают по городкам письма с призывом объединить силы для борьбы. Возможно, Голый и сам принял бы решение идти на карателей, если бы располагал достаточными силами.

Голый и особенно Колычев до самого конца не теряли надежды набрать такое войско, с которым можно было бы разбить карателей. Очевидно, по этой причине они медлили с уходом. Однако к моменту выступления Долгорукого к Решетовскому городку им не удалось сколотить достаточно внушительное повстанческое войско, а уходить было уже поздно — они все равно были бы настигнуты Долгоруким.

[22] Среди отрядов Старченка было много беглых солдат и драгун. Это, очевидно, играло какую-то роль в том, что солдаты из полка Бильса хотели идти именно в Поволжье.

Сражение под городком Решетовым описано в «доношении» Долгорукого Петру I от 9 ноября 1708 г. В отличие от руководителей повстанческой армии, Долгорукий стремился как можно быстрее встретиться с противником. Непосредственно в сражении с повстанцами у Решетовского городка 4 ноября участвовали пехотные и драгунские полки в составе 4200 человек. Построив драгунские и пехотные полки по всем правилам военного искусства, Долгорукий бросил их к городку. Против карателей Голый мог выставить лишь четырехтысячное войско. Повстанцы, в свою очередь, «учинили напуск пехотою и конницею». На поле боя сразу же сказалось превосходство хорошо обученных, вооруженных и более многочисленных регулярных войск. Несмотря на неимоверную храбрость и отвагу, плохо вооруженные и необученные повстанцы вынуждены были отступить, отойти к городку, покинуть его и затем броситься к Дону. Часть из них под натиском врага ушла за Дон. Сумел уйти и Голый с небольшой группой ближайших помощников. Большинство же повстанцев погибло. По приводимым в «доношении» данным, было «трупом положено слишком с 3000 человек, а достальные в Дон метались и потонули зело их много».

Для того чтобы «воровство» вновь не «отрыгнулось», Долгорукий послал в погоню за Голым пришедших к нему 5 ноября 900 казаков Роспонинского и Правоторовского городков. Их привели атаманы этих городков — С. Извалов и М. Федосеев;

С разгромом у городка Решетова основных сил повстанцев был потушен последний крупный очаг восстания, которому уже не суждено было возродиться на «тихом Дону». Густой снег и морозы ранней зимы помогли карателям наводить «порядок» на обагренных кровью донских землях. Главный усмиритель восстания князь Долгорукий в награду был пожалован Старковской волостью Можайского уезда. Были награждены многие офицеры и старожилые казаки (Василий Фролов, атаман Изволов, Федосеев и пр.).

4. Кровавая расправа. Отзвуки восстания в стране

К зиме 1708/09 г. все крупные отряды восставших на землях «тихого Дона» были разгромлены полками Долгорукого, который после сражения у городка Решетова счел возможным уйти к Воронежу. С отдельными немногочисленными и разрозненными отрядами восставших в состоянии были расправляться каратели из числа «природных» казаков.

Между тем за пределами донских земель продолжали существовать очаги восстания. Классовая борьба не прекращалась. По словам современника Джона Перри, английского инженера, работавшего в России с 1698 г. по 1715 г., к лету 1709 г. «...русские также были везде подготовлены к возмущению и во многих местах уже брались за оружие, в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под царским правлением...»[23].

Продолжались вооруженные выступления бедноты на территории Украины. Они происходили в условиях вторжения армии Карла XII на украинскую землю и перехода части украинской старшины и ее атамана Мазепы на сторону врага. Выступления народных масс на Украине были направлены и против иноземных захватчиков, и против местных феодалов.

Украинское крестьянство и городские низы широко использовали измену Мазепы и его единомышленников как повод для борьбы против крепостников. О широком размахе классовой борьбы на Украине после получения известия об измене Мазепы можно судить по словам бывшего там в то время князя Б. И. Куракина. «...Во всех местах малороссийских и селах,— писал Куракин,— были бунты и бургомистров и других старшин набивали».

Выступления крестьян происходили даже в самых глухих местечках Украины. Крестьяне Глуховского и Петропавловского монастырей, как говорилось в универсале гетмана Скоропадского (январь 1709 г.) отказались «отдавати послушенства». Крестьяне села Чеховки (близ Почепа) забрали весь скот и имущество у стародубского полкового писаря Пашкевича, которое он хотел переправить из Почепа за Десну.

Многие крестьяне, казацкая и городская беднота Правобережья участвовали в действовавших против шляхты повстанческих отрядах. Их возглавляли С. Волошин и Г. Иваненко. Оба руководителя, используя «царистские» взгляды народных масс, заявляли, что они выступают против шляхты по указу Петра I. Повстанческие отряды действовали также в Подольском и Брацлавском воеводствах. Борьбу с шляхтой на Правобережье развернул возвратившийся из ссылки герой украинского народа Палей. Перепуганная шляхта неоднократно обращалась (например, весной 1709 г.) к русскому правительству с просьбой о

[23] Джон Перри, Состояние России при нынешнем царе, М., 1871, стр. 18—19.

помощи. Царское правительство, поощряя народную войну против Карла XII, в то же время не хотело оставлять безнаказанными украинских крестьян, которые расправлялись со своими панами. С этой целью оказывалась помощь новому гетману И. И. Скоропадскому.

Не прекращались выступления народных масс и в Башкирии.

Еще 31 мая 1708 г. башкирские феодалы от имени 4 дорог принесли Хованскому повинную. Но уже к зиме 1708/09 г. в Башкирии вновь стало разгораться восстание. Казанский губернатор Н. А. Кудрявцев еще 15 ноября 1708 г. в «доношении» к Петру I писал: «Воровство башкирское не токмо что боярин князь Петр Иванович Хованский искоренил... но паки множитца еще с призыванием и каракалпаков».

Летом 1709 г. восстание из Зауралья перекидывается на территории, лежащие к западу от Урала, в район Чусо-вой и Сылвы. Набеги конницы восставших башкир не прекращаются и в 1710 г., когда нападению подверглись слободы Арамильская, Баглярцкая, Камышевская, Колчеранский острог и Ухтусские заводы.

Борьбой с развернувшимся на башкирских землях восстанием руководил казанский губернатор П. М. Апраксин. Испытанным средством, примененным Апраксиным в борьбе с восстанием, было натравливание одной народности на другую, а именно — калмыков на башкир. Главной вооруженной силой в борьбе с восставшими были калмыки хана Аюки. Летом 1710 г. четырехтысячный отряд калмыков во главе с тайшой Доржой Назаровым разбил уходившее к каракалпакам вместе с обозом и семьями башкирское войско, «а достальных их з женами и з детьми и животами взяли...» Лишь после этого восстание в Башкирии пошло на убыль.

Главный предводитель восстания Алдар Исекеев представитель местных феодалов отказался от борьбы и примирился с Петром I. В последующие 1710—1711 гг. совершали набеги лишь отдельные башкирские отряды. В 1711 г. башкиры Ногайской и Казанской дорог попытались возобновить борьбу, совершив нападение на Уфу. Однако примирение башкирских феодалов с царским правительством не означало прекращения борьбы башкирского народа против угнетения и крепостной зависимости. Противоречия между угнетенными народными массами Башкирии и местными феодалами были столь же непримиримы, как и с царскими властями. Еще 10 марта 1709 г. П. М. Апраксин жаловался в письме Петру I на башкир: «Народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал... не имеет, принятца не за ково...»

В «разбойной», партизанской форме продолжалась открытая классовая борьба в верховьях Волги и в приокских землях. Особого размаха она достигала в 1709—1710 гг. «Разбойные» отряды и их руководитель Гаврила Старченок наводили ужас на воевод, помещиков и торговцев Муромского, Кинешемского, Костромского, Суздальского, Галицкого, Нижегородского, Юрьевецкого, Лухского, Тверского, Новоторжского, Старицкого, Московского, Каширского уездов и Юмохонской дворцовой волости. «Разбойные» отряды состояли преимущественно из местных крестьян. Наряду с отрядом Старченка в этих местах действовали более мелкие отряды, которые возглавляли местные атаманы. Известен, например, действовавший в Ярославском уезде отряд Боровиченка, а в Галицком уезде — отряд Сеченого. Так, среди пойманных «воровских людей», действовавших в 1709 г. в Муромском уезде, большинство оказалось местными жителями — крестьянами вотчин Александра и Ивана Нарышкиных, Одоевского, Черкасского и др. Большую роль в организации и обучении «разбойных» отрядов играли беглые солдаты и драгуны. Об их присутствии в отрядах можно судить по прямым и косвенным признакам. Так, в упоминавшейся уже группе пойманных в Муромском уезде «воровских людей» был беглый драгун. «Партизанские» отряды крестьян «ходили» с ружьями, пистолетами, шпагами, знаменами и даже с барабанами. Среди них встречались «разбойники» в солдатских мундирах. «...Воры в количестве 30 и больше человек с рогатинами, фузеями и шпагами, в немецком разноцветном платье, — говорилось в приговоре Ближней канцелярии от 15 октября 1709 г., — разъезжают не более как в 10 верстах от Твери». В отряде Старченка (по данным не позднее июня 1710 г.) было знамя, пушки, фузеи, карабины, пищали и другое вооружение.

Действия «разбойных» крестьянских отрядов были направлены в первую очередь против вотчинников, помещиков, а также против купцов, богатых монастырей, деревенских богатеев. Об этом можно судить по многочисленным жалобам о действии «разбойных» отрядов.

4 июня 1709 г. тверской воевода И. Кокошкин в отписке в Разряд передал жалобу воеводы Торжка Т. Сунбулова, где было сказано, что в Новоторжском, Тверском и Старицком уездах появились «воровские люди». Они разграбили и пожгли многие поместья и вотчины.

В приговоре Ближней канцелярии от 9 июня 1709 г. приведены челобитные игумена Троицкого монастыря, игуменьи Воскресенского девичьего монастыря и двух крестьян П. И. Прозоровского. Игумен и

игуменья жаловались на нападения на монастырские вотчины «не знамо каких» воров. Крестьяне же сообщили об убийстве в Верховском стане Ярославского уезда атаманом Боровиченком приказчика вотчины Прозоровского; «Боровиченок,— как говорится в челобитной,— хвалился сжечь вотчину боярина Прозоровского».

В приговоре Ближней канцелярии от 15 октября 1709 г. приводилась отписка галицкого воеводы А. Новосильцева. В ней говорилось, что Старченок появился в Ветлужских волостях и намеревался убить воеводу Унжи и овладеть денежной казной.

В июне 1710 г. начальник Разряда Т. Н. Стрешнев был извещен о действиях «воровских» отрядов в Суздальском, Юрьевецком и Кинешемском уездах и о жалобе торговых людей тех мест «на воров и на разбойников в грабежу и в отъеме всяких и пожитков, и хлеба...»

В 1710 г., по сообщению воеводы Нижнего Новгорода, «разбойный» отряд под водительством самого Старченка остановил «суда с государевыми и полковыми припасами»

(28 пушек, 1000 ядер и пр.) и взял 4 небольшие чугунные пушки. «Воровские люди» говорили, что после того как они соберутся, то будут города разорять.

В том же, 1710 г. помещики и вотчинники Костромского и Кинешемского уездов обратились к Петру I с челобитием о посылке в их уезды сыщика «для сыску тех воров» (имеется в виду «Гаврюшка Старченок со многими ворами и своими товарищи»). В челобитье помещики и вотчинники жаловались, что «воры» и «многие наши дома разоряют», «многих до смерти побивают», — «животы грабят». «И за тем их воровским приездом и за смертным убийством и за грабежом, — писалось в челобитной, — в домех наших нам и женам нашим жить невозможно... И многие наша братья з женами и з детьми из домов своих выехали в ыные городы, а домы их стали пусты, за таким их денным и нощным разбоем жить в домах своих невозможно».

Действия «разбойных» отрядов наносили ущерб не только помещикам и вотчинникам, но и богатым крестьянам. Но для основной крепостной массы «разбой» в такой форме был больше благом, чем злом. Крестьяне хотя бы на время освобождались от своих угнетателей. И, как свидетельствуют документы того времени, с них не собирали непосильных «государевых податей».

Документы показывают, что воеводы, местные вотчинники и помещики были бессильны в борьбе с отважными «разбойными» отрядами. Так, тверской воевода И. Кокошкин в отписке в Разряд указывал, что он не в силах воспрепятствовать «воровству» и даже «страшится» прихода к Твери разбойников. При этом воевода ссылался на малочисленность находившихся под его командой ратных людей, на отсутствие боевых снарядов. На «малолюдство» служилых людей и отсутствие боевых снарядов для борьбы с «разбойными» отрядами жаловался также (не позднее 9 июня 1709 г.) воевода Торжка Т. Сунбулов. Галицкий воевода А. Новосильцев побоялся послать на Унжу часть своих людей, зная о намерении Старченка убить унженского воегоду. Он направил указы в Новоозерский и Железноборский монастыри о посылке на Унжу сотни вооруженных служек и крестьян, но монастырские власти не исполнили этого требования также, очевидно, из-за боязни.

В соответствии с приговором Ближней канцелярии от 9 июня 1709 г. из московского гарнизона для борьбы с «разбойными» отрядами в Тверь послали 200 солдат, а в Ярославль к воеводе Б. И. Прозоровскому—100 солдат. Было решено также «в прибавку к ним брать в тамошних городах рекрут, сколько понадобится».

Посланным в Тверь солдатам во главе с майором Б. И. Тыртовым поручалось вести «розыск» в районе Торжка и Старицы. Тверской воевода И. Кокошкин в отписке в Разряд (не позднее 5 сентября 1708 г.) жаловался, что присланные солдаты не оказали ему существенной помощи по искоренению «разбойных» отрядов.

Солдаты посылались против «разбойных» отрядов и в другие районы. Так, в Муромском уезде «для поимки воров» действовал отряд под командой капитана Шапова. Против самого Старченка действовали солдаты под командой капитана Г. Вяземского. Им удалось в июне 1710 г. настичь в Костромском уезде «разбойный» отряд отважного атамана и разгромить его.

В этом бою в руки карателей попали знамя, 2 чугунные пушки и 17 фузей, карабинов и пищалей. Самому Старченку удалось спастись.

После отправки многочисленных карательных отрядов и разгрома Старченка жалоб со стороны воевод, помещиков и вотчинников на «воровских людей» стало поступать меньше.

Однако, несмотря на жестокое подавление народного движения 1707—1708 гг., ушедшие с Некрасовым на Кубань повстанцы не оставляли своих планов вновь развернуть на обильно политых кровью землях Дона знамя восстания.

Но возможности Некрасова были ограничены. На Кубани повстанцы находились на чужой земле и без ведома властей не могли уходить с того места, где их поселили. Тем не менее Некрасов направляет многочисленных «посыльщиков». Еще в марте 1709 г. в нижних донских городках появились пришедшие из-за Кубани некрасовцы.

В ноябре 1709 г. П. М. Апраксин был встревожен новым извещением о появлении «воровских казаков человек з 200», которые «приехали по нагорной стороне с Кубани».

19 октября «воровские люди» с Кубани были замечены в трех верстах от Царицына «при речках Ешанках».

Интересные сведения, относящиеся к 1710 г., содержатся в «расспросных речах» донского казака, пойманного и доставленного к коменданту Белгорода. Он и другие (всего 50 чел.) были посланы Некрасовым «в малороссийские города для возмущения и прельщения в народе, чтоб шли к нему, Некрасову, на Берды, а велел сказывать, будто при нем войска 10 000».

Однако попытки Некрасова вновь поднять восстание на Дону оказались тщетны. Главной причиной тому было укрепление позиций самодержавия на юге России, особенно после Полтавской победы.

Тем не менее действия Некрасова вызывали большое беспокойство Петра I, Вопрос о выдаче мятежного атамана с «товарыщи» стал предметом официальной правительственной переписки. Русское правительство через азовского губернатора предлагало разобрать повстанцев в качестве «ясырей».

В мае — июне 1709 г. повстанцами, находившимися на донских землях, была предпринята последняя попытка поднять восстание и «собрався итти на Русь». Единственным из дошедших до нас источником об этом движении является «доношение» от 28 июня 1709 г. казанского губернатора Апраксина Петру I. Губернатор сообщил, что, по полученным им сведениям от стольника И. Бахметева, «вор, донской казак, товарищ Булавина, Васька Булакин с товарыщи, собрався с ворами донскими казаками и беглецами» у Саратова, овладел рядом хоперских сел, а 1 июня пришел на Дон. На р. Бузулуке повстанцы взяли городки Казарин, Высоцкий и Островский. 15 июня 1709 г. ими был взят Арчагинский городок на Медведице. Далее повстанцы двинулись к городку Кепенскому. Однако царские войска воспрепятствовали дальнейшему распространению восстания. Недалеко от Кепенского городка, верстах в четырех в лесу произошел упорный бой. Взятого в плен атамана Василия Мясника четвертовали, а многих других пленных посадили на кол.

В этом бою участвовали далеко не все повстанцы. Среди покинувших повстанческий лагерь был «товарыщ» атамана Сенька, который, как показали пленные повстанцы, говорил, что «идти собрався на Русь». После подавления восстания на Дону и Придонье немало его участников появилось в центральных уездах России, Поволжье и Запорожье. Они создавали отряды и продолжали борьбу с угнетателями. В начале весны 1709 г. в Петровском уезде на местных помещиков и вотчинников наводил ужас многочисленный повстанческий отряд, ядро которого составляли скрывшиеся от расправы карателей участники восстания 1707— 1708 гг.; когда посланные войска разбили отряд, оказалось, что большинство взятых в плен были беглыми крестьянами, солдатами, перешедшими когда-то к Голому из полка Бильса, а также работными людьми.

Присутствие многих повстанцев в Среднем Поволжье дает основание предполагать, что часть из них пошла туда, согласно первоначальному плану Голого. О намерении Голого «перезимовать» близ Саратова, а затем с весны вновь начать восстание — уже упоминалось. Причем особенно горячо отстаивали этот план бывшие с Голым солдаты «Бильсова полка».

Потопив в крови народное движение 1707—1708 гг. на Дону, Придонье, Поволжье и Украине, царское правительство не уничтожило, да и не могло уничтожить причины, побудившие угнетенные массы вести классовую борьбу. Поэтому в последующие 1709—1710 гг. выступления крестьян и городских низов были очень часты.

Наиболее крупное антифеодальное движение в России первой половины XVIII в. было окончательно разгромлено лишь к концу 1710 г. Теплившиеся еще в центральных уездах, Поволжье, Запорожье и других местах отдельные очаги восстания были окончательно разгромлены. Но и в те годы имело место «непослушание» и отказ платить налоги крестьян села Щукино Серпуховского уезда и крестьян села Чирикова Тарусского уезда. В городе Веневе произошло восстание: «Новобранные солдаты с отцами, вышед в поле... думали по-казачьи в кругу, а затем и ослушание учинилось царскому чиновнику — подводы выехать из города не дали».

Отважные операции «разбойных» отрядов имели место не только в Муромском, Кинешемском, Костромском, Суздальском, Галицком, Нижегородском, Юрьевском, Тверском, Лухском, Новоторжском, Старицком, Московском и Каширском уездах (о чем уже говорилось), а также близ Уфы, в Домодедовской волости и других местах. В 1713 г. некрасовцы совершили набег на Харьковскую губернию, где в нескольких уездах сожгли помещичьи усадьбы и поубивали воевод. В 1717 г. И. Некрасов с большим конным отрядом пришел на Волгу, Медведицу, Хопер. При поддержке крестьян и голутвенного казачества он разорял усадьбы помещиков и хозяйства домовитых казаков, расправлялся с воеводами и боярами. В 1727—1728 гг. оживилась деятельность некрасовских посланцев, засланных в уезды России и приглашавших крепостных крестьян бежать на Кубань.

Все перечисленные факты в то же время не исключают вывода о том, что разгром восстания 1707—1708 гг. знаменовал спад классовой борьбы.

Беглые крестьяне, осевшие на Дону, в Придонье, в некоторых районах Поволжья после подавления восстания возвращаются помещикам. Опустевшие донские земли позднее становятся важным местом крестьянской колонизации. Уже в 40-е годы XVIII в. массовое переселение на земли Войска Донского достигло своей вершины. Местами массовой крестьянской колонизации становятся также Зауралье, Яик, а также некоторые другие отдаленные уголки России.

После поражения восстания была одержана окончательная победа над войсками Карла XII. Все это дало возможность Петру I уделить больше внимания борьбе с волнениями в стране и усилить и без того невыносимый гнет крестьянства путем введения подушной подати.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди крестьянских движений периода феодализма, восстание 1707—1708 гг. занимает видное место не только в отечественной, но и зарубежной истории. В нем было много общего с другими подобными народными выступлениями. Но вместе с тем особенности развития страны, где протекало восстание, определенный исторический этап придали ему характерные особенности.

Приведем для сравнения Крестьянскую войну в Германии 1525 г., которой классики марксизма-ленинизма уделили значительное внимание.

По своей классовой направленности восстания 1707— 1708 гг. в России и 1525 г. в Германии схожи. В. И. Ленин, сравнивая антифеодальные войны в России и Крестьянскую войну в Германии, писал: «В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»[24].

Вместе с тем Крестьянская война в Германии отличалась от подобного же рода восстаний в России целым рядом особенностей. Так, раздробленность германских земель влекла за собой большую разрозненность и стихийность крестьянских выступлений по сравнению с антифеодальными войнами в России, и в частности по сравнению, с восстанием 1707—1708 гг. Участие в войне 1525 г. в Германии большого числа незакрепощенного крестьянства делало «накал» классовой борьбы менее ярким, чем в подобного рода движениях в России. Все это ослабляло решительность и последовательность действий немецких крестьян, создавало благоприятную обстановку для соглашений с отдельными представителями господствующих классов.

В иные одежды облекалась и идеология немецких крестьян по сравнению с восставшим крестьянством феодальной России, в частности во время восстания 1707—1708 гг. Для первых характерна религиозная окраска, у вторых преобладала (параллельно с религиозным одеянием) «царистская» направленность.

К числу особенностей, которыми обладали крестьянские войны России, относится и тот факт, что они протекали в едином, централизованном государстве. В стране уже сложился государственный аппарат, имелась многочисленная и обученная армия, развитая сила крепостного права (последнее особенно характерно для XVIII в.), а также наличие относительно свободных земель. Именно там накапливалось много «горючего материала» — беглых крестьян, городской бедноты, теснимых казаков и другие. Естественно, что при таких условиях крестьянские выступления могли возникнуть лишь на этих свободных землях, обычно окраинных.

Участие в восстаниях большого числа беглых помогало преодолевать тесные рамки локальной ограниченности. Большую роль в антифеодальных крестьянских войнах в России, в том числе и в восстаниях 1707—1708 гг., играли казаки. Хорошо знакомые с военным делом, наиболее решительные и организованные в восстаниях 1667—1671 гг., 1707—1708 и 1773—1775 гг., они были зачинателями. Ими передавались военные навыки восставшим крестьянам, превращавшимся из неорганизованных толп в вооруженные отряды. На захваченных землях вводилось управление по казацкому образцу.

В антифеодальных крестьянских войнах в России активно участвовали нерусские народности, что и характерно для восстаний, охвативших район Поволжья и Украины. Восстания 1606—1607 гг., и особенно 1667—1671, 1707— 1708, 1773—1775 гг., возникали в период наибольшего обострения классовой борьбы и в те моменты, когда в результате войн феодальное государство не могло успешно выполнять свою внутреннюю функцию — держать эксплуатируемое большинство «в узде». О назревании антифеодальных крестьянских войн свидетельствовали мощные взрывы народного недовольства — так называемые предвестники восстания. Такими предвестниками народного движения 1707—1708 гг. можно считать Астраханское и Башкирское восстания 1705—1711 гг.

Преобладание в составе повстанцев тех, кто испытал все ужасы феодального угнетения, делало восставших решительными противниками соглашений с феодалами. Колебания и даже временные соглашения наблюдались преимущественно в казацкой среде. Типично в этом отношении восстание 1707—1708 гг. Естественно, что в антифеодальных крестьянских войнах наблюдалось сравнительно небольшое число попутчиков из среды господствовавших социальных слоев. Да и те быстро отходили от восстания по мере втягивания в него крестьянской массы и обострения классовой борьбы.

[24] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

Вместе с тем народное движение 1707—1708 гг. имеет целый ряд характерных особенностей, отличающих его от других антифеодальных крестьянских войн в России.

При сопоставлении восстания 1707—1708 гг. с другими необходимо исходить из различия социально-экономической обстановки.

Восстание 1707—1708 гг., в отличие от предшествовавших антифеодальных крестьянских войн, проходило в условиях более высокого развития производительных сил и производственных отношений.

Происходит дальнейшее упрочение внутренних экономических связей. Господствующий класс — дворянство —-еще более сплачивает свои силы. С другой стороны, подавляющее большинство крестьян становится крепостными. Расправа с восставшим народом в 1671 г. облегчила закрепощение помещиками миллионов крестьян. Кроме того, власть крепостников за период между восстаниями 1606— 1607, 1667—1671 и 1707—1708 гг. распространилась на новые территории путем колонизации окраин. В центральных районах помещики и вотчинники расширяли запашки за счет крестьянских наделов, усиливали внеэкономическое принуждение.

С распространением феодального землевладения вширь крепостнической эксплуатации подверглись многочисленные народности Поволжья, Приуралья, многомиллионное население украинских земель. Наступление на окраинные земли задевало также интересы представителей местной знати, стремившейся к сохранению собственного господства. Русское феодальное государство в рассматриваемый период, как никогда ранее, оказывало активное содействие классу помещиков в эксплуатации крестьянства. Оно различными законодательными актами укрепляло крепостничество и жестоко преследовало тех, кто осмеливался нарушать законы.

К гнету непосредственных эксплуататоров в предшествовавшие восстанию годы прибавился непосильный гнет государства, особенно при Петре I. Начав войну с таким сильным противником, как шведский король Карл XII, Петр I вынужден был создавать многочисленную армию и сильный флот и, конечно, в первую очередь за счет крепостного крестьянства.

Все это еще больше обостряло классовую борьбу в период 1707—1708 гг., чем во время предшествовавших антифеодальных крестьянских войн.

Отличается восстание 1707—1708 гг. от предшествующих и по составу участвующих в нем. В рядах булавинцев не встретишь уже холопов, которые играли ведущую роль во время восстания 1606—1607 гг. Зато среди булавинцев имелось немалое число работных людей.

Восстание 1707—1708 гг., в отличие от антифеодальной войны 1606—1607 гг., вспыхнуло не в Курско-Орловском крае, а на Дону, Придонье, Украине и в Поволжье. Правда, после жестокого подавления движения под руководством Разина, а также Астраханского восстания в 1705—1706 гг. классовая борьба в Поволжье стала заметно спадать. Разгром восставших на юге России в 1708 г. довершил дело, начатое господствующими классами еще при царе Алексее Михайловиче, — Дон перестал служить главной ареной классового возмущения. Все последующие попытки повторения опыта 1667—1671 гг. и 1707—1708 гг. на Дону претерпевали крах. Со временем утраченную Доном роль стал выполнять Яик, где в 1773 г. поднялись на борьбу первые отряды повстанцев во главе с Пугачевым. Основной территорией антифеодальной крестьянской войны 1773—1775 гг. становится Поволжье и Приуралье. Классовые противоречия на приволжских землях сказывались с особой силой. Здесь значительную часть закрепощенного крестьянства составляли нерусские народности Поволжья, Приуралья, которые испытывали двойное угнетение от русских и местных феодалов.

Крепостническая эксплуатация приняла здесь наиболее тяжелую форму — барщины. Район Приуралья, Поволжья не случайно поэтому становится главной ареной восстания 1773—1775 гг.

Если восстание 1707—1708 гг. проходило в условиях, когда развитие феодальной системы способствовало росту производительных сил, то иная картина наблюдается в период возникновения и развития восстания 1773—1775 гг. Оно проходило в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы хозяйства. Важным его признаком было стремление многих помещиков выбросить на рынок как можно больше хлеба. Отсюда эксплуатация крепостного крестьянина была доведена до предела. Барщина и непосильный денежный оброк стали повсеместным явлением. Некоторых крестьян переводили на «месячину». Феодально-крепостническая система хозяйства начинала исчерпывать таящиеся в ней возможности для роста производства.

В результате расслоения крестьян в восстании 1773— 1775 гг., в отличие от восстания 1707—1708 гг., в деревне наряду с помещиком укрепляется новый классовый враг — «богатей».

В восстании 1773—1775 гг. участвовало гораздо большее число работных людей.

Аграрный вопрос во время восстания 1773—1775 гг., в отличие от предшествовавшего народного движения, занимал гораздо больше места в программе восставших.

В 1773—1775 гг. наблюдаются еще меньшая разобщенность движения и большая подвижность и организованность повстанческих отрядов, что в известной мере можно объяснить дальнейшим процессом складывания всероссийского рынка, вызреванием капиталистического уклада и наличием среди восставших многих работных людей — предшественников русского рабочего класса.

Движущие силы народного восстания 1707—1708 годов

Главным источником по выяснению состава восставших являются правительственные документы. Однако на основании их текста далеко не всегда удается определить социальный облик повстанцев. Повстанцев называли общим словом «воры», т. е. государственные преступники, а еще чаще—«воровские казаки». Установить, какая социальная группа скрывалась за этим словом (то ли это были крестьяне, или посадские, или работные люди) весьма трудно, хотя иногда и удавалось уточнить такие группировки в переписке воевод или в сообщениях карателей. Наиболее ценными источниками для той цели являются расспросные речи повстанцев и даже «росписи колодников». В последнем легко можно убедиться, ознакомившись со списком 10 повстанцев, присланных из Воронежа после пыток. Трое из них были беглыми крестьянами, один — солдат конной службы, один — солдатский сын, трое — горожане. Социальное происхождение двух остальных не указано.

Приведенный документ показывает разнообразный состав восставших. Правда, в нем не упомянуто ни одного казака. Кроме того, численное соотношение различных социальных слоев в среде повстанцев было другим.

Главными участниками восстания с начала и до конца были крепостные крестьяне, в том числе бежавшие от помещиков. Именно из них вышли в основном первые булавинские отряды. «...Нынешний бунт, — доносил царю 29 марта 1708 г. козловский воевода Г. И. Волконский,— и начался он от... беглых крестьян, которые бегают из волостей и из-за помещиков, а паче ото взятья в рекруты...» Подавляющее крестьянское большинство в конечном счете определяло антикрепостническую направленность, широкий размах и форму борьбы.

По словам историка И. Голикова, «многочисленное войско, бывшее при Булавине, почти все состояло... из беглецов»[25]. Доказательством служит тот факт, что как под Азовом, так и в других сражениях с бунтовщиками взятые в плен оказались все беглые. По сведениям другого исследователя В. Сухорукова, двадцатитысячное войско Булавина состояло в подавляющем большинстве «из беглецов, вольницы». И. Голиков, и Сухоруков явно преуменьшают роль исконных донских казаков. Причиной тому служит, на наш взгляд, желание отвести вину от Войска Донского. На деле в период наибольших успехов восстания, во время пребывания Булавина в низовьях Дона казаки составляли значительную часть войска. В самом же начале восстания И на его завершающем этапе, когда повстанцы действовали преимущественно в верховьях Дона, Придонье и Украине, обзаведшиеся хозяйством казаки как бы растворились в многотысячной массе беглых крестьян.

Вместе с беглыми крестьянами активное участие в восстании принимали крестьяне «новопоселенных» сел и деревень Придонья, а также украинских поселений.

Участие крестьянских масс Придонья в восстании 1707—1708 гг. было сравнительно подробно освещено еще в 1884 г. историком либерального направления И. И. Дубасовым. Но и он при изучении этого вопроса руководствовался «воеводскими доношениями из Разряда в Ближнюю канцелярию». Дубасов признает, что за булавинцами шли «тамбовские, козловские, усманские, борисоглебские и иные степняки...» Непосредственно наблюдавший за развертыванием восстания в Придонье Г. И. Волконский в октябре 1708 г. считал, что заодно с повстанцами выступил весь Борисоглебский уезд.

[25] И. Голиков, Деяния Петра Великого, т. 2, М., 1789, стр. 137.

Интересный материал об участии украинского крестьянства дают документы киевского воеводы Д. М. Голицына. Еще 19 мая 1708 г. он в отписке в Разряд предупреждал, что «многие украинцы з донскими казаками обязались свойством и дружбами, и опасно того, чтоб и оные украинцы какой шатости не показали...». Предвидения воеводы оправдались. В составе запорожцев, прибывших к Булавину весной 1708 г., как сообщал воевода в отписке от 11 июня в Разряд, были «своевольники», которые «перебираютца за Днепр». Осенью 1708 г. во время решающих сражений карателей с повстанческой армией Голого развернулось восстание в украинских селах.

В восстании 1707—1708 гг. активное участие принимали все крестьяне независимо от того, были ли они черносошные, монастырские или частновладельческие. Они действовали совместно, так как врагом крепостного права «является *все крестьянство как целое*»[26].

В период господства крепостных порядков, как подчеркивал В. И. Ленин, «...вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»[27].

Казацкую голытьбу, игравшую особо видную роль на начальном и завершающем этапах восстания, также можно рассматривать как вчерашних крестьян, бежавших от угнетателей и вынужденных вести несколько иной образ жизни. К моменту восстания немало бедных казаков уже занималось земледелием и в представлении крепостного крестьянина отожествлялось с идеалом свободного труженика, работавшего на своей земле.

Голутвенное казачество было более организованным, чем крестьянство.

Среди самой голытьбы были беднейшие слои и немало лиц, которые по своему экономическому положению приближались к рядовому казачеству.

К рядовому казачеству обычно относят тех, кто числился в составе Войска Донского, но не принадлежал к старшинской верхушке и своими силами вел хозяйство. К сожалению, до настоящего времени при рассмотрении расстановки социальных сил в восстаниях 1667—1671, 1707—1708 и 1773—1775 гг. рядовое казачество почти не упоминалось. Обычно, исследователи данного периода, в том числе и автор этих строк, все население Дона делили на голутвенных и «природных» казаков, а «промежуточные» слои оставляли без особого внимания.

А между тем положение рядового казачества отличалось и от большой части голутвенных и тем более от «природных» казаков. Рядовые опасались, что в результате наступления царизма на их земли они окажутся в положении крепостного крестьянства. В то же время рядовые ненавидели верхушку «природного» казачества, которое утаивало от них жалованье, захватывало принадлежащие всему Войску доходные промыслы, покосы и не брезговала поживиться за счет эксплуатации рядовых.

В рядах повстанцев активное участие принимали городские низы. Как правило, при взятии повстанческими отрядами городов они становились на сторону восставших в борьбе с руководившей обороной городской верхушкой и местным гарнизоном. В результате Царицын оборонялся лишь пятьюстами воинами, набранными из представителей городской верхушки, и ротой солдат. О том, что большая часть царицынцев поддержала повстанцев, можно судить не только по быстрой сдаче города, но также по дикой расправе вступивших туда карателей, которые не тронули лишь престарелых и детей.

Дмитриевск перешел, как известно, в руки городской бедноты в результате восстания в самом городе. Захватившие власть городские низы призвали на помощь повстанцев. Город Борисоглебск был взят повстанцами при активной поддержке городских низов и вплоть до подавления восстания находился в руках восставших. Та же картина наблюдалась при взятии Боброва, Чембара, Мокшанска и других городов.

В городах, находившихся вблизи от охваченных восстанием земель, велась подготовка к ниспровержению городских властей к моменту прихода повстанцев. Особенно энергично велась она в Тамбове и Козлове. Большинство горожан, кроме городской верхушки, были горячими сторонниками повстанцев. В Козлове булавинец З. Борыбин сумел создать тайную организацию, которую возглавил выбранный из козловцев атаман. Он руководил подготовкой восстания (проводился сбор оружия, велась соответствующая пропаганда и т. д.). В Тамбове многие посадские жители отказывались исполнять распоряжения воеводы Данилова и не скрывали радости по поводу булавинских успехов. О тревожном состоянии в Тамбове и Козлове хорошо знал Г. И. Волконский. Запрашивая у Петра I (в «доношении» от 22

[26] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.
[27] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

марта 1708 г.) солдат, Волконский писал: «И есть ли в Танбове и в Козлове простаго народу полками не охранить и не удержать, то чаю, государь, что их воровской намерак размножится».

По всей видимости, существовал заговор и в отдаленных городах. Появившиеся в Нижнем Новгороде надписи «быть бунту» свидетельствовали о наличии там тайной организации.

При переходе городов в руки повстанцев в них устанавливалось управление по казацким обычаям. Открывались двери тюрем и «распускались колодники»; наиболее ненавистных воевод, представителей администрации и офицеров гарнизона казнили, казна и имущество казненных делились между повстанцами.

Городские низы оказывали материальную помощь участникам восстания, сообщали сведения о численности и планах карателей. Известно также, что жители Дмитриевска помогали повстанцам проводить земляные работы, необходимые для успешного осуществления штурма Царицынской крепости. Жители Тамбова и Козлова, ожидая приход булавинцев, «стали на переправах и проездах и ловили царских людей».

О наличии среди восставших городской бедноты можно судить по тем же расспросным речам, спискам колодников и даже по донесениям местных воевод. Так, в партии 84 пленных булавинцев, присланных 23 октября 1708 г. на Валуйки, большинство по своему социальному происхождению было из мелких посадских людей (6 козловцев, 10 валуйчан, 12 белгородцев и др.).

Среди участников повстанческих отрядов были «сходцы» не только из деревень, но также из городов. «Казак Антон Филиппов сын Черников,— сообщал Голицын в отписке в Разряд,— в расспросе оказался: родом чугуевец, отец его был виноградным садовником, а он по тому городу службы никакой не служил, сшол в донецкие городки и жил в Ойдарском». «Сходцем с Валуек» был и булавинский атаман Лука Хохлач.

Жителям неказацких городов, перешедших на сторону повстанцев, предлагалось на добровольных началах вступать в войско восставших.

Известно, например, что Хохлачом были призваны в повстанческое войско многие жители Борисоглебска.

Характерной чертой восстания 1707—1708 гг. явилось участие в нем большого числа работных людей. Они работали на заготовке леса для строительства Воронежского флота, были гребцами и грузчиками на отправляемых по Дону и Волге бударах, чинили и сооружали крепости городов и т. д.

Как правило, работные люди поголовно переходили к восставшим.

Так, 814 работавших на сплаве леса на Хопре и 500 работных людей, заготовлявших лыко в битюгских лесах, все как один присоединились к повстанцам.

На сторону Голого, как уже говорилось, перешли все работные люди с захваченных будар полковника Бильса. Как правило, после захвата повстанцами караванов, плывущих по Волге, все работные люди, сопровождавшие эти караваны, присоединялись к восставшим. Они принимали активное участие во взятии Царицына. Однако городские низы и работные люди, несмотря на то что они были решительными и последовательными участниками восстания, терялись в массе восставшего крестьянства.

Заметную долю в рядах восставших составляли беглые солдаты, драгуны и рекруты. Много солдат было в повстанческом отряде Павлова из числа сдавшихся во время обороны Царицына и перешедших на сторону повстанцев из гарнизона Дмитриевска. В повстанческой армии Голого остались многие солдаты «Бильсова полка». Среди повстанцев находились солдаты и драгуны перешедшие на сторону восставших в 1705 г. в Астрахани. Указание на наличие таковых есть в донесении Хованского Петру I от 24 октября 1708 г.[28] Бегство солдат и драгун наблюдалось и из армии карателей. Ф. Шидловский, П. И. Хованский, Г. И. Волконский и другие жаловались на «ненадежность» полков. Так, запрашивая 2 мая 1708 г. Д. М. Голицына о присылке полков, Шидловский писал, «чтоб ему русских войск прислать, а он, конечно, на своих казаков не надеетца». Хованский в донесении Петру I от 25 июня 1708 г. признавался, что, кроме драгунского полка И. Болтина, «солдаты у меня в полку ненадежны...» ...«Есть ли с Москвы присланы будут полки из рекрутов, которые из волосных и с помещичьих крестьян и тамошних краев, и набраны те полки не

[28] Хованский писал, что во время сражения под Паншиным «крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты, а наболши полку господина фельтмаршала (т. е. подавителя Астраханского восстания Б. П. Шереметева. — *В. Л.*)...».

в давных временах, — предупреждал Волконский царевича Алексея в «доношении» от 29 марта,— то чаю, государь, что они к отпору их изменников будут ненадежны...»

Много было среди восставших и бурлаков. В отрядах, ушедших из Черкасска на Волгу, как осведомлял азовского губернатора Толстого «природный» казак С. Киреев, преобладали «судовая сволочь» и «черкесские бурлаки». По показанию взятого в плен булавинца М. Скоробогатки, вместе с повстанческим отрядом С.Беспалого из Бахмута «пошло бурлаков с 500 человек».

В отряды восставших часто вливались представители низшего духовенства (попы, монахи, иноки). Они также угнетались церковными феодалами. Среди них было немало раскольников, которые подвергались гонению за свои религиозные убеждения. В партии «пущих завотчиков» (44 человека), отосланных Долгоруким в октябре 1708 г. в Преображенский приказ, числились «растрига Филимошка Иванов сын Подобедов, был в Азове в чернцах», «растрига, что был в мире Тимошка Игнатьев сын Добрин, во иноках было имя ему Тарасий», «черный поп Мелетий».

Представители низшего духовенства участвовали в сражениях и даже возглавляли повстанческие отряды.

В едином потоке борьбы с крепостничеством и невыносимым гнетом феодального государства были представители разных народов: русские, украинцы, башкиры, марийцы, чуваши, вотяки, мордва, татары, калмыки и другие. Нерусские народности, в своем большинстве крестьяне, выступали не только против колонизаторской политики царизма, но и против своих собственных феодалов. Местные феодалы, так же как и русские, обогащались за счет пота и крови «единокровных» им крестьян и скотоводов.

Говоря об участии в восстании представителей самых различных национальностей, следует иметь в виду, что само донское казачество по национальному признаку было разнородно. Большинство представляли русские и украинцы.

Вспыхнувшее в верховьях Дона восстание развивалось одновременно с очагами классовой борьбы в Поволжье и на Украине. Восставшие пытались объединить свои усилия, но неудачно. Вне зависимости от того, какая национальность преобладала в повстанческих отрядах, действовавших в различных районах, их классовая направленность была одна и та же.

Попутчики восстания

Попутчиками в восстании 1707—1708 гг. мы называем домовитых[29] казаков, которых больше всего задевала направленная против «независимости» Дона политика Петра I и которые стремились использовать начинавшееся восстание в своих личных интересах. Когда же им это не удалось, они предали восставших и стали помощниками карателей. Переметнувшись на сторону Долгорукого, многие из них с помощью солдатских штыков сумели сохранить свое привилегированное положение, которому серьезно угрожало разгоревшееся восстание. Позднее, с превращением Дона в один из районов феодального хозяйства домовитые перерождались в феодалов-крепостников, становились верной опорой царской власти.

Ни в одной из имевших место в России антифеодальных крестьянских войн, за исключением, пожалуй, восстания под руководством Болотникова, проблема попутчиков не приобретала такой остроты, как в 1707—1708 гг. Расчеты домовитых строились на том, что Петр I, всецело занятый войной с Карлом XII, получив отпор на Дону, откажется от дальнейшего наступления на права и земли Войска Донского. Попутчики надеялись также на то, что народное возмущение с убийством Долгорукого само по себе утихнет. В противном случае его можно будет уничтожить в самом начале своими силами. В этом и в другом случае они просчитались. Начатая ими «игра с огнем» привела к опасным последствиям. Петр I, защищая интересы класса помещиков и купцов, и не думал действовать так, как хотелось бы попутчикам из числа домовитых. С другой стороны, им не удалось заставить Булавина во время его пребывания в Черкасске ограничить свою программу лишь борьбой за «независимость» Дона, уничтожить классовую направленность народного выступления.

Нельзя упускать из вида, что идея «независимости» Дона, которую защищали домовитые, пользовалась популярностью и среди рядового казачества. Но как только в ходе восстания антагонистические

[29] По мнению автора, часто встречающееся отождествление «природных» казаков с домовитыми неточно. Если домовитые, как правило, были «природными» казаками, то лишь часть «природных» была домовитыми.

противоречия возросли настолько, что угроза со стороны голытьбы, бурлаков и Других стала больше, чем со стороны царского правительства, наблюдается массовый отход попутчиков от восстания. Он был ускорен военными поражениями булавинцев.

После расправы с Ю. Долгоруким кончилось «общее согласие» с Булавиным, который видел в этом лишь начало борьбы. Стремясь замести следы своего участия в этом деле и воспрепятствовать продолжению открытой классовой борьбы, старшина постаралась избавиться от Булавина.

Предав однажды Булавина и его повстанцев, часть старшины и домовитых казаков вновь примыкает к восстанию, когда стало ясно, что с возрожденным весной 1708 г. движением нельзя будет расправиться так легко, как когда-то с небольшим повстанческим отрядом. Число попутчиков росло по мере успехов повстанческой армии. Так, до овладения Черкасском были еще городки (Бурацкий, Казанский, Правоторовский и др.), где старшине удалось удержать казаков от присоединения к постанцам. Старшина Закотенского и ряда других городков долго выжидала, чем кончится дело.

Во время утверждения Булавина и его сторонников в Черкасске попутчики из среды старшины и домовитых, по всей видимости, стремились воспрепятствовать дальнейшему распространению классовой борьбы и ограничить действия Булавина закреплением в основном осуществленной программы «независимости» Дона от правительства Петра I. Без сомнения, попутчики много сделали для того, чтобы были выведены из Черкасска отряды голытьбы. Домовитые, обладавшие запасами хлеба, не желали давать его пришедшим в Черкасск бурлакам и другим представителям бедноты, намереваясь с помощью голода избавиться от них. Как показывал бывший 24—28 мая в Азове толмач (переводчик) К. Оттоганов, при Булавине в те дни было «единомышленников ево воров человек с 500 или немногим больше, только многие от него бегут врознь по донским городкам в свои жилища, потому что будучи при нем чрез многое время исправились».

Попутчики стремились использовать в своих интересах казацкий круг, который часто собирался в Черкасске во время пребывания там К. Булавина. На одном из кругов (примерно в последних числах мая), как показал бежавший из Черкасска «черкасской станицы казак», «казаки в том кругу ему говорили, что он много говорит, а с повинною к великому государю не посылает...» Это требование, очевидно, поддержало и немалое число «рядовых» казаков, которые были склонны удовлетвориться полученными победами.

Чем меньше было у попутчиков надежд на то, что Булавин ограничится только программой «независимости» Дона и договорится с царем, тем больше их уходило из повстанческого лагеря. Одни уходили под начало к азовскому губернатору, другие готовили тайный заговор в самом Черкасске, чтобы захватить и уничтожить Булавина.

Массовый отход попутчиков начался, по всей видимости, в тот момент, когда пришедшие с Булавиным повстанцы все чаще стали требовать раздела имущества домовитых и когда многотысячная армия Долгорукого вторглась на донские земли. Отход окончательно определился с поражением повстанцев под Азовом и на Кривой Луке и завершился открытым вооруженным выступлением домовитых против Булавина.

С приходом армии Долгорукого в Черкасск вчерашние попутчики Булавина стремятся выслужиться перед карателями, принимая активное участие в борьбе с не разгромленными еще повстанческими отрядами.

О попутчиках восстания в его завершающий период говорить не приходится.

Таким образом, не отход попутчиков, а действия на Дону многотысячной, хорошо вооруженной и обученной армии под командованием Долгорукого определили поражение восстания. Мы, советские историки, рассматриваем то или иное восстание с классовых позиций. Поэтому изменение в соотношении классовых сил в ходе восстания для нас должно иметь крайне важное значение. Значит, и проблема попутчиков должна занимать подобающее ей место, так как колебания в политике попутчиков — ярчайший показатель изменения в расстановке сил участников и врагов восстания.

Планы восставших

О планах восставших следует говорить лишь с оговорками. На восстание наложили свой отпечаток политическая незрелость, ограниченность, стихийность. В дошедших до нас «прелестных письмах» и показаниях современников ничего не говорится о том, к какому политическому строю должно было привести восстание. Планы восставших по своей целенаправленности определялись интересами

участников восстания. Большинство из них испытало весь ужас крепостничества и было кровно заинтересовано в его уничтожении. У большинства из них были одни и те же враги: крепостник-помещик, действовавшие от имени государства «немцы» (иностранцы. — *В. Л.),* которых было немало в петровской администрации и среди офицерства, прибыльщики, воеводы, «бурмистры», «целовальники» и др. Острие народного гнева в движении 1707—1708 гг., как и других антифеодальных крестьянских войн, было направлено против представителей класса феодалов. Планы восставших обычно не расходились с делами. В Дмитриевске захваченных офицера, полкового писаря и бурмистра соляной продажи повстанцы «побросали в воду». В Царицыне были казнены комендант и подьячий. Документы в приказных избах уничтожались, из тюрем выпускались «сидельцы». Расправились повстанцы и с некоторыми «немцами». Был «посажен в воду» полковник Бильс. Пришедшие весной 1708 г. в село Боровское Козловского уезда повстанцы арестовали подьячих, уничтожили офицерские документы, разорили дома богачей, освободили колодников.

Кроме стремления уничтожить крепостнические отношения, большая часть восставших, обосновавшаяся на донских землях, не желала проникновения помещиков на «тихий Дон». Такая позиция носила больше оборонительный характер. Среди участников восстания были колеблющиеся, неустойчивые люди. Они ненавидели царских помещиков, прибыльщиков, враждебно относились к богатеям из числа «природных» казаков, но в то же время им было трудно расстаться со своим хозяйством, чтобы двинуться за пределы «тихого Дона» для истребления врагов.

Другие, в первую очередь крепостные крестьяне «новопоселенных» деревень Придонья, не закрепившиеся на донской земле беглые крестьяне, бурлаки, большинство верховых казаков и другие понимали, что «независимость» Дона не спасет их от гнета. Поэтому они больше были заинтересованы в походе на Москву, чтобы уничтожить крепостников на территории всей страны.

Булавин на первоначальном этапе восстания стремился к объединению сил. Поэтому в «прелестных письмах», рассылаемых в различные районы страны, учитывались интересы различных групп населения.

В «прелестном письме» к запорожской голытьбе Булавин «прельщал» вольготной и богатой казацкой жизнью. «...Кто похочет... погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте...». В то же время Булавин учитывал глубокую ненависть запорожцев к «панам» и «рыцарям» (ростовщикам). Поэтому в письме к запорожскому кошевому К. Гордеенке Булавин, призывая к выступлению, писал: «А о чем у нас с вами атаманы молодцы меж себя был совет обще на ваших рандарей и на панов, и которым путем обещались вы с нами, так и творите...»

В «прелестных письмах» Булавина в русские города, села и деревни, к «начальным добрым (подчеркнуто нами. — *В. Л.)* людем», «посацким торговым людем и всяким черным людем» (примерно март 1708 г.) Булавин заверял, что повстанцы никого не тронут. Более того, стремясь к объединению сил, он там же писал: «А между собой вам добрым начальным людем посацким и торговым и всяким черным людем отнюдь бы вам вражды никакой не чинить, напрасно (подчеркнуто нами. — *В. Л.)* не быть и не грабить и не разорять». В то же время в письме предлагалось «ис тюрем всех выпустить тот час без задержания».

Сподвижник Булавина Л. Хохлач обратился даже с «прелестным письмом» (весна 1708 г.) к стольнику С. Бахметеву и полковнику И. Тевяшову с призывом, «чтоб они Степан и Иван шли с ними заодно» в борьбе против иноземцев и прибыльщиков.

В «прелестном письме» Булавина к казакам (примерно март — апрель 1708 г.) делался упор на необходимость борьбы в защиту «старого поля» от «злых супостатов», под которыми подразумевались «злые бояре» и «немцы».

Как видим, на первоначальном этапе вожди восстания, рассчитывая на объединение сил, призывали бороться далеко не со всеми представителями господствовавшего класса, а лишь со «злыми боярами», «немцами» и т. д. Подобная программа была рассчитана на привлечение попутчиков.

Чтобы сцементировать под лозунгами восстания разношерстную массу, Булавин стремился в «прелестных письмах» играть на религиозных чувствах не только трудовых масс, но и «добрых» начальных и торговых людей, представлял восставших защитниками истинно христианской веры. Под ее врагами подразумевались те же «немцы» и «злые бояре». Религиозные мотивы в «прелестных письмах» обеспечили Булавину поддержку раскольников, которые в то время представляли значительную силу. Активная поддержка Булавина раскольниками — одна из характерных особенностей восстания 1707—1708 гг.

За видимой пестротой лозунгов восстания можно проследить единую программу: закрепить вначале независимость Дона, затем, собрав на его землях многотысячное войско, повести наступление на Москву для истребления «бояр», «немцев», прибыльщиков. Благодаря подобной взаимозависимости лозунгов голытьба дружно выступала совместно с рядовыми казаками.

Измена попутчиков послужила суровым уроком для повстанцев. Они убедились, что рассчитывать на «общее объединение» нельзя. Так, например, атаман Некрасов в своих обращениях уже не заигрывает со старшиной, а гневно требует ответа за совершенное ею убийство Булавина. Такой характер носит и дошедшее до нас «прелестное письмо» атамана Н. Голого. Оно было составлено, очевидно, в тот период, когда идея «объединения сил» перестала себя оправдывать. С подробным разбором этого письма представлялась возможность подробно ознакомиться в разделе о заключительном этапе восстания. Поэтому здесь мы останавливаемся на нем лишь для сравнения с более ранними «прелестными письмами». Характерная особенность «прелестного письма» Голого заключается в противопоставлении голытьбы и «черни» боярам и тем, «которые неправду делают». Здесь, как и в ранних «прелестных письмах», восставшие изображались борцами «за старою веру и за дом пресвятые богородицы», против «ельнинской» веры. Но этот лозунг поддерживался голытьбой Голого в определенном классовом смысле. В ее представлении «ельнинская» (или «эллинская») вера олицетворялась с крепостническим государством, за спиной которого стояли «пущие» угнетатели — феодалы-крепостники.

Военное и дипломатическое искусство повстанцев

Многое, что говорилось о целях повстанцев, можно отнести к их военным планам. За программой, как и за стратегическими планами, скрывались интересы определенных социальных слоев. Наконец, разногласия между повстанцами, военные неудачи и изменения в соотношении классовых сил в ходе восстания влияли не только на способы осуществления программы, но и на стратегические планы.

Планы военных действий восставших определялись целями, к достижению которых стремились участники народного выступления. Прежде всего, для восстановления независимости Дона повстанцы, выставив заслоны на случай продвижения царских войск с севера, предприняли поход на Черкасск и Азов. Овладение этими городами-крепостями обеспечивало бы крепкий тыл в походах на Москву для борьбы со «злыми боярами», «немцами», прибыльщиками.

Кроме того, поход на Черкасск имел двойное значение. *Для* осуществления планов восставших нужно было восстановить прежние права Войска Донского и значение старинного органа народовластия — общевойскового круга. Получение «стародедовских» свобод можно было добиться лишь после ниспровержения Лукьяна Максимова и старшинской верхушки, засевших в Черкасске.

Одновременно с походом к Азову и Черкасску велась подготовка к походу на Москву. Во многие города, вплоть до Тулы, рассылались «прелестные письма». Тула была избрана местом сбора повстанческих сил перед решающим броском к столице.

Из-за быстрых и решительных действий царского правительства, предательства попутчиков и разногласия в среде самих повстанцев они вынуждены были ограничиваться осуществлением лишь первоначальных военных планов, а именно: успешный поход на Черкасск, захват его и установления своей власти в донских землях. Изложенные выше военные планы, очевидно, существовали у Булавина к моменту разгрома отряда Ю. Долгорукого. К сожалению, не удалось найти «прелестных писем», относящихся к началу восстания.

Но без сомнения, что еще тогда планы булавинцев шли гораздо дальше уничтожения отряда Ю. Долгорукого. Тем более ценным служит показание казака В. Мануйлова «с товарищем» острогожскому полковнику И. Тевяшову (октябрь 1707 г.). Они передали Тевяшову слова Булавина, сказанные атаману Боровского городка. Из этих слов следовало, что Булавин стремился создать многочисленное казачье войско из казаков и совершить поход против Шидловского. По пути восставшие «и копьями и ружьем и платьем наполнятца, и пойдут в Азов и на Таганрог, и свободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарыщи. И на весну собрався пойдут на Воронеж и до Москвы...» Очевидно, не случайно в стратегические планы Булавина первоначально не входил поход на Черкасск, так как, добиваясь «общего согласия», атаман не хотел до поры до времени ссориться с Л. Максимовым. Выступление старшинского войска против булавинского отряда и поражение последнего наглядно продемонстрировали нереальность планов «общего согласия» с черкасской правящей верхушкой.

Уйдя в Запорожскую Сечь, Булавин с 12 казаками с еще большей энергией приступает к осуществлению отложенных до весны 1708 г. планов. «И просил он, Булавин, Войска Запорожского себе в споможение к возмущению бунта, чтоб учинить то в великороссийских городах»,— писалось в грамоте из Малороссийского приказа гетману И. С. Мазепе от 20 января 1708 г.

Большинство дошедших до нас «прелестных писем» с изложением военных планов восстания относится к весне 1708 г. В то время эти письма играли существенную роль в создании многотысячного повстанческого войска. Ближайшей целью собранного Булавиным войска был поход на Черкасск. Об этом говорилось в официальных правительственных документах, а также в показаниях станичника Г. Курепанова от 10 апреля. То же показал посланный Тевяшовым на Хопер острогожский казак: «А имеет де он, вор Булавин, свое воровское намерение итить водою и сухим путем в Черкасское, побить стариков (т. е. старшин. — В. Л.)». Поход на Черкасск должен был предупредить нападение с тыла домовитых казаков и «мундирных солдат» азовского губернатора. Взятие Черкасска было необходимо для объединения повстанческих сил со всего «тихого Дона». Здесь учитывался печальный опыт Степана Разина, который не овладел Черкасском, дал возможность донской старшине скопить силы.

В дальнейшем в планы повстанцев входил, как и раньше, поход на Азов и Троицкий. «Да ему ж де Кондрашку с теми казаками,— заявил 10 апреля Г. И. Волконскому упомянутый станичник Г. Курепанов, — итить в Азов и в Троицкой, что на Тоганрогу, вырубить начальных людей...» То же подтвердил 14 апреля житель Козлова К. Анцыфоров. Именно этого так опасался И. А. Толстой, узнав о намерении Булавина расправиться с Л. Максимовым. В «до-ношении» Петру I от 11 апреля азовский губернатор в тревоге сообщал: «А есть ли, государь, тот вор (т. е. Булавин. — *В. Л.)* в Черкасском старшин побьет, опасно государь того что не учинил какого бедства Азову и Троецкому, и для сего добро бы государь полков к нам прибавить».

Направляясь с основными силами восставших к Черкасску, Булавин в то же время оставил часть повстанцев на Слободской Украине и Придонье. Эти отряды должны были не только препятствовать действиям правительственных войск, но и подготавливать силы для будущего похода на Москву. Путь к Москве должен был проходить через Придонье. Об этом, в частности, сообщил 20 марта Г. И. Волконскому тамбовский воевода Данилов. В панике он передал слова прибежавшего к нему с заставы тамбовца, что на днях повстанцы прибудут в Таганрог, а затем должны будут пойти на Тулу, где объявлен сбор всех сил.

Помимо оставленных в этих районах отрядов, Булавиным было послано 1700 повстанцев под Саратов «для возмущения народа». Став войсковым атаманом, Булавин действует в чрезвычайно сложной обстановке, сложившейся в Черкасске. В это же время над восставшими нависла угроза со стороны тридцатидвухтысячной карательной армии В. Долгорукого.

Возможно, Булавин, находясь в Черкасске, по-прежнему стремился к претворению в жизнь первоначальных замыслов. Однако, будучи избранным войсковым атаманом, он стал полностью зависим от войскового круга. В то же время «природные» и особенно домовитые казаки по мере ухода из Черкасска наиболее последовательных борцов за осуществление программы восставших препятствовали осуществлению решительной политики. Можно предполагать, что Булавин и осознавал, что политика «общего согласия» себя изжила, но вынужден был по-прежнему ей следовать.

Известие о продвижении в район восстания армии Долгорукого сковало действия восставших, находившихся в Черкасске. Булавин, вместо того чтобы идти на штурм Азова, дробит свои силы и отправляет лучшие отряды навстречу карателям. Отказ от похода на юг, в то время как армия восставших по численности в 4 раза превосходила гарнизон Азова, был роковой ошибкой Булавина. Взятие этого южного форпоста и присоединение многих тысяч азовских работных людей и ссыльных, без сомнения, существенно повлияло бы на дальнейший ход восстания.

Для стратегии преемника Булавина И. Некрасова характерно стремление вернуть утраченные повстанцами выгодные позиции и заодно отомстить Зерщикову и другим старшинам за измену «войсковому договору». Военные планы Некрасова предусматривали объединение сил, дополнительный набор добровольцев в повстанческое войско, окружение и уничтожение Долгорукого и изменников-старшин в Черкасске. Долгорукому удалось воспрепятствовать осуществлению этих планов.

В связи с этим можно остановиться на характеристике военных действий Голого. Голый, как и Некрасов, стремился собрать по возможности более многочисленное войско, чтобы «итить под украинные городы, где стоит с полками господин Долгорукой. И как ево господина Долгорукова с полками разобьют, то... чернь к ним собрався пристанет от многих несносных податей и от тягости, и от прибыльщиков к ним ворам, и поймав городы пойдут до Москвы побить бояр и немцев и прибыльщиков...». Как уже говорилось, у Голого существовал и другой план — уйти зимовать на Волгу, а с весны вновь поднять знамя восстания.

Армия восставших была создана на принципе добровольности.

«Воровские» казаки, по признанию воронежского воеводы С. Колычева в его отписке в Разряд от 11 апреля 1708 г., «неволю никого не брали».

Если не выучкой, то своими моральными качествами армия повстанцев намного превосходила драгунские и солдатские полки, особенно из недавно набранных рекрутов. Нам довольно-таки часто встречались документы о бегстве из регулярных полков и в то же время не попадалось фактов о бегстве из рядов армии восставших. Повстанческая армия была подлинно народной, освободительной армией. Поэтому ее тактика в корне отличалась от тактики карателей. Всем своим поведением повстанцы показывали, что борются против угнетателей народа. Захватывая в плен противника, повстанцы расправлялись лишь с «начальными людьми». Солдатам часто предоставлялся выбор: или присоединиться к восставшим, или уходить, куда пожелают. Обычно большинство оставалось в лагере повстанцев.

В борьбе с врагом повстанцы умело пользовались поддержкой местного населения. Они обращались за помощью к жителям при взятии городов, для пополнения продовольственных запасов, при сборе оружия и т. д. Горячая поддержка местного населения обеспечивала в известной степени «живучесть» повстанческих отрядов. В тех местах, где повстанческой армии не было, но куда она собиралась прийти, успешно действовали, опираясь на поддержку народа, булавинские посланцы. Они втайне организовывали отряды из местного населения, которые должны были выступить к моменту появления повстанческой армии; собирали с этой целью оружие, разжигали недовольство местными властями.

Военные действия восставших опирались на существовавшее у казаков военное искусство. Отряды восставших были разбиты на десятки, которые составляли отдельную боевую единицу — сотню. Во главе сотни стоял атаман. Атаманы сотен подчинялись главному предводителю. Ими были К. Булавин, затем И. Некрасов и, наконец, Н. Голый. Важные вопросы решались повстанцами демократическим путем — на кругах.

Находившиеся в повстанческих отрядах казаки, беглые солдаты, драгуны обучали незнакомых с военным делом простейшим военным навыкам и обращению с оружием. Крупные повстанческие отряды имели пушки.

Во время сражения активно действовала конница восставших. Она бросалась первой на врага «казацким обычаем», т. е. беспорядочной лавиной. Если ей удавалось пробить брешь в рядах врагов, туда устремлялась пехота, которая вместе с пушками находилась за расположенными в ряд обозами. В случае отражения натиска конницы она укрывалась за вступавшую в бой пехоту и артиллерию.

Если представлялся случай, повстанцы вступали в переговоры с врагом и стремились склонить его на свою сторону. Так, например, переговоры повстанцев с казаками из войска Максимова незадолго до сражения на р. Лисковатке способствовали переходу последних в самый решительный момент сражения на сторону восставших.

Повстанцы умели не только отступать, но и уходить от преследования превосходивших сил врага. Даже получив поражение во время битвы, они избегали полного уничтожения. Были нередки случаи, когда буквально на другой день после поражения спасшиеся повстанцы вновь возрождали «на голову разгромленный» отряд. Убитых во время сражения заменяли добровольцы, как правило, местные жители.

Большую роль при взятии повстанцами города играла не только поддержка местного населения, но и умелое применение распространенных в то время приемов осады. Например, при осаде царицынской малой крепости повстанцы «днем и ночью землю валили и ров засыпали и, наметав дров, и всякого смоляного лесу и берест зажгли, и великою силою приступом и тем огнем тот осадной городок взяли...»

В свою очередь, повстанцы умели укреплять свои городки и пытались выдерживать в них осаду регулярных полков. Засевшими в городке Есаулове повстанцами был успешно отбит штурм регулярных полков Долгорукого.

Хорошо была поставлена у повстанцев разведка. Редко врагу удавалось застигнуть какой-нибудь повстанческий отряд врасплох.

Под особенно тщательным наблюдением находились те места, откуда ожидался приход карательной армии. По дорогам и переездам выставлялись заставы. Повстанцы перехватывали посыльных, как от

воевод, так и начальников правительственных войск. Хорошо организованная разведка помогла разгромить Сумский полк и разоружить полк Бильса.

Благодаря хорошей разведке повстанцы нередко предпринимали внезапное нападение на врага. В этой связи достаточно вспомнить, как булавинцы успешно уничтожили отряд Ю. Долгорукого. Этот эпизод стал нарицательным для обозначения какой-либо внезапной перемены («Кондрашка хватит»). Внезапность нападения в значительной степени обеспечила победу повстанцев над Сумским полком, полком Бильса и др.

Чтобы усложнить продвижение драгунских полков Долгорукого, повстанцы выжигали степь. Для того чтобы «нагнать страха» правительственным войскам и в то же время вселить большую уверенность в силы восставших, булавинцами умышленно распространялись слухи о неисчислимых повстанческих армиях и о крупных победах над карателями. К этому приему прибегал и сам Булавин. Например, в отписке к киевскому воеводе Д. М. Голицыну (не ранее 5 июня 1708 г.) Булавин грозился в случае невыдачи находившихся в Белгороде его жены и сына послать туда «войско... тысяч 40 или 50 или больши».

Булавин хорошо осознавал, с каким сильным врагом ему придется бороться, и поэтому был кровно заинтересован в поисках союзников среди соседей «тихого Дона». Переговоры с ними Булавин вел задолго до того, как стал войсковым атаманом и восстановил отнятое Петром I у Войска Донского право внешних сношений. Большой интерес в этом отношении представляют показания В. Мануйлова «со товарыщем» полковнику И. Тевяшову, передавшими разговор между Булавиным и атаманом Боровского городка. Разуверяя атамана в том, что восставшие не пропадут в случае прихода «войска из Руси», Булавин заявил: «Не бойтесь де, для того что он тс дело начал делать не просто, был он в Астрахани и в Запорожье и на Терках, и они, астраханцы и запорожцы и торченя, все ему присягу дали, что им быть к нему на вспоможение в товарищи, и вскоре они к ним будут». Очевидно, с агитационными целями Булавин преувеличил результат своих переговоров, но, можно предположить, что они все же имели место. Булавин имел основание надеяться на то, что и запорожское казачество, обеспокоенное наступлением царского правительства на их права и земли, и астраханцы, волнения среди которых не улеглись после событий 1705—1706 гг., и терские казаки, насчитывавшие в своих рядах много беглых крестьян, работных людей и раскольников,— все они горячо поддержат выступление против «злых бояр», «Немцов», «прибыльщиков». Дон не будет в этой борьбе одинок.

Причины поражения

Поддержка запорожцев помогла Булавину укрыться в Запорожской Сечи. Пребывание в Сечи убедило Булавина, что ее богатая верхушка и рядовое казачество, особенно голытьба, по-разному воспринимали его призывы «к возмущению». Как сообщалось в грамоте от 20 января 1708 г. из Малороссийского приказа гетману И. С. Мазепе, «рядовые де казаки, на то его прелестное прошение склонились было, только де на такое злое дело не поступили кошевой и куренные атаманы». Несогласие кошевого и куренных атаманов на поддержку восстания против Москвы способствовало тому, что вместо старого кошевого был выбран новый — К. Гордиенко. Гордиенко боялся открыто присоединиться к Булавину и позволил ему лишь набирать желающих. Зажиточная верхушка Запорожской Сечи не решалась идти на открытую борьбу с царским правительством. В период организации похода на Черкасск весной 1708 г. Булавин устанавливает связи с восставшими украинцами, часть которых вливается вместе с запорожцами в его армию. Повстанцы стремятся также прорваться к Саратову, где им была обеспечена поддержка со стороны жителей города. Имеются сведения о связи между булавинцами и восставшими башкирами.

Дипломатические связи повстанцев еще больше укрепляются после избрания Булавина войсковым атаманом. Он стремится заручиться поддержкой соседей, получить помощь в борьбе с правительством Петра I. Однако ожесточенная борьба в самом Черкасске нарушала последовательную дипломатическую деятельность Булавина. Стремясь к передышке, желая смягчить противодействие со стороны «природных» казаков, Булавин обращается к Петру I с заверением в верности и рассылает грамоты с запрещением разным «своевольцам» из казаков «ходить в Русь». Булавин грозит уйти со всем войском на Кубань, пытается завязать переговоры с турецким султаном в том случае, если царь не «простит вины».

Отношения с кубанскими властями не испортились у повстанцев и после убийства Булавина. Уход двухтысячного отряда Некрасова на кубанские земли — яркое тому доказательство.

В завершающий этап восстания атаман Голый также стремится установить связь с повстанцами Украины, русских городов и деревень, Придонья, а также завязать или, может быть, использовать старые связи с саратовцами.

Ни мужество участников восстания, ни умелое использование тактических приемов, ни победы над отдельными полками царских войск, ни взятие Черкасска, Царицына, Дмитриевска, Борисоглебска и других городов, ни распространение восстания далеко за пределы Дона — ничто не могло устранить слабых сторон восстания. Каковы же эти слабые стороны? На них многократно указывали классики марксизма-ленинизма, а именно: 1) стихийность; 2) отсутствие четкой политической программы; 3) раздробленность действий и неорганизованность; 4) локальность и др.

Крестьянство — главная движущая сила восстания 1707—1708 гг. — действовало разобщенно. Оно было забито, неграмотно, привязано к своей земле и не могло должным образом преодолеть узкие интересы и свою привязанность к родным местам.

Подобная идеология и местная замкнутость в значительной степени были присущи рядовому казачеству и в какой-то мере голытьбе. Разность интересов, разобщенность, ограниченность взглядов главных участников восстания коренились в особенностях феодального способа производства.

В существовавшей тогда хозяйственной системе следует искать и первопричину того, что восстание возникло и проходило в основном стихийно. Хотя Булавин и его помощники проделали некоторую работу по организации восставших и их действий, но ее было явно недостаточно. Восстание вспыхнуло не во всех районах одновременно, а в разных местах и в разное время. Оно возникло при наличии крупного очага классовой борьбы в Башкирии, волнений («разбойничества») в районах Верхнего Поволжья. А когда восстание на Дону и Придонье было на исходе, усилилась классовая борьба на Украине. Она была стихийной, что благоприятствовало царскому правительству в подавлении восстания.

Наряду с южными окраинами России в 1707—1708 гг. стихийно поднимались десятки волнений в различных уездах, зачастую очень отдаленных от главного очага классовой борьбы.

Восставшие выступали против бояр, «немцев», прибыльщиков, различных лиц царской администрации, городской и церковной верхушки, черкасских старшин, домовитых. Они повсеместно уничтожали ненавистные порядки, освобождая (на время) себя от крепостничества, долгов, непосильных государственных податей и работ. Тем самым выполнялась негативная сторона политической программы восстания — разрушить все то, что угнетало. Что же касается созидательных целей восставших, то здесь проявлялась беспомощность. Дальше устройства примитивного народовластия на местах, наподобие казацкого круга, действия восставших не были направлены на построение нового общественного строя.

Восставшие не стремились к ликвидации царизма как системы, а лишь мечтали о «добром» царе. Петр I в представлении народа, страдавшего от государственных налогов и работ, не был настоящим русским царем. Его, рассуждали в народе, подменили «немцем». Выступая за «доброго» царя, повстанцы в то же время намеревались сжечь строившийся в Воронеже «государев» флот, распускали согнанных на «государевы» работы крестьян, а начальных людей «сажали в воду».

«Царистские» взгляды проявлял вождь восстания К. Булавин. Он писал покаянное письмо Петру I, надеясь, что тот «простит» восставших, и даже собирался жаловаться ему от имени Войска Донского на угон азовским губернатором войскового табуна.

Булавин также наивно верил в начале восстания, что временные попутчики из числа домовитых казаков могут стать хорошими союзниками в борьбе с боярами, «немцами», прибыльщиками.

Таким образом, в восстании 1707—1708 гг. на южных окраинах России, как и во всех подобного рода движениях, не было и не могло быть четкой политической программы, ясно осознанной конечной цели.

Восстанию 1707—1708 гг. присуща разрозненность действий и неорганизованность. Недостаток должной организации не мог быть преодолен, несмотря на наличие среди восставших большого числа привыкших к дисциплине войсковых казаков и представителей нарождавшегося рабочего класса — работных людей.

Присущая восстаниям периода феодализма разрозненность действий восставших усугублялась во время народного движения 1707—1708 гг. крайне неблагоприятным стратегическим положением главного района восстания.

Получив известие о движении против восставших большой армии Долгорукого, Булавин посылает против него основные силы, оставляя при себе небольшой отряд. Задумав в то же время поход на Азов, Булавин набирает по казачьим городкам войско.

С уходом главных сил повстанцев из Черкасска там подняла голову заговорщическая группа недобитых домовитых.

Недостаточная организованность и разрозненность действий повстанцев обусловливались также чрезвычайно разнородным составом восставших. Если в период успехов, одерживаемых восставшими, отрицательные последствия подобной разнородности особенно не сказывались, то при осложнении обстановки, изменении планов и военных неудачах наблюдалась другая картина. Обострялись противоречия различных общественных групп повстанцев. Выступавшие попутчиками домовитые казаки, по существу являвшиеся классовыми врагами восставших, спешили отойти от народного движения.

Первый крупный раскол в рядах самих повстанцев произошел вскоре же после овладения Черкасском. Голытьба и бурлаки собирались побить многих «природных» черкасских казаков. Создавшееся положение разрядилось лишь после ухода бедноты на Волгу во главе с атаманом Павловым.

В рядах повстанцев в то время происходила также борьба между сторонниками примирения с Петром I и противниками такого примирения. В свою очередь, среди последних имелись разногласия в выборе направления похода. Одни призывали идти на Азов, другие выступали за поход на Москву.

С гибелью Булавина и арестом его сторонников в Черкасске восстание потеряло свой главный штаб.

С потерей руководящего центра восстания разрозненность и неорганизованность возросли. Попытка Некрасова объединить повстанческие отряды потерпела неудачу.

Малые и большие отряды повстанцев часто действовали на свой страх и риск. Нередко отсутствовала взаимная выручка. Лишь один раз повстанцам удалось объединить значительные силы, что обеспечило им победу над Максимовым.

Отрицательную роль для дальнейшего развития восстания сыграла привязанность восставших к обжитым местам, к хозяйству. Особенно это сказывалось в районах, где преобладало крестьянское население, как например в Придонье. Многие из крестьян, освободившись от ненавистных господ, их приказчиков и представителей царской администрации, успокаивались на достигнутом. Лишь небольшая часть крестьян оставалась в рядах восставших и уходила в другие районы для дальнейшей борьбы.

После ухода основных сил повстанцев из какого-либо уезда там происходил спад классовой борьбы, хотя, возможно, в соседних местах, где находились крупные повстанческие отряды, наблюдалось в то же время ее усиление.

Действиям угнетенных нерусских народностей в период восстания 1707—1708 гг. также присуща территориальная ограниченность. Восстания малых народов России обычно не распространялись за пределы национальных районов. Даже такое крупное восстание, как башкирское, не имело прочной связи с главными районами народного движения в южных районах страны. Поднявшиеся осенью 1708 г. на борьбу с «панами» и «рандарями» трудовые массы Украины так и не смогли объединить свои усилия с повстанцами Голого. Известная местная ограниченность была присуща и многим рядовым казакам, составлявшим значительную часть повстанческой армии. Им была более близка и понятна идея возрождения «независимости» Дона, чем конечная цель восстания — поход на Москву.

Беглые солдаты из полка Бильса, «бурлаки» и «ярыжки» Голого не смогли преодолеть противодействие казаков и вывести повстанческую армию за пределы Дона.

Правительственные войска широко использовали разрозненные действия восставших. Особенно показательна в этом отношении тактика В. В. Долгорукого, возглавившего карательную регулярную армию. Он стремился не допустить концентрации повстанческих сил и разбивал отряды повстанцев поодиночке. В результате быстрого продвижения армии Долгорукого Булавин не смог выделить для взятия Азова достаточно сильного войска, а отряды Драного были не в состоянии задержать продвижение карателей.

Таким образом, раздробленность повстанческих сил и местная ограниченность были одной из главных причин поражения восстания. Этот вывод типичен для любого из антифеодальных восстаний. Поэтому приведенное ниже высказывание Энгельса, относящееся к Крестьянской войне в Германии 1525 г., вполне применимо к восстанию 1707— 1708 гг.: «...местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели»[30].

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 435.

Все перечисленные и разобранные выше причины поражения восстания не зависели от воли и желаний восставших. Эти причины являются закономерными для того времени. Однако, выясняя их, нельзя упускать из вида ошибки и просчеты, допущенные отдельными руководителями восстания (в том числе и К. Булавиным), отрицательно сказавшиеся на ходе восстания. Например, трудно найти что-либо для оправдания отказа Булавина идти на Азов, имея в распоряжении 25-тысячную армию. Немалой ошибкой руководителя восстания было терпимое отношение к старшинской верхушке. Несмотря на расправу с наиболее ненавистными старшинами, Булавин все же не довел дело до конца.

Возможно, более выигрышным для дальнейшего развития восстания был бы поход многотысячной армии Булавина по разинскому пути. Тогда Булавину не нужно было бы дробить силы и он смог бы объединиться с восставшими народностями Поволжья и многочисленными «разбойными» отрядами, действовавшими в верховьях Волги. Поддержали бы его и оставшиеся в живых участники Астраханского восстания и терские казаки. Но в походе к Черкасску было заинтересовано большинство казаков. Поэтому трудно судить, смог ли Булавин действовать не так, как было на самом деле.

Преодолеть неорганизованность и разобщенность, четко представить программу действий и благодаря этому навсегда покончить с угнетением крестьянство и городские низы одни не могли. Им необходим был союзник в борьбе за свержение гнета феодалов, который стал бы идейным руководителем и организатором восставших. Лишь при подобном союзе классовая борьба трудящихся завершилась бы полной и окончательной победой. Таким союзником могли быть только буржуазия или пролетариат. А последний в условиях феодально-крепостнической России не мог еще возникнуть.

Историческое значение восстания

Народное движение 1707—1708 гг. имело большое историческое значение.

Марксизм доказал и практика подтвердила, что в обществе, в котором друг другу противостоят враждебные классы, классовая борьба является движущей силой развития этого общества. Чем большие размеры приобретает эта борьба, тем значительнее ее последствия для общественного развития. Следовательно, антифеодальные крестьянские войны, в том числе и народное движение на южных окраинах России в 1707—1708 гг., несмотря на поражение, расшатывали феодально-крепостнические устои и тем самым давали сильный толчок развитию производительных сил общества, ускоряли переход нашей страны к новому, более прогрессивному буржуазному строю.

Несмотря на победу над восставшими, правительство Петра I, выражая интересы помещиков и купцов, вынуждено было принять ряд мер для предотвращения возможности повторения подобной антифеодальной войны. Господствующий класс феодалов-крепостников вышел победителем из войны с крестьянством. После изгнания Карла XII из пределов России помещики-крепостники стремились закрепить эту победу.

Жестокими и решительными мерами правительство Петра I на долгое время пресекло возможность скопления «горючего материала» на Дону, отодвинув места вольного заселения еще дальше от центра.

В ходе ожесточенной классовой борьбы уездная система управления страны показала свою непригодность. Воеводы с их немногочисленными ратными людьми не годились не только для борьбы с массовыми восстаниями, но даже для ограждения помещиков от смелых набегов «разбойных» отрядов. Еще в 1707 г. у Петра I созрел план создания новых территориально-административных единиц — губерний. Народные выступления ускорили стихийную реорганизацию органов местной власти в интересах феодалов.

Власть над губернией передавалась в руки губернатора. Под его началом находились 4 «персоны». Каждая из них в отдельности ведала денежными, хлебными сборами, местными войсками и судом. Коменданты подчинялись губернатору. В декабре 1707 г., т. е. после первой попытки Булавина поднять восстание, Петр I предпринимает дальнейшие шаги в деле осуществления реформы. Он распорядился: «Расписать города частями, кроме тех, которые в 100 верстах от Москвы, к Киеву, Смоленску, Азову, Казани, Архангельску». Губернии создавались на основе существовавших военно-финансовых округов.

Развернувшееся в 1708 г. восстание и возросшая угроза со стороны Карла XII дали мощный толчок для проведения губернской реформы, и вскоре же после Полтавской битвы Петр I торопит избранных губернаторов с окончанием подготовительных работ. Для завершения реформы потребовалось еще сравнительно длительное время. Лишь в 1711 г. губернская организация получает свое формальное

завершение. Для подавления народных выступлений внутри страны Петр I в результате военных успехов получил возможность разместить часть своей армии по губерниям. Благодаря подавлению народных восстаний в начале XVIII в. окончательно укрепился абсолютизм Российской империи. Одновременно с губернской реформой производится повсеместная перепись населения. Перепись имела не только фискальную цель, но и должна была способствовать дальнейшему прикреплению крестьян к земле.

Обращая главное внимание на усиление власти крепостников на местах, Петр I в то же время стремился, не затрагивая основ крепостнической системы, устранить злоупотребления и непорядки, которые вызывали большое недовольство в народе и были одной из непосредственных причин восстания. Так, в 1709 г. Петр I сменил наиболее ненавистных населению воевод Боровска, Белгорода, Владимира, Волоколамска, Звенигорода, Калуги, Можайска, Тулы, Шацка и др.

Правительство Петра I пошло также на значительные уступки башкирской знати. В их руках осталась большая часть «рыбных ловель». Отменялись новые налоги, платившиеся нерусским населением Уфимского и Казанского уездов. Злоупотребление местных властей было публично осуждено правительством. В первые десятилетия после подавления восстания в отношении башкир проводилась более гибкая политика.

Проводимая в последующее время повсеместная перепись населения являлась в целом дальнейшим шагом в закрепощении крестьянства.

Народное движение 1707—1708 гг., несмотря на свое поражение, нанесло мощный удар по феодально-крепостническим устоям. Восстание способствовало уничтожению обветшалой приказной и уездной системы и тем самым благоприятствовало быстрейшему преодолению феодальной замкнутости, ускоряло продвижение к новому, более прогрессивному буржуазному строю. Не случайно поэтому в годы, последующие после подавления восстания, наблюдается дальнейший быстрый рост товарного производства и усиления торговой буржуазии. Неоспоримым свидетельством благотворного влияния восстания 1707—1708 гг. на развитие производительных сил страны служит усиленная народная колонизация окраин и особенно восточных.

Восстание 1707—1708 гг. благоприятствовало дальнейшему обогащению революционных традиций.

Оно привлекало пристальное внимание декабристов, великого русского поэта А. С. Пушкина. Антифеодальные крестьянские войны, в том числе восстание 1707—1708 гг., «заставляли задумываться наиболее просвещенные умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков»[31].

Большое внимание антифеодальным крестьянским движениям уделяли классики марксизма-ленинизма. Они рассматривали их в первую очередь с точки зрения использования уроков прошлого для успешной борьбы пролетариата и крестьянства в настоящем и будущем. Поэтому не случайно в высказываниях классиков марксизма-ленинизма по антифеодальным крестьянским войнам большое место занимают вопросы о необходимости союза крестьянства с рабочим классом в борьбе против угнетателей. Изучение уроков антифеодальных восстаний прошлого имеет практическое значение и сегодня для народов тех стран Азии и Африки, где еще сохранилось господство феодалов.

Многострадальное крестьянство в течение долгих лет было опутано оковами зависимости и угнеталось классом помещиков. Лишь с появлением на исторической арене пролетариата крестьянство под его руководством смогло завоевать свободу. Подобно могучему Гераклу, пришедшему на помощь к Прометею, рабочий класс сбросил оковы с крестьянства, прогнал терзавшего его хищника... И первый раз за свою многовековую истерию освобожденный Прометей вздохнул полной грудью…

[31] М. И. Калинин, О литературе, Лениздат, 1949, стр. 130.

Владимир Иванович Лебедев

БУЛАВИНСКОЕ ВОССТАНИЕ (1707—1708)

Редактор *В. И. Слуянов* Редактор карт *М. Д. Киселева* Художник *Н. А. Игнатьев* Художественный редактор *В. И. Рывчин* Технический редактор *М. И. Смирнова* Корректор *Л. П. Михеева*

Сдано в набор 28/XI 1966 г. Подписано к печати 26/IV 1967 г. 84X108'/$_{32}$. Типографская № 1. Печ. л. 8,19 (4,875)+ вкл. 0,062 (0,105). Уч.-изд. л. 7,97 +вкл. 0,06. Тираж 80 тыс. экз. (Тем. пл. 1967 г. 367/499). А04788.

Издательство «Просвещение» Комитета

по печати при Совете Министров РСФСР.

Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.

Ярославль, ул. Свободы, 97. Заказ № 916. Цена 20 коп.